
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

Том 24. № 4
Апрель–май 2017 г.

RUSSIAN ECONOMIC DEVELOPMENT

Volume 24. № 4
April–May 2017

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ведев Алексей Леонидович — кандидат экономических наук, директор Центра структурных исследований РАНХиГС при Президенте РФ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Моргунов Вячеслав Иванович — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте РФ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дробышевский Сергей Михайлович — доктор экономических наук, директор по научной работе Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Золотарева Анна Борисовна — кандидат юридических наук, руководитель Научного направления «Правовые исследования» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Кадочников Павел Анатольевич — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Научного направления «Реальный сектор» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Радьгин Александр Дмитриевич — доктор экономических наук, профессор, руководитель Научного направления «Институциональное развитие, собственность и корпоративное управление» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Синельников-Мурылев Сергей Германович — доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Стародубровская Ирина Викторовна — кандидат экономических наук, руководитель Научного направления «Политическая экономия и региональное развитие» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

РЕДАКЦИЯ

Ответственный секретарь: Ирина Дементьева

Редактор: Ирина Карясова

Компьютерная верстка: Ольга Белобородова

Адрес в Интернете: <http://www.edrussia.ru> **Электронный адрес:** EDR-journal@iep.ru

Учредитель: Фонд «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара»

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–46259 от 17.08.11

29 декабря 2015 г. Высшая аттестационная комиссия при Минобрнауки России включила журнал «Экономическое развитие России» в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК

Редакционно-издательский отдел: начальник Нина Главацкая, тел.: +7 (495) 629-43-21, факс: +7 (495) 697-88-16

Использованы данные Росстата, Межгосударственного статистического комитета СНГ, НИА «Юниверс», Департамента статистики ЦБ РФ, СИ ММВБ

© «Экономическое развитие России», 2017

Воспроизведение материалов в любой форме допускается только с письменного разрешения редакции

Содержание

МАКРОЭКОНОМИКА

- Почему ЦБ РФ проводит осторожную политику.** Александра Божечкова. Павел Трунин . 3
- Риски нового этапа реформы системы бюджетных учреждений.** Анна Золотарева 6
- Автодорожная инфраструктура как детерминанта производительности в России.** Юлия Литвинова, Юрий Пономарев 10
- Зависимость российской экономики от импорта.** Ольга Березинская, Алексей Ведев 19
- Экономический план Трампа: оценка будущего эффекта.**
Анна Киюцевская, Павел Трунин 26
- Внешняя политика Трампа и многосторонние институты коллективного управления.**
Марина Ларионова, Андрей Сахаров, Андрей Шелепов, Марк Рахмангулов 31

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

- Российская промышленность в 2015–2016 гг.: а был ли кризис?** Сергей Цухло 42
- Хозяйственное обозрение.** Сергей Аукуционек, Андрей Егоров,
Инесса Баширова, Татьяна Сержантова 47

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР

- Банковские пассивы растут за счет вкладов населения.** Михаил Хромов 55
- Дисбалансы российской финансовой системы и возможности их преодоления.** Юрий Данилов 58

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

- Как рассчитать налоговую нагрузку на экономику РФ.** Светлана Шаталова,
Владимир Громов 69
- Расчет показателей налоговой нагрузки и ее влияния на рентабельность в отраслях экономики.** Андрей Корытин, Светлана Шаталова 79

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

- Текущие тенденции в социальном развитии (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС).** Александра Бурдяк,
Дмитрий Логинов, Татьяна Малева, Александра Полякова 86

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Реальный сектор экономики: особенности развития в федеральных округах в 2016 г.** Ольга Изряднова 96
- Регионы в 2016 г.: положение улучшилось за счет столицы.** Наталья Зубаревич 105

- SUMMARY** 110

Макроэкономика

ПОЧЕМУ ЦБ РФ ПРОВОДИТ ОСТОРОЖНУЮ ПОЛИТИКУ*

Александра БОЖЕЧКОВА

Заведующий лабораторией денежно-кредитной политики Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, канд. экон. наук. E-mail: bojchkova@ierp.ru

Павел ТРУНИН

Ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук. E-mail: pt@ierp.ru

Банк России 24 марта 2017 г. принял решение о снижении ключевой ставки на 0,25 п.п. — до 9,75% годовых. Намерение ЦБ РФ придерживаться умеренно жесткой денежно-кредитной политики, несмотря на существенное замедление фактической инфляции, обусловлено инерционностью инфляционных ожиданий, а также сохраняющимися рисками ухудшения платежного баланса из-за возможного падения цен на энергоносители и оттока капитала.

Ключевые слова: инфляция, денежно-кредитная политика, ключевая ставка.

Предыдущее снижение ключевой ставки с 10,5 до 10% годовых состоялось в середине сентября 2016 г. ЦБ РФ почти полгода не изменял процентную ставку, стремясь закрепить тенденцию к устойчивому снижению инфляции. В январе-марте 2017 г. инфляция продолжала снижаться, составив в январе (к январю 2016 г.) 5%, а в феврале (к февралю 2016 г.) — 4,6%. По итогам первых двадцати дней марта индекс потребительских цен (ИПЦ) снизился до 4,3% (к аналогичному периоду 2016 г.), т.е. до уровня июня 2012 г. (См. рис. 1.) В результате ИПЦ в начале текущего года оказался ниже уровня, прогнозирувавшегося регулятором (в октябре 2016 г. Банк России предполагал, что снизить инфляцию до 4,5% удастся только к октябрю 2017 г.). Замедлению инфляции способствовали низкие темпы восстановления совокупного спроса, а также укрепление рубля на протяжении последних четырех месяцев.

Снижение инфляции продолжается по всем ее основным компонентам. Продовольственные товары за январь-февраль текущего года подорожали на 1,1%. Наибольший вклад

в продовольственную инфляцию внес сезонный рост цен на плодоовощную продукцию. В целом замедление инфляции в секторе продовольственных товаров оказалось наиболее заметным (с 4,6% в декабре 2016 г. к декабрю 2015 г. до 3,7% в феврале 2017 г. к февралю 2016 г.) по сравнению с другими ее компонентами. Помимо укрепления рубля это обстоятельство обусловлено хорошим урожаем 2016 г., обеспечившим высокий уровень запасов сельскохозяйственной продукции.

Темп прироста цен на непродовольственные товары за первые два месяца 2017 г. составил 0,7% (5,7% в феврале 2017 г. к февралю 2016 г. по сравнению с 6,5% в декабре 2016 г. к декабрю 2015 г.). Вклад группы непродовольственных товаров в динамику ИПЦ оказался в рассматриваемый период наибольшим по сравнению с вкладом остальных компонент и составил 44,1%. Цены и тарифы на платные услуги населению за первые два месяца 2017 г. увеличились на 0,8%, преимущественно за счет подорожания услуг пассажирского транспорта. В целом инфляция в годовом исчисле-

* — Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» № 6 (44) (апрель 2017 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

нии в секторе услуг замедлилась с 4,9% в декабре 2016 г. до 4,3% в феврале 2017 г.

Слабый потребительский спрос остается одним из ключевых факторов, сдерживающих инфляцию. После январского увеличения, отчасти связанного с единовременной выплатой пенсионерам в размере 5 тыс. руб., в феврале реальные располагаемые денежные доходы населения вновь снизились на 4,1% по отношению к аналогичному периоду прошлого года. Продолжается также сокращение оборота розничной торговли, и в январе 2017 г. по отношению к январю 2016 г. оно составило -2,3% (-5,2% в целом за 2016 г.). Быстрому замедлению инфляции способствовала и курсовая динамика: с начала года рубль укрепился к доллару на 4,1% и, по данным на 25 марта, составил 57,4 руб./долл., достигнув в середине февраля полуторогодового максимума (56,55 руб./долл.). В среднем в январе-марте курс доллара к рублю составлял 58,8 руб./долл., тогда как базовый прогноз Минэкономразвития России среднегодового курса доллара к рублю — 67,5 руб./долл.

Рис. 1. Темп прироста ИПЦ в 2000–2017 гг., в % за год

Источник: Росстат.

Наблюдаемое укрепление рубля связано преимущественно со значительным интересом к российским финансовым активам со стороны нерезидентов в условиях сохранения в РФ повышенных процентных ставок и со сравнительно высокими ценами на нефть в январе — начале марта текущего года (в среднем 55 долл./барр.). В результате за январь-февраль 2017 г. российский рубль в номинальном выражении укрепился более существенно, чем валюты других развивающихся стран, уступив лидерство только бразильскому реалу (рост на 6,7%).

По нашим оценкам, реальный эффективный курс рубля, на протяжении 2016 г. находившийся вблизи фундаментально обоснованного уровня, в начале 2017 г. стал отклоняться и в настоящее время переоценен примерно на 5%. Так, за январь-февраль 2017 г. укрепление реального эффективного курса к декабрю 2016 г. составило 5,7%. В связи с этим возврат реального эффективного курса рубля к равновесной траектории¹ подразумевает обесценение рубля в номинальном выражении примерно на 8%. Это означает, что фундаментально обоснованное значение номинального курса национальной валюты составляет примерно 62–64 руб./долл.

Таким образом, риски ослабления рубля в среднесрочном периоде остаются достаточно высокими. Катализатором этого процесса может стать снижение цен на нефть из-за сохранения дисбаланса ее предложения и спроса на мировом рынке. Дисбаланс может быть усилен замедлением экономического роста в Китае, а также ужесточением денежно-кредитной политики ФРС США, что повысит привлекательность активов США, вызвав отток капитала с других развитых и развивающихся рынков, в том числе из России. Перечисленные факторы являются источниками инфляционных рисков в 2017 г.

¹ При инфляции в России, составляющей 4,6% (февраль 2017 г. к февралю 2016 г.), и в странах — торговых партнерах, принимаемой в среднем за 2%.

Еще одним обстоятельством, заставляющим ЦБ РФ проводить осторожную денежно-кредитную политику, являются инфляционные ожидания экономических агентов. Отметим, что уровень инфляционных ожиданий населения в феврале 2017 г. вырос на 1,4 п.п. — до 12,9% после снижения на протяжении двух месяцев подряд. Это, несмотря на приближение фактической инфляции к целевому значению в 4%, свидетельствует о высокой инерционности инфляционных ожиданий. На наш взгляд, подобная неустойчивость динамики инфляционных ожиданий экономических агентов говорит в пользу принятого Банком России решения о сохранении умеренно жесткого курса монетарной политики.

Наконец, более активному снижению ключевой ставки препятствует и неопределенность относительно бюджетной политики,

особенно с учетом текущей фазы электорального цикла.

Вопрос о степени жесткости проводимой монетарной политики по-прежнему остается дискуссионным. Так, если в 2016 г. темп роста денежной массы М2 в среднем составлял 11,3%, то в январе 2017 г. (к январю 2016 г.) он оказался равным 12,0%. (См. рис. 2.) В условиях замедляющейся инфляции это означает ускорение роста реальной денежной массы, что не вполне согласуется с гипотезой об ужесточении монетарной политики.

Таким образом, учитывая возможные риски ускорения инфляционных процессов в 2017 г., Банк России, по всей видимости, продолжит постепенное смягчение денежно-кредитной политики, учитывая при этом динамику совокупного спроса, инфляционных ожиданий, а также бюджетную политику. ■

Рис. 2. Динамика денежных агрегатов и денежного мультипликатора в 2000–2017 гг.

Источник: Банк России.

РИСКИ НОВОГО ЭТАПА РЕФОРМЫ СИСТЕМЫ БЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ*

Анна ЗОЛОТАРЕВА

Заведующий лабораторией экспертизы законодательства РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; руководитель научного направления «Правовые исследования» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, канд. юр. наук. E-mail: zolot@ranepa.ru

Реформа, нацеленная на переход от сметного финансирования бюджетных учреждений к оплате предоставляемых ими услуг на основе единых нормативов затрат на их оказание, была заявлена более десяти лет назад, однако ее практическая реализация началась только в 2016 г. На новом этапе реформы планируется отказаться от обязательств по финансированию бюджетных учреждений и перейти к рыночному размещению государственного заказа на оказание социальных услуг.

Эти планы сопряжены с существенными рисками, в том числе с возможным неконтролируемым сокращением бюджетной сети, обветшанием имущества государственных учреждений и ухудшением качества социальных услуг. Для снижения этих рисков необходим отказ от целого ряда предусмотренных реформой мер.

Ключевые слова: бюджетные расходы, финансирование бюджетных учреждений, сметное финансирование, нормативы затрат на оказание услуг.

Переход от сметного финансирования бюджетных учреждений к оплате предоставляемых ими услуг на основе нормативов затрат на их оказание был намечен более десяти лет назад¹. Это должно было решить одновременно две задачи: во-первых, создать для публичных учреждений стимулы к сокращению издержек и, во-вторых, обеспечить условия для конкуренции между публичными и частными организациями за бюджетное финансирование. Однако вплоть до последнего времени отказ от сметного финансирования в большинстве отраслей оставался формальным, поскольку объем субсидий для каждого учреждения определялся на основе индивидуальных нормативов затрат на оказание услуг, т.е. нормативы подгонялись под исторически сложившийся уровень финансирования.

В 2016 г. начался переход к финансированию госзадания на основе единых нормати-

вов затрат на оказание услуг, при этом различия в видах и условиях деятельности учреждений одного профиля отныне должны учитываться с помощью корректирующих коэффициентов². Пока сфера применения единых нормативов остается достаточно ограниченной, однако объявленные задачи нового этапа реформы должны серьезно отразиться на экономическом положении государственных и муниципальных учреждений.

Состав затрат учреждений, которые должны учитываться при расчете нормативов, постоянно расширяется, и в ближайшей перспективе норматив должен включить все расходы, за исключением амортизации недвижимого имущества³. Так, в настоящее время затраты на приобретение особо ценного движимого имущества финансируются через субсидии на иные цели, которые позволяют учитывать изначальную обеспеченность учреждений

* — Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» № 6 (44) (апрель 2017 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 22 мая 2004 г. № 249 «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов».

² См. п. 5 ст. 69.2 Бюджетного кодекса РФ в редакции Федерального закона от 29.12.2015 г. № 406-ФЗ.

³ Постановление Правительства РФ от 26.06.2015 г. № 640 «О порядке формирования государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) в отношении федеральных государственных учреждений и финансового обеспечения выполнения государственного задания».

этим имуществом. С 2018 г. в состав нормативов должны войти затраты на формирование резерва на полное восстановление состава объектов особо ценного движимого имущества, что закрепит диспропорции в материальной базе учреждений.

Постоянно сокращается доля условно-постоянных затрат на содержание имущества, покрытие которых гарантировано учреждениям безотносительно к числу потребителей, а с 2019 г. планируется полный отказ от покрытия затрат на имущество, не используемое при выполнении задания. Это означает, что при сокращении объемов задания у учреждения может не оказаться источника для покрытия расходов на поддержание имущества в надлежащем состоянии, что может привести к его обветшанию и даже гибели. С 2017 г. затраты на выполнение работ также подлежат нормированию. После реализации этих мер у учреждений фактически не останется финансовых резервов, которые можно было бы использовать для покрытия затрат учреждений, по объективным причинам превышающих средний уровень.

Постоянное расширение состава расходов государственных учреждений, включаемых в нормативы, обусловлено стремлением стимулировать частных поставщиков к конкуренции с государственными структурами за доступ к бюджетному финансированию, рассчитываемому на основе этих нормативов. Продуман и механизм организации такой конкуренции. В 2016 г. Госдумой РФ в первом чтении принят законопроект⁴, согласно которому распределение объемов госзадания между бюджетными учреждениями исходя из их мощности должно уступить место конкурсам на право оказания государственных (муниципальных) услуг, в которых бюджетные учреждения будут участвовать на равных правах с частными. Для окончательного выравнивания положения

государственных и частных поставщиков остается сделать последний шаг — изъять из оперативного управления учреждений государственное имущество, включив усредненные затраты на его аренду в норматив финансовых затрат. Эту меру Минфин России планирует реализовать с 2019 г.⁵

Следствиями поэтапной реализации этих планов могут стать деградация и ликвидация большого числа государственных учреждений, а также существенное снижение качества оказываемых населению услуг. В этой ситуации очень трудно будет осуществлять инвестиционные расходы и даже сохранить основные фонды и трудовые коллективы. Платежеспособный спрос населения на услуги, традиционно оказываемые бюджетными учреждениями, недостаточен для компенсации возможных колебаний такого спроса со стороны государства. В результате после сокращения бюджетного сектора государство в лучшем случае будет вынуждено приобретать по той же цене услуги более низкого качества у недолговечных и недостаточно квалифицированных поставщиков, а в худшем — может столкнуться с необходимостью повышения цен, поскольку частным поставщикам (в отличие от государственных учреждений) навязать выполнение заказа на непривлекательных условиях нельзя.

Во избежание такого развития событий представляется необходимым пересмотреть планы реформы системы финансирования бюджетных учреждений, отказавшись от наиболее радикальных мер в этой области, в том числе:

1. От идеи преимущественно рыночного размещения государственного заказа на оказание социальных услуг.

Привлечение частных поставщиков к процессу оказания государственных услуг не может быть самоцелью, а реструктуризация бюд-

⁴ Проект федерального закона «О государственном (муниципальном) заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере».

⁵ Доклад Министерства финансов России «Об основных направлениях повышения эффективности расходов федерального бюджета», 2015 (с. 51): <http://minfin.ru/ru/>

жетной сети (в том числе и ее сокращение) не должна происходить хаотично под воздействием текущей рыночной конъюнктуры. Пока государственное (муниципальное) учреждение существует, его следует финансировать, поскольку стремление сэкономить на расходах по содержанию собственного имущества по своей сути является проявлением бесхозяйственности. Недозагрузка мощностей учреждения вследствие недостаточного спроса на его услуги должна быть основанием не для автоматического сокращения его финансирования, а для выяснения причин такого положения и поиска способов решения проблемы, арсенал которых весьма широк (от ликвидации учреждения при отсутствии в нем объективной потребности до увеличения его финансирования в целях повышения качества предоставляемых им услуг).

Приоритетное финансирование бюджетных учреждений не исключает привлечения частных поставщиков к оказанию государственных услуг в тех случаях, когда в этом возникает потребность (например, при отсутствии на данной территории учреждений определенного профиля; для оказания услуг, не входящих в госзадание; в случае организации предоставления услуг по системе сертификатов, выдаваемых потребителям для оплаты услуг у выбранного ими поставщика).

2. От замены права оперативного управления государственным имуществом у государственных учреждений на право аренды.

Такая замена нецелесообразна не только потому, что порождает угрозу изъятия у учреждений имущества при недостаточности средств субсидии для уплаты арендных платежей, но и потому, что на практике изъять у учреждений имущество, которое они окажутся не в состоянии оплатить, а тем более — рационально им распорядиться, будет нереально.

3. От планов дальнейшего расширения состава затрат, учитываемых в составе нормативных затрат на оказание услуг.

Напротив, целесообразно сузить состав таких затрат по сравнению с действующим за-

конодательством. В составе нормативов могут учитываться лишь те виды затрат, величина которых меняется в зависимости от количества потребителей (объема оказываемых услуг). Это преимущественно затраты на оплату труда и приобретение материальных запасов и имущества, используемого в процессе оказания услуг. Условно-постоянные затраты на содержание имущества должны финансироваться безотносительно к объему оказываемых учреждением услуг.

4. От финансирования работ на нормативной основе.

Невозможна унификация стоимости работ одного вида, различающихся по содержанию, качеству, материальным затратам и трудовым ресурсам, необходимым для их выполнения. Очевидно, например, что никакие корректирующие коэффициенты не могут учесть различий в стоимости производства кинофильмов или реставрационных работ. А потому работы должны финансироваться на сметной основе.

Важным недостатком предлагаемых решений является то, что в случае их реализации роль нормативов как стимула к наращиванию объемов услуг и сокращению издержек существенно снизится. Стимулирующее же влияние нормативов может проявиться лишь в условиях свободной конкуренции, которая невозможна в сфере предоставления социальных услуг, основным заказчиком которых является государство. Будучи монополистом, государство может лишь имитировать конкурентную среду, заменяя государственное задание конкурсами на отбор поставщика, но обеспечить реальную конкуренцию оно неспособно: победителей таких конкурсов будет определять тот же государственный орган, в настоящее время распределяющий госзадание. То обстоятельство, что государство, оплачивающее социальные услуги, не является их потребителем, снижает роль качественных критериев отбора. Поэтому трудно рассчитывать на то, что распределение бюджетного финансирования по конкурсу с участием част-

ных поставщиков будет стимулировать повышение качества социальных услуг.

Напротив, есть риск, что конкурентное размещение государственного заказа на оказание социальных услуг будет рассматриваться преимущественно в качестве способа сокращения бюджетных расходов на их предоставление, и учредителям будет предписано вести отбор поставщиков по цене. В этом случае частные поставщики могут вытеснять государственные учреждения с рынка за счет демпинга, чтобы впоследствии получить возможность диктовать государству свои условия.

Эти соображения, на наш взгляд, демонстрируют *бесперспективность идеи рыночного размещения государственного заказа на*

оказание социальных услуг, а следовательно, и идеи экономического стимулирования государственных учреждений к сокращению издержек и повышению объемов и качества услуг. Улучшения качества и снижения издержек на предоставление социальных услуг следует добиваться не за счет внедрения мнимой конкуренции между поставщиками услуг, а за счет повышения ответственности заказчиков и поставщиков этих услуг за результаты своей деятельности. Действующее законодательство предполагает необходимость оценки качества социальных услуг, в том числе, с учетом мнения потребителей. От органов государственной власти зависят скорость и адекватность реакции на результаты такой оценки. ■

АВТОДОРОЖНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Юлия ЛИТВИНОВА

Научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. E-mail: litvinova@ranepa.ru

Юрий ПОНОМАРЕВ

Старший научный сотрудник Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара; старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук. E-mail: ponomarev@ier.ru

Развитие транспортной инфраструктуры рассматривается в экономической литературе¹ как один из способов увеличения совокупной факторной производительности (СФП), наращивание которой в сложившихся кризисных условиях может стать одним из основных драйверов выхода российской экономики на траекторию устойчивого роста. Россия, отставая от многих развитых стран в сфере транспортной инфраструктуры², имеет в ней существенный потенциал для позитивных изменений.

Вместе с тем анализ влияния основной из компонент транспортного комплекса — автомобильной инфраструктуры — на изменение совокупной факторной производительности с использованием микро-данных на уровне предприятий показывает, что это влияние хотя и обнаруживается с определенным лагом, но при этом оказывается более значимым в тех регионах России, в которых уже достигнут определенный уровень развития сети дорог.

Ключевые слова: совокупная факторная производительность, транспортная инфраструктура, автомобильная инфраструктура.

Анализируя влияние развития инфраструктуры и влияние услуг транспортного инфраструктурного капитала на совокупную факторную производительность³, необходимо различать, с одной стороны, краткосрочные, с другой — средне- и долгосрочные эффекты.

Так, в первом случае могут наблюдаться увеличение занятости и рост загрузки в смежных отраслях, ориентированных на обеспечение создания транспортной инфраструктуры, что может приводить к волнообразному увеличению СФП. Этот процесс, в свою очередь,

фактически будет отражать не только реальное изменение производительности в результате использования более эффективных технологий и внедрения более эффективных процессов, но и динамику бизнес-цикла.

Что касается средне- и долгосрочного влияния, то здесь можно выделить следующие его каналы. Во-первых, развитие сети автомобильной дороги усиливает мобильность человеческого капитала, реализуя возможность трудоустройства на более производительных рабочих местах, получения дополнительного образования.

¹ См.: Aschauer D. A. Is public expenditure productive? // Journal of monetary economics. 1989. Vol. 23. No. 2. Pp. 177–200; Fernald J. G. Roads to prosperity? Assessing the link between public capital and productivity // American Economic Review. 1999. Pp. 619–638; Canning D., Fay M. The effect of transportation networks on economic growth. Columbia University, 1993. Pp. 2–28.

² См., например, индексы качества транспортной инфраструктуры в целом, а также по видам транспорта и, в частности, индексы качества автомобильных дорог в докладах World Economic Forum: Global Competitiveness report, 2014–2015, 2015–2016 и 2016–2017.

³ Идрисов Г., Пономарев Ю., Синельников-Мурылев С. Г. Условия торговли и экономическое развитие современной России // Экономическая политика. 2015. Т. 3. С. 7–37.

Анализ СФП основывается на модели Солоу (Solow R. M. Technical change and the aggregate production function // The review of Economics and Statistics. 1957. Pp. 312–320), разработанной для оценки вклада изменения капиталовооруженности и технического прогресса в изменение выпуска в расчете на единицу труда. Совокупная факторная производительность определяется как отношение выпуска к используемым факторам производства (в экономической литературе остатки Солоу называют также «мерой незнания» (Hulten C. R. Total factor productivity: a short biography // New developments in productivity analysis. University of Chicago Press, 2001. Pp. 1–54), а рост СФП — ростом выпуска, не объясняемым увеличением имеющихся объемов факторов производства. Соответственно, темпы роста производительности, рассчитываемые как остаток Солоу, и являются мерой темпов роста нейтральной, по Хиксу, компоненты производственной функции (технологического прогресса), которая отражает изменения в технологиях, интенсивности использования знаний и др.

Повышение уровня доступности территорий способствует реализации эффекта масштаба за счет увеличения количества партнеров по производственным цепочкам и расширения доступного рынка сбыта. Во-вторых, может наблюдаться реализация эффекта перетоков: развитие инфраструктуры делает более привлекательными инвестиции частного сектора в более производительные основные фонды (т.е. в развитие/расширение производства либо в развитие сектора услуг).

Если говорить о прямых эффектах воздействия транспортной инфраструктуры на СФП, то здесь речь идет о ликвидации «узких» мест и о разгрузке альтернативных маршрутов, а следовательно, о сокращении потерь в экономике, о возможности повысить эффективность использования имеющихся ресурсов за счет появления новых транспортных технологий и/или маршрутов (например, благодаря развитию мультимодального транспорта), об уменьшении потерь, связанных с недостаточным качеством транспортного инфраструктурного капитала (сокращение количества ДТП, снижение эксплуатационных расходов).

Однако влияния развития инфраструктуры на СФП может и не наблюдаться — например, в двух основных случаях, когда:

- либо достигнут эффективный уровень развития инфраструктуры и дальнейшее ее строительство действительно оказывает слабое или пренебрежительно малое влияние на СФП;
- либо уровень развития инфраструктуры настолько расходится с требуемым с точки зрения потребностей экономики, что умеренные (непоследовательные, реализуемые несистемно) приросты не приводят к существенному изменению в инвестиционном поведении фирм, а следовательно, и в производительности.

Оценка влияния развития транспортного комплекса на СФП сопряжена с рядом проблем, которые необходимо учитывать при проведении эконометрического анализа:

Средне- и долгосрочное влияние может проявляться с задержкой во времени (временным лагом).

1. Существующий уровень развития инфраструктуры может сильно отличаться от потенциально необходимого, так что потребуются существенные инвестиции, чтобы достичь того уровня плотности инфраструктуры и связанности территорий, различных видов транспорта, при превышении которого будет иметь место выраженное положительное влияние транспортной инфраструктуры на СФП.
2. Влияние будет проявляться преимущественно тогда, когда будет развиваться именно сеть различных видов транспорта, которая, с одной стороны, обуславливает конкуренцию между ними, а с другой — способствует их взаимодополнению друг с другом.
3. Функционирование транспортной сети отдельных территорий подвержено влиянию пространственных эффектов — в частности, развитость/неразвитость сети автомобильных дорог в соседних регионах или вдоль транспортных артерий оказывает влияние на СФП в конкретном регионе.
4. Развитие транспортной инфраструктуры предполагает осуществление инвестиций в первую очередь со стороны государства. При этом увеличение госрасходов может потребовать усиления налоговой нагрузки на бизнес, что отрицательно скажется на инвестиционной активности фирм, являющейся одним из условий повышения их производительности.
5. При отсутствии недозагрузки производственных мощностей реализация крупных проектов, финансируемых за счет бюджетных средств, может приводить к отвлечению ресурсов как от других проектов, так и от текущей деятельности компаний (последствия чего оказываются еще более негативными в случае неэффективной организации процесса управления реализацией проектов).

Оценка влияния транспортного капитала на СФП в России связана с дополнительными сложностями.

Во-первых, российские регионы значительно отличаются друг от друга по экономико-географическим характеристикам, так что ошибочно будет утверждать, что, например, во всех субъектах РФ наблюдается существенная нехватка автомобильных дорог⁴.

Во-вторых, анализ уровня сформированности сети и достаточности имеющегося автодорожного капитала ограничен тем пределом плотности дорог, который можно в настоящее время наблюдать в России. Очевидно, что для некоторых субъектов РФ, по своему социально-экономическому потенциалу и относительному положению в географическом пространстве похожих на регионы в странах, например, Западной Европы, характерно

существенное отставание по плотности автомобильных дорог. (См. табл. 1.)

Методика эконометрического анализа

В настоящем исследовании оценки влияния услуг транспортного капитала на СФП получены в рамках неструктурного подхода⁵. В качестве базы для проведения оценок использовалась модифицированная модель влияния развития автодорожной инфраструктуры на совокупную факторную производительность, представленная в работе Ферналда⁶, автор которой предполагает, что выпуск отрасли Y_i зависит от объемов используемого нетранспортного капитала K_i , труда L_i , услуг транспортной инфраструктуры T_i (как отдельного фактора производства), а также от некоторого уровня технологий U_i . Объем услуг, оказы-

Таблица 1
Плотность автомобильных дорог в разных странах, км/тыс. км²

Страна	Плотность	Страна	Плотность	Страна	Плотность	Страна	Плотность
Бельгия	5044,6	Великобритания	1722,7	Латвия	1078,4	Норвегия	289,6
Сингапур	4805,6	Дания	1715,7	Япония	897	Украина	281,1
Нидерланды	3314,7	Индия	1426,8	Греция	886,3	Финляндия	230,9
Венгрия	2160,2	Австрия	1366,1	Израиль	841,2	Мексика	190,5
Словения	1926,1	Испания	1318,9	Катар	786	Бразилия	185,7
Франция	1916,2	Польша	1318,5	США	667,4	Чили	102,6
Гонконг	1910,3	Эстония	1293,1	Турция	472,6	Россия	64
Германия	1802,4	Швеция	1288,3	Беларусь	416,6	Казахстан	35,7

Источник: The World Bank Group, WDI.

⁴ Так, например, по данным Росстата, плотность автомобильных дорог в значительной части российских регионов близка к 200 км/тыс. км², в ряде из них превышает 300 км/тыс. км² (Московская, Владимирская, Калужская области, Республика Татарстан и некоторые другие). С другой стороны, в ряде регионов плотность дорог существенно ниже 100 км/тыс. км² (Пермский край, Свердловская область и др.), что связано с их географическими особенностями.

⁵ Представляется возможным выделить три основных подхода к оценке влияния инфраструктурного капитала на СФП: структурный – через оценку параметров функции затрат (Nadiri M. I., Mamuneas T. P. The effects of public infrastructure and R&D capital on the cost structure and performance of US manufacturing industries. National Bureau of Economic Research, 1991. w3887. Pp. 22–35; Nadiri M. I. Some approaches to the theory and measurement of total factor productivity: a survey // Journal of Economic Literature. 1970. Vol. 8. No. 4. Pp. 1137–1177); неструктурный, в рамках которого (сначала полупараметрическими методами или индексным методом) оценивается/рассчитывается СФП, а затем проводится анализ влияния различных факторов на СФП; оценка параметров при переменных, влияющих на выпуск или темпы роста выпуска, с последующей интерпретацией полученных оценок параметров при факторах в терминах влияния на выпуск или рост выпуска, не объясняемых влиянием факторов производства (Canning D., Fay M. The effect of transportation networks on economic growth. Columbia University, 1993. Pp. 2–28).

⁶ См.: Fernald J. G. Roads to prosperity? Assessing the link between public capital and productivity // American Economic Review. 1999. Pp. 619–638.

ваемых транспортной инфраструктурой, определяется объемом накопленного общественного транспортного капитала (в рассматриваемом случае – дорог) G , а также количеством транспортных средств в рассматриваемой отрасли V_i :

$$Y_j = U_j F^i(K_j, L_j, T(V_j, G)), \quad (1)$$

где j – отрасль; Y – выпуск; K – капитал; L – труд; U – уровень технологического развития; T – услуги транспортного сектора, зависящие от общей протяженности дорог G и от количества транспортных средств V , относящихся к данной отрасли j .

Ферналд выражает объем услуг, оказываемых автодорожным сектором, как отношение протяженности дорог к некоторой прокси, отражающей интенсивность использования дорог, т.е. предполагается, что физическое наличие автомобильной дороги и возможность ее использования с приемлемым уровнем затрат, которое гарантировало бы ожидаемый уровень качества транспортных услуг (например, услуги перевозки с точки зрения точности и полноты доставки груза или перевозки пассажиров), – не одно и то же. Более того, процесс «строительство – изменение загрузки» можно представить как циклический: пока не достигнут определенный уровень плотности дорог, приращение их протяженности оказывается выгодным, но затем положительный эффект может стать ненаблюдаемым. Однако стоит уровню загрузки превысить некоторый оптимальный показатель, «добавление» каждого следующего автомобиля будет приводить к образованию «узких» мест и к уменьшению той выгоды, которую наличие дороги предоставляет ее пользователям. Так, прокси, отражающими интенсивность использования дорог, могут быть количество автомобилей, выпуск или расстояния, которые преодолевают автомобили (домохозяйств, фирм), и др.

В итоге эмпирическая модель, описывающая зависимость темпов роста СФП от изме-

нений объемов предоставляемых транспортной инфраструктурой услуг, – с учетом того, насколько отрасль зависит от автомобильного транспорта (s_{vj}), – и оцениваемая в настоящем исследовании применительно к России, может быть записана следующим образом:

$$\begin{aligned} \Delta p_{ijt} = & \alpha_t + \phi \cdot (s_{vj} - \beta_j \bar{s}_v) \cdot \Delta RoadDen_{ut} - \\ & - k_1 \cdot (s_{vj} - \beta_j \bar{s}_v) \cdot \Delta GoodsTransport_{ut} - \\ & - k_2 \cdot (s_{vj} - \beta_j \bar{s}_v) \cdot \Delta PassengerTransport_{ut} + \\ & + \beta_1 \cdot \Delta Quality1_{ut} + \beta_2 \cdot \Delta Quality2_{ut} + \beta_3 \times \\ & \times \Delta GDPperCapita_{ut} + \beta_4 \cdot \Delta Unemp_{ut} + \epsilon_{ijt}, \quad (2) \end{aligned}$$

где i – фирма; j – сектор (отрасль); u – регион; t – время; p_{ijt} – СФП; $RoadDen$ – плотность автомобильных дорог; $Transport$ – объем перевозок ($Goods$ – грузов, $Passenger$ – пассажиров); s_{vj} – уровень зависимости сектора от услуг транспортного комплекса; \bar{s}_v – средний по экономике уровень зависимости секторов от услуг транспортного комплекса; $Quality$ – показатель качества транспортного капитала (см. ниже); $GDPperCapita$ – ВРП на душу населения; $Unemp$ – уровень безработицы; β , ϕ , k – коэффициенты.

Альтернативная оцениваемая спецификация может быть представлена в виде зависимости СФП (в уровнях или приростах) от услуг транспортного капитала – без учета степени зависимости отрасли от инфраструктуры автомобильного транспорта:

$$\begin{aligned} \Delta p_{ijt} = & \alpha_1 + \Delta RoadDen_{ut} (\alpha_2 + \alpha_3 \times \\ & \times \Delta DumRoadDen_{ut}) + \alpha_4 \cdot \Delta GoodsTransport_{ut} + \\ & + \alpha_5 \cdot \Delta PassengerTransport_{ut} + \alpha_6 \times \\ & \times \Delta AutoPerPerson_{ut} + \alpha_7 \cdot \Delta Quality1_{ut} + \\ & + \alpha_8 \cdot \Delta Quality2_{ut} + \alpha_9 \cdot \Delta GDPperCapita_{ut} + \\ & + \alpha_{10} \cdot \Delta Unemp_{ut} + \epsilon_{ijt}, \quad (3) \end{aligned}$$

где p_{ijt} – СФП; $RoadDen$ – плотность автомобильных дорог; $DumRoadDen$ – дамми на достижение некоторого порогового значения плотности; $Transport$ – объемы перевозок или грузооборот ($Goods$ – грузов, $Passenger$ – пассажиров); $AutoPerPerson$ – количество авто-

мобилей на человека; *Quality* — показатель качества транспортного капитала (см. ниже); *GDPperCapita* — ВВП на душу населения; *Unemp* — уровень безработицы; α_i — коэффициент.

Оценка влияния развития автомобильных дорог в российских регионах на СФП

Анализ влияния развития автотранспортной инфраструктуры на СФП проводился на основе двух представленных выше базовых альтернативных версий (2) и (3) модели. При этом необходимо отметить, что описанные в рамках этой модели взаимосвязи между СФП и рядом факторов, как следует из работы Ферналда, справедливы не только для приростов СФП, но и для динамики данной переменной в уровнях. Таким образом, оба уравнения оценивались для СФП в приростах и в уровнях.

В первом случае (уравнение (2)) при оценке влияния, которое услуги, предоставляемые транспортным капиталом, оказывают на СФП в рамках отдельных отраслей, учитывалась степень зависимости каждой отрасли от транспортного сектора (предполагается, что чем выше относительно средней по экономике зависимость отрасли от транспортного сектора, тем больше будет — положительное — влияние его развития на данную отрасль). (Результаты оценки уравнения (1) в различных спецификациях, которые различаются наборами объясняющих переменных, представлены в столбцах 5 и 6 табл. 3.)

Во втором случае (уравнение (3)) степень зависимости отрасли от транспортного комплекса не учитывалась, а само уравнение также оценивалось в виде нескольких альтернативных спецификаций, в рамках которых последовательно оценивалось влияние развития автодорожного комплекса — как текущее

Таблица 2
Описание переменных для оценки влияния инфраструктуры на СФП

Переменная	Имеющиеся данные (Росстат)	Ед. изм. (для соответствующего года)
r_{ut}	Протяженность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием в регионе u в период t	км
$RoadDen_{ut}$	Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием в регионе u в период t	км/тыс. км ²
$AutoPerPerson_{ut}$	Количество автомобилей на 1000 человек в регионе u в период t	шт./1000 человек
$Quality1_{ut}$	Доля дорог общего пользования с усовершенствованным покрытием в протяженности автомобильных дорог с твердым покрытием общего пользования в регионе u в период t	% от общей протяженности
$Quality2_{ut}$	Количество дорожно-транспортных происшествий на 100 тыс. человек в регионе u в период t	шт./100 тыс. человек
$PassengerTransport_{ut}$	Объем пассажирских перевозок автобусами общего пользования в регионе u в период t	млн. человек
$PassengerTurnover_{ut}$	Пассажиروоборот автобусов общего пользования в регионе u в период t	млн. пассажиро-километров
$GoodsTransport_{ut}$	Объем грузоперевозок автомобильным транспортом организаций всех видов деятельности в регионе u в период t	млн. т
$GoodsTransport2_{ut}$	Грузооборот автомобильного транспорта организаций всех видов деятельности в регионе u в период t	млн. т · км
$GDPperCapita_{ut}$	ВВП на душу населения в регионе u в период t	тыс. руб. (в приведенных ценах) на человека
$Unemp_{ut}$	Уровень безработицы в регионе u в период t	%

Источник: The World Bank Group, WDI.

(влияние текущей протяженности или плотности), так и с лагом (влияние плотности три года назад). (Результаты оценки различных модификаций уравнения (3) представлены в столбцах 1–4 табл. 3⁷ и в табл. 4⁸. При этом в некоторых спецификациях (результаты см. в табл. 3, столбцы 1–4, и в табл. 4, столбцы 2, 4, 6) также учитывалось, было ли в регионе достигнуто пороговое значение плотности дорог (через даммы на то, достигнуто ли пороговое значение).)

Для проведения эмпирических исследований использовались база данных и полученные на ее основе оценки СФП⁹; при этом из базы были исключены отдельные субъекты РФ (Москва, Санкт-Петербург, Чеченская Республика) ввиду их существенных структурных и институциональных отличий от остальной части выборки. Общее число рассматриваемых субъектов РФ составило 77, количество наблюдений – 805 тыс. В выборке представлены данные за 2003–2012 гг. по предприятиям всех отраслей. (См. табл. 2.)

Полученные оценки влияния развития автодорожной инфраструктуры на совокупную факторную производительность показывают следующее.

1. Развитие автодорожной сети приводит к увеличению СФП с временным лагом и только после достижения порогового уровня плотности сети (см. табл. 3)¹⁰. При этом увеличение плотности дорог на 1% приводит к приросту СФП на 0,26%. Такое положительное влияние сохраняется и в том случае, если дополнительно учитываются специфические для региона характеристики (однако степень влияния

уменьшается до 0,13% при увеличении плотности дорог на 1%).

2. Однако, как показывают оценки, изменение плотности и протяженности дорог может оказывать временное отрицательное влияние на приросты СФП¹¹ в краткосрочном периоде. Это может объясняться тем, что, во-первых, происходит отвлечение ресурсов из более производительных секторов (например, из производства пищевых продуктов и оборудования в результате удорожания для предприятий соответствующих отраслей заемных средств, из строительства) в менее производительные (государственный сектор). Во-вторых, само по себе строительство дорог может быть сопряжено с временными отрицательными эффектами – увеличением «перепробегов» транспорта из-за закрытия для проезда отдельных участков дорог, потерей времени в пробках и рядом других, что в итоге может приводить к отрицательному влиянию на темпы роста СФП. Вместе с тем, как показывают оценки, данный эффект нивелируется, если в регионах достигнуто пороговое значение плотности автомобильных дорог (см. табл. 3 – даммы на регион, если плотность составляет более 300 км/тыс. км²), т.е. формирование и расширение сети автодорог достигло того уровня, который позволяет в целом более эффективно использовать дорожную инфраструктуру.

3. Полученные результаты показывают, что развитие сети автомобильных дорог оказывает большее влияние на отрасли, которые в существенной мере зависят от услуг автодорожного капитала. Важно при этом подчеркнуть, что такой эффект наблюдается в краткосроч-

⁷ Влияние динамики протяженности дорог и их плотности на динамику СФП (переменные в приростах).

⁸ Влияние динамики протяженности дорог и их плотности (переменные в приростах) на динамику СФП (в уровнях).

⁹ Литвинова Ю., Пономарев Ю. Оценка совокупной факторной производительности в России: микроэконометрический анализ // Экономическое развитие России. 2017. № 3. С. 18–25.

¹⁰ Полученная по результатам анализа данных оценка порогового уровня составила 250–300 км/тыс. км² (с учетом предельного уровня плотности дорог, который достигнут в рассматриваемых субъектах РФ). Следует отметить, что полученная оценка порогового значения значительно ниже, чем плотность автомобильных дорог в европейских странах, где плотность дорог составляет: Польша – более 1300 км/тыс. км², Германия – более 1800 км/тыс. км². Это говорит о том, что в регионах России существует определенный потенциал увеличения плотности автодорожной сети, вследствие чего можно ожидать и увеличения приростов СФП.

¹¹ Значения параметра при переменных – -0,061 и -0,067 соответственно (статистически значимы).

Таблица 3
Результаты оценки зависимости динамики СФП от динамики развития автодорожной инфраструктуры

Зависимая переменная: прирост СФП	Спецификация					
	плотность с лагом в три года	с дамми на регион по юр. адресу фирмы	текущая плотность	текущая протяженность	с учетом степени зависимости отрасли от услуг автодорожного капитала ^{2*}	
	1	2	3	4	5	6
Независимые переменные (в логарифмах):						
Δтекущей плотности			-0,125***			0,009*
Δплотности с лагом в три года	0,019	0,024			-0,022***	
Δтекущей протяженности				-0,131***		
Δтекущей плотности · дамми на плотность			0,161**			
Δплотности с лагом в три года · дамми на плотность	0,262***	0,129**				
Δтекущей протяженности · дамми на плотность				0,158***		
Δобъема грузоперевозок	0,035***	0,025***	0,038***	0,038***	-0,010***	-0,010***
Δпассажиropеревозок	-0,011*	-0,003	-0,010*		0,003**	0,003**
Δколичества автомобилей на 1000 человек	0,150***	0,096***	0,147***	0,146***		
Δкачества дорог (% дорог с усовершенствованным покрытием)	0,072**	0,022	0,052	0,046	-0,020**	-0,012
Δкачества дорог (кол-во происшествий)	-0,016	-0,031**	-0,019*	-0,019*	0,004	0,005*
ΔВВП на душу населения	-0,013	-0,031	-0,018	-0,018	-0,019	-0,017
Δбезработицы	-0,005	-0,011	-0,005	-0,005	-0,005	-0,009

Примечание 1. ^{1*} – на основе уравнения (3); ^{2*} – на основе уравнения (2).

Примечание 2. Статистическая значимость на уровне: *** – 1%; ** – 5%; * – 10%.

Источник: оценки авторов.

Таблица 4
Результаты оценки зависимости СФП (в уровнях) от динамики развития автодорожной инфраструктуры в рамках уравнения (3)

Зависимая переменная: СФП	Спецификация					
	Плотность с лагом в три года (в приростах)		Текущая плотность (в приростах)		Текущая протяженность (в приростах)	
	без дамми	с дамми на порог. значение	без дамми	с дамми на порог. значение	без дамми	с дамми на порог. значение
	1	2	3	4	5	6
Независимые переменные (в логарифмах):						
Δтекущей плотности			-0,086***	-0,214***		
Δплотности с лагом в три года	0,171***	0,003				
Δтекущей протяженности				0,316***	-0,088***	-0,211***
Δтекущей плотности • дамми на плотность						
Δплотности с лагом в три года • дамми на плотность		0,731***				
Δтекущей протяженности • дамми на плотность						0,300***
Δобъема грузоперевозок	0,101***	0,090***	0,100***	0,097***	0,100***	0,097***
Δпассажираперевозок	-0,063***	-0,063***	-0,062***	-0,061***	-0,062***	-0,061***
Δколичества автомобилей на 1000 человек	0,098**	0,088**	0,075*	0,082*	0,074*	0,082*
Δкачества дорог (% дорог с усовершенствованным покрытием)	0,556***	0,582***	0,0492***	0,557***	0,491***	0,551***
Δкачества дорог (кол-во происшествий)	-0,111***	-0,108***	-0,113***	-0,113***	-0,114***	-0,113***
ΔВВП на душу населения	-0,056**	-0,050*	-0,054*	-0,061**	-0,053**	-0,060**
Δбезработицы	0,105***	0,100***	0,096***	0,101***	0,096***	0,101***

Примечание. Статистическая значимость на уровне: *** – 1%; ** – 5%; * – 10%.

Источник: оценки авторов.

ном периоде: чем больше изменяется протяженность (или плотность) дорог, тем больше прирост СФП – т.е. устранение «узких» мест в автодорожной сети приводит к тому, что производительность начинает расти более высокими темпами. Это может свидетельствовать о том, что уровень развития автодорожной инфраструктуры недостаточен. Вместе с тем в среднесрочном периоде строительство дорог приводит к тому, что фирмы принимают решения «загрузить» их в существенно большей степени, так что в итоге динамика производительности, за счет перегрузки дорог, ухудшается – соответственно, при существующем уровне развития сети дорог «саморегулирования» транспортных потоков пока не наблюдается. (См. табл. 3.)

4. Рост грузоперевозок¹² положительно влияет на динамику СФП (см. табл. 3), т.е. по мере усиления экономической активности, расширения спроса на автодорожную инфраструктуру и повышения уровня реализации развития инфраструктуры происходит увеличение СФП¹³. Аналогично, количество автомобилей на душу населения служит скорее показателем мобильности населения, нежели уровня загруженности автомобильных дорог. Таким образом, чем большей подвижностью обладает население, тем выше уровень и динамика СФП.

5. Превышение в регионах РФ плотностью автомобильных дорог уровня СФП, при про-

чих равных условиях, говорит о положительном влиянии развития автодорожной сети на диверсификацию экономики региона и на развитие более производительных технологичных производств. Отметим, что этот результат сохраняется и при учете в оценках специфических для регионов характеристик¹⁴, т.е. их дифференциации по географическим и социально-экономическим параметрам, а также по структуре экономики.

6. Различие в темпах роста плотности автомобильных дорог, взятых с лагом, обуславливает различие и в уровне СФП. В регионах, в которых годовой прирост плотности три года назад был выше на 1 п.п., СФП, при прочих равных условиях, оказывается выше (на 0,73%) – однако, при условии, что в данном субъекте РФ достигнуто пороговое значение плотности автомобильных дорог.

Изменение плотности (или протяженности) в существенно меньшей мере влияет на СФП (при этом оно будет положительным только при достижении условного порогового уровня развития инфраструктуры). Это может объясняться тем, что между принятием фирмой положительного решения о внесении процессных или технологических изменений в свою деятельность в ответ на улучшение бизнес-климата (уровень развития инфраструктуры рассматривается как элемент бизнес-среды) и реализацией этого решения проходит определенное время. (См. табл. 4.) ■

¹² Уровень пассажироперевозок исключен из эмпирического анализа, поскольку данные показатели коррелируют друг с другом и, как представляется, оба отражают уровень экономической активности в рассматриваемых регионах. Что касается альтернативных показателей грузо- и пассажироперевозок (в млн. т, млн. т · км, млн. человек, млн. пассажиро-километров), то их использование не меняет результатов эмпирического анализа.

¹³ В таком случае о показателе ВРП на душу населения следует говорить скорее как о прокси для уровня развития институтов и для привлекательности региона для осуществления инвестиций – в результате СФП, как и ожидается, будет выше. Следует, однако, подчеркнуть, что данный показатель не всегда является статистически значимым.

¹⁴ Посредством оценки спецификаций эмпирической модели с дамми на субъект РФ.

ЗАВИСИМОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ ОТ ИМПОРТА

Ольга БЕРЕЗИНСКАЯ

Научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. E-mail: berezinskaya@ranepa.ru

Алексей ВЕДЕВ

Директор Центра структурных исследований РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук. E-mail: vedev-al@ranepa.ru

В статье рассмотрена динамика товаров Российской Федерации в целом и в разрезе импорта потребительских, инвестиционных и промежуточных товаров в 2006–2016 гг. Особое внимание уделено изменению импортозависимости российской экономики. В фокусе статьи находится зависимость инвестиционного и производственного процессов от импорта. Проведен анализ динамики и актуальных уровней импортозависимости, определены причины ее усиления, охарактеризованы ее ограничивающее и стимулирующее влияние на развитие экономики России.

Ключевые слова: импорт товаров Российской Федерации, потребительские товары, инвестиционные товары, промежуточные товары, импортозависимость, технологическая зависимость экономики от импорта, инвестиции в основной капитал.

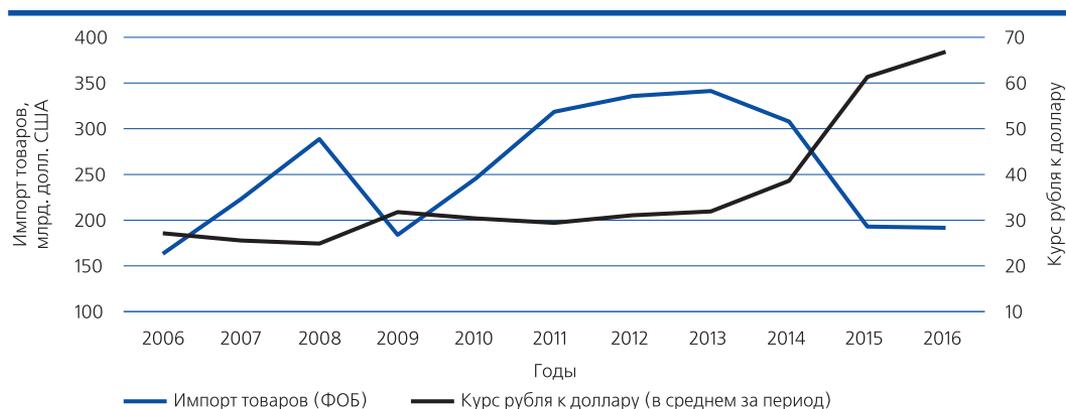
Импорт товаров в Россию – потребительских, инвестиционных, промежуточных

Импорт товаров в Россию в 2015–2016 гг. составлял порядка 192 млрд. долл. США в год. До этого он активно рос в 2007–2008 и 2010–2011 гг. – периоды укрепления рубля и высокой активности в российской экономике. В 2012–2013 гг., на фоне умеренного ослабления рубля и торможения роста экономики, рост импорта замедлился, но на эти годы пришелся макси-

мум импорта товаров в Россию – примерно 336–341 млрд. долл. США. Далее, в условиях двукратного ослабления рубля и значимого снижения спроса в российской экономике, наблюдалось сокращение импорта, и в 2015–2016 гг. он составлял всего 57% от максимума, достигнутого в конце коррекционного роста экономики, т.е. в 2012–2013 гг. (См. рис. 1.)

При этом зависимость российской экономики от импорта характеризуется не столько его динамическим рядом, сколько изменени-

Рис. 1. Импорт товаров Российской Федерации и курс национальной валюты в 2006–2016 гг.

Источник: ЦБ РФ.

ем структуры импорта товаров в Россию, учитывающей разделение импорта на потребительские, инвестиционные и промежуточные товары. В соответствии с определением Росстата потребительские товары – это товары, непосредственно удовлетворяющие потребности человека и предназначенные для семейного и личного потребления; промежуточные товары – это товары, используемые не для конечного потребления, а для дальнейшего производства товаров и услуг; инвестиционные товары – это товары, служащие целям замены, обновления и качественного улучшения основных средств производства.

В предложенной терминологии зависимость отечественной экономики от импорта за последнее десятилетие существенно изменилась, и данные за 2015–2016 гг. фиксируют значимость этих изменений.

Так, в период роста экономики на разогретом спросе, в 2006–2008 гг., в структуре импорта доминировали потребительские товары (42–46%) с умеренной долей промежуточных (34–37%) и незначительной долей инвестиционных (17–24%). (См. табл. 1.) Однако уже в этот период сформировался тренд, который стал определяющим в дальнейшем увеличении импорта товаров в Россию. Он заключается в постепенном снижении зависимости отечественной экономики от импорта потребительских товаров при повышении импортозависимости инвестиционного и производственного процессов, происходящих в ней.

Доля инвестиционных товаров в общем объеме импорта товаров в Россию увеличи-

лась с 17% в 2006 г. до 24% в 2008 г. и после некоторого снижения в 2009–2011 гг. вышла в 2012–2015 гг. на относительно устойчивый уровень в 24,3%. Более того, даже в условиях продолжившихся в 2016 г. ослабления рубля (и соответствующего удорожания импортных поставок) и спада инвестиционного спроса доля инвестиционных товаров в общем объеме импорта товаров расширилась до 26,7%.

Изменилась и технологическая зависимость российской экономики от импорта: если в 2006–2007 гг. промежуточные товары составляли 36,8% в общем объеме импорта, то к 2011 г., на коррекционном росте экономики и укреплявшемся рубле, эта доля увеличилась до максимума в 42%. В дальнейшем, на протяжении трех лет, она находилась на устойчивом уровне в 37,6% с резким снижением до 34,6% к 2016 г. – по мере курсового удорожания выпуска, импортозамещения на технологическом уровне и/или опережающего сокращения выпуска продукции, в производстве которой промежуточный импорт является безальтернативным.

В результате выраженное доминирование потребительских товаров в товарной структуре импорта в 2006–2009 гг. сменилось на паритет потребительских и промежуточных товаров в 2010–2014 гг., и этот процесс сопровождался опережающим увеличением импорта инвестиционных товаров. Если в 2006–2009 гг. импорт потребительских товаров на 21–26% превышал импорт промежуточных, то в 2010–2014 гг. они практически совпадали, выйдя на максимум в 124–130 млрд. долл. в 2012–2013

Таблица 1
Удельный вес потребительских, промежуточных и инвестиционных товаров в общем объеме импорта Российской Федерации в 2006–2016 гг., в %

Товары	2006 г.	2008 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Потребительские	46,2	41,8	38,1	37,6	37,8	39,9	38,7
Инвестиционные	17,0	23,8	24,9	24,3	24,5	23,5	26,7
Промежуточные	36,8	34,4	37,0	38,1	37,7	36,6	34,6

Источник: Росстат.

гг. Импорт промежуточных товаров вырос за 2006–2013 гг. в 2,17 раза — намного больше, чем импорт потребительских товаров (1,7 раза). (См. рис. 2.) Зависимость российской экономики от импорта заметно снизилась — с уровня рынка готовой продукции до уровня импорта сырья, материалов, покупных изделий, используемых во внутреннем производстве. На потребительском рынке стало меньше импортного продовольствия, товаров народного потребления, автомобилей, однако это сопровождалось ростом технологической зависимости соответствующих отечественных производств от импорта.

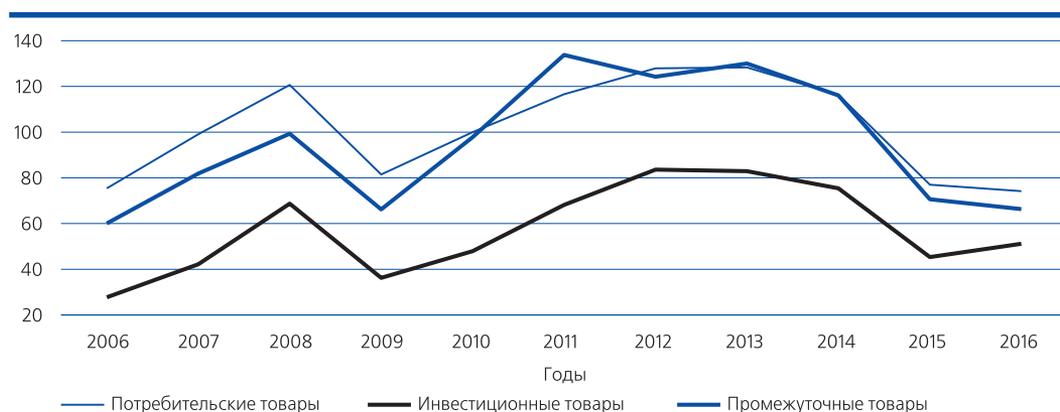
Одновременно использование импортных сырья, материалов, покупных изделий, растущие требования к качеству выпускаемой продукции, с одной стороны, и нехватка соответствующего оборудования отечественного производства — с другой, определяли активные закупки импортных машин, оборудования, транспортных средств при реализации инвестиционных программ российских предприятий. Импорт инвестиционных товаров увеличился с 27,7 млрд. долл. в 2006 г. до максимума в 83 млрд. долл. в 2012–2013 гг., и это трехкратное увеличение было гораздо более актив-

ным, чем рост импорта потребительских и промежуточных товаров.

За 2014–2016 гг., в условиях системного ослабления рубля и падения спроса в российской экономике, импорт товаров в страну снизился на 44% при почти двукратном сокращении импорта промежуточных товаров, 42%-ном уменьшении импорта потребительских и 38%-ном — импорта инвестиционных. При этом в 2016 г., несмотря на дальнейшее ослабление рубля и падение инвестиций в основной капитал, импорт инвестиционных товаров увеличился, тогда как снижение объемов импорта потребительских и инвестиционных товаров продолжилось. (См. табл. 2.)

Резюмируя, отметим, что значение импорта потребительских товаров для экономики России за десять последних лет заметно уменьшилось: его доля в общем объеме импорта товаров снизилась с 46% в 2006 г. до 37–40% в 2010–2016 гг.; относительно оборота розничной торговли он сократился с 23,5% в 2006 г. до 18,2% в 2009–2012 гг. и 17,3% в 2013–2016 гг. Эта динамика сопровождалась возросшей импортозависимостью инвестиционного и производственного процессов в отечественной экономике.

Рис. 2. Импорт потребительских, промежуточных и инвестиционных товаров в 2006–2016 гг., млрд. долл. США

Источник: ЦБ РФ, Росстат, расчеты авторов.

Импортозависимость инвестиционного процесса в экономике России

Масштабы роста импортозависимости инвестиционного процесса в экономике России характеризует соотношение импорта инвестиционных товаров и инвестиций в машины, оборудование и транспортные средства. Это отношение повысилось с 40% в 2006–2007 гг. до 55% в 2012–2014 гг. вследствие увеличения импорта инвестиционных товаров в 3 раза (в долларах США), или в 3,5 раза в рублевом выражении, в свою очередь, вызванного расширением инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства в текущих ценах в 2,7 раза. В период инвестиционного бума, кризиса и коррекционного роста повышение инвестиционного спроса российских предприятий в значительно большей степени стимулировало импорт машин, оборудования, транспортных средств, чем их отечественное производство.

За период ужесточения ограничений роста российской экономики в 2014–2016 гг. импорт инвестиционных товаров сократился на 38%, что при более чем двукратном ослаблении национальной валюты определило увеличение его рублевой стоимости в 1,29 раза. Одновременно, за те же три года, инвестиции в машины, оборудование, транспортные средства уменьшились на 14%. Это означало выраженную негативную динамику закупок российскими предприятиями отечественной машиностроительной продукции и увеличение в 2016

г. доли импорта в инвестициях этого вида до беспрецедентных 76%. (См. рис. 3.)

Таким образом, при ужесточении ресурсных ограничений, снижении спроса в российской экономике и двукратном удорожании импорта за 2014–2016 гг. предприятия уменьшили спрос на машины, оборудование, транспортные средства иностранного производства в меньшей степени, чем на отечественные. Это означает, что в закупках российскими предприятиями машиностроительной продукции для реализации инвестиционных проектов в 2014–2016 гг. не происходило импортозамещения, чего можно было бы ожидать при настолько значимой ценовой форте, предоставленной российским производителям двукратным ослаблением национальной валюты.

Для широкого набора машин, оборудования, транспортных средств российские аналоги импортной машиностроительной продукции отсутствуют или не обладают характеристиками, которые определили бы выбор предприятий в пользу отечественной продукции. Причиной этого является все большая ориентированность российского машиностроения на потребительский спрос (развитие сборочных производств транспортных средств, производства бытовых электроприборов, вычислительной техники и др.) при отставании модернизации и сокращении производства собственно средств производства – машиностроительной продукции, закупае-

Таблица 2
Потребительские, промежуточные и инвестиционные товары в общем объеме импорта Российской Федерации в 2006–2016 гг., млрд. долл. США

	2006 г.	2008 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Импорт товаров – всего	163,2	288,7	335,8	341,3	307,9	193,0	191,7
в том числе:							
потребительских	75,4	120,7	127,9	128,3	116,4	77,0	74,2
инвестиционных	27,7	68,7	83,6	82,9	75,4	45,3	51,2
промежуточных	60,1	99,3	124,2	130,0	116,1	70,6	66,3

Источник: ЦБ РФ, Росстат, расчеты авторов.

мой предприятиями различных видов деятельности для модернизации, повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции и роста ее выпуска. По итогам 2007–2016 гг. отечественное машиностроение практически не увеличило свой выпуск при кратном сокращении выпуска станков, машин и оборудования общего и специального назначения, снижении на треть выпуска электрических машин и электрооборудования.

В условиях складывавшейся после 2006 г. структуры российского машиностроительного производства (ставке на развитие сборочных производств продукции преимущественно потребительского спроса при прогрессирующем отставании производства продукции инвестиционного спроса) инвестиционный процесс в российской экономике обнаруживал свою растущую импортозависимость. Отсутствие полноценных по техническим характеристикам отечественных аналогов широкого набора машиностроительной продукции иностранного производства и ослабление рубля, определившее кратное удорожание этой продукции, стали в 2014–2016 гг. существенными факторами торможения технической модернизации в стране. В связи с этим сниже-

ние импортозависимости инвестиционного процесса посредством развития национально-го машиностроительного комплекса способно не только обеспечить больший стимулирующий эффект инвестиционного спроса для российской экономики, но и существенным образом повысить его устойчивость к колебаниям валютного курса.

Технологическая зависимость российской экономики от импорта

Импорт промежуточных товаров увеличивался с 60 млрд. долл. в 2006 г. до максимального уровня в 129 млрд. долл. в 2011–2013 гг. с последующим снижением до 66 млрд. долл. в 2016 г. при двукратном ослаблении рубля и ужесточении спросовых ограничений в российской экономике. Расходы предприятий экономики на импорт, используемый в их производственной деятельности, определяет уровень технологической зависимости отечественной экономики от импорта, которая рассчитывается как доля затрат предприятий экономики на импортные сырье, материалы, покупные изделия в объеме их расходов на сырье, материалы, покупные полуфабрикаты и комплектующие изделия.

Рис. 3. Соотношение импорта инвестиционных товаров и инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства в 2006–2016 гг.

Источник: ЦБ РФ, Росстат, расчеты авторов.

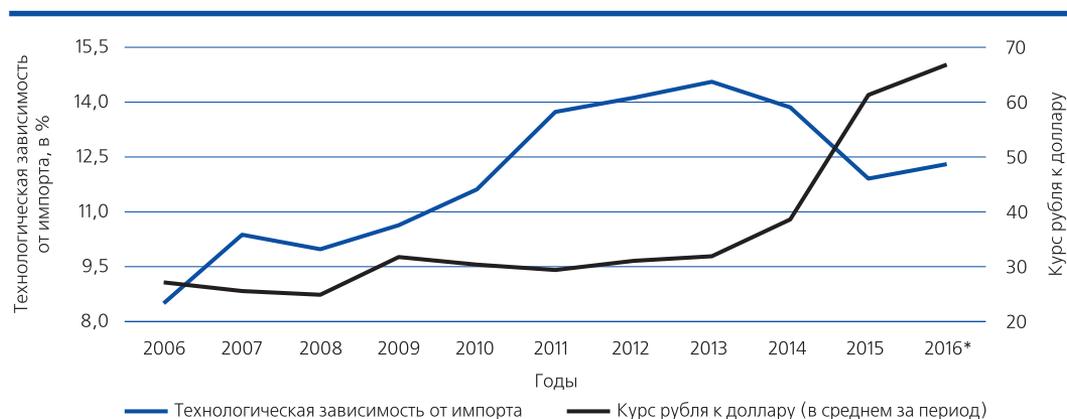
На протяжении длительного периода технологическая зависимость российской экономики повышалась: с 8,5% в 2006 г. она выросла до максимальных уровней в 13,7–14,6% в 2011–2014 гг. с последующим снижением до 12% в 2015–2016 гг. Наиболее заметное усиление технологической зависимости экономики от импорта наблюдалось в периоды ее высокой активности и укрепления национальной валюты: с 8,5% в 2006 г. до 10,4% в 2007 г., с 10,6% в 2009 г. до 13,7% в 2011 г. Напротив, в 2014–2016 гг., в период ужесточения спрсовых ограничений, курсовое удорожание импорта, а с ним и выпуска стимулировало предприятия к импортозамещению на уровне производства или вынуждало их к сокращению производств с высокой технологической зависимостью от импорта. В результате технологическая зависимость российской экономики от импорта снизилась в 1,2 раза – с 14,6% в 2013 г. до 12% в 2015–2016 гг. (См. рис. 4.)

В связи с динамикой технологической зависимости российской экономики от импорта заслуживают отдельных комментариев как ее повышение в 2006–2013 гг., так и снижение в 2014–2016 гг.

Увеличение технологической зависимости от импорта происходило одновременно с его постепенным вытеснением с рынков готовой продукции (замедлением роста потребительского импорта), т.е. с замещением импорта отечественными аналогами, произведенными с использованием иностранных сырья, материалов, покупных изделий.

Усиление подобной зависимости может быть связано прежде всего с технологической безальтернативностью импорта в производстве. Для изготовления некоторых видов продукции необходимы материалы и комплектующие более высокого качества, чем возможные отечественные аналоги импортных, имеющие соответствующие формальные подтверждения этого уровня качества (сертификаты). Такой тип технологической зависимости, возникающий с целью импортозамещения на уровне продукции конечного спроса или на высоких уровнях обработки, преодолим в результате осуществления инвестиций в создание высококачественного отечественного продукта, его испытаний, сертификации, запуска в серийное производство. Продолжительность периода повышенной технологической зависимости

Рис. 4. Технологическая зависимость российской экономики от импорта в 2006–2016 гг.

* — Оценка на основании данных за январь–сентябрь.

Источник: ЦБ РФ, Росстат, расчеты авторов.

от импорта такого типа определяется возможностью закупки готовых иностранных технологий или готовностью экономики к коммерциализации (серийной реализации) отечественных изобретений, а также готовностью к инвестиционным вложениям с длительным сроком окупаемости.

С другой стороны, усиление технологической зависимости от импорта может являться следствием неэффективной реакции экономических агентов на формирующийся в экономике спрос, непроведенной модернизации производства, слабой коммерциализации изобретений. В этом случае оно возникает как результат неготовности смежников ответить на возникший спрос технологической модернизацией (инвестициями в основной капитал, предложением более качественной продукции) из-за отсутствия предпринимательской инициативы или нехватки ресурсов. Такой тип технологической зависимости от импорта предоставляет максимальные возможности для импортозамещения на уровне производства, часть из которых, по-видимому, и была реализована в России в последние годы.

Снижение технологической зависимости российской экономики от импорта в период ужесточения ограничений ее развития стало следствием ряда причин.

Прежде всего, имело место естественное (связанное не со значительной модернизацией, а лишь с возникшими ценовыми преимуществами) импортозамещение на уровне производства. Возникшая ценовая фора выступила значимым мотиватором для возможной и целесообразной коррекции выпуска экономическими агентами. При этом в части продукции, которая могла бы полноценно заменить импортные аналоги только после су-

щественной модернизации выпуска, импортозамещение развивалось медленно. Рост инвестиций в основной капитал для модернизации производства, коррекции и увеличения выпуска сдерживался ресурсными ограничениями и недостаточной мотивацией предприятий к самофинансированию инвестиционных проектов.

В результате, в условиях усиления спросовых ограничений в российской экономике, курсовое удорожание выпуска с безальтернативным (в настоящее время) использованием импортных сырья, материалов, покупных изделий определило его опережающее сокращение. Следствием этого и стало снижение технологической зависимости российской экономики от импорта. Но на сокращающихся выпуске и рынке снижение технологической зависимости от импорта не может рассматриваться как долгосрочная тенденция. При укреплении рубля и/или расширении спроса в экономике потребители могут увеличить спрос на более качественную продукцию, ранее производившуюся с активным использованием импорта. О долгосрочности успехов импортозамещения на рынке продукции конечного спроса или на уровне производства можно будет судить не ранее начала в России экономического роста.

В заключение необходимо отметить, что в современном мире импортозависимость экономики является совершенно нормальным явлением. Однако снижение ее возможного сдерживающего эффекта для развития экономики и использование потенциала импортозамещения как существенного ресурса ее роста должны выступать важнейшими элементами государственной экономической политики. ■

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПЛАН ТРАМПА: ОЦЕНКА БУДУЩЕГО ЭФФЕКТА*

Анна КИЮЦЕВСКАЯ

Старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; эксперт лаборатории денежно-кредитной политики Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, канд. экон. наук. E-mail: kiu2003@mail.ru

Павел ТРУНИН

Ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук. E-mail: pt@ier.ru

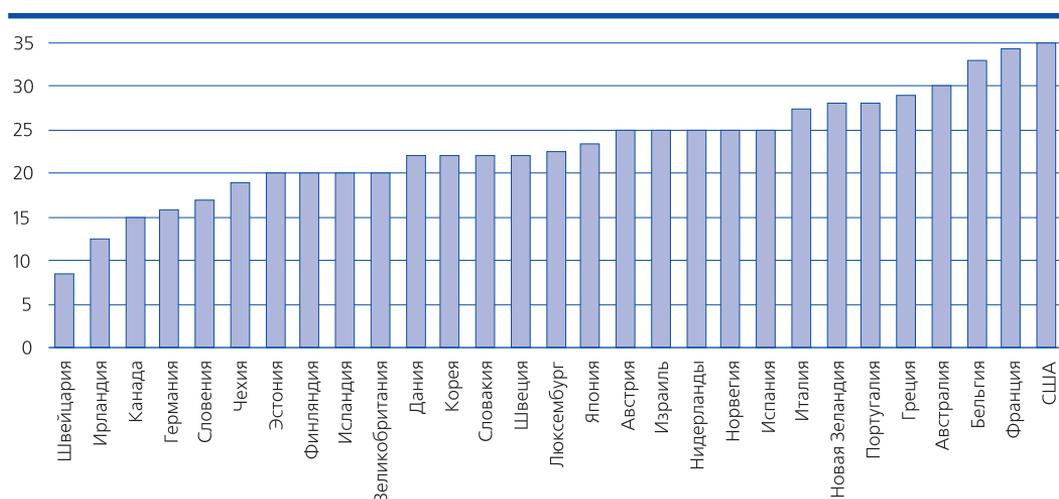
Президент США Дональд Трамп еще во время предвыборной кампании выступил с рядом предложений в области внутренней экономической политики, которые могут не только изменить «правила игры» в экономике США, но и оказать существенное воздействие на всю мировую экономику.

Ключевые слова: Дональд Трамп, экономический план Трампа, экономическая политика в США.

Наиболее радикальные инициативы Дональда Трампа в сфере экономики затрагивают три крупных направления: налоговое законодательство, регулирование экономической деятельности, инвестиции в инфраструктуру США. Предполагается, что ослабление регулятивных норм и снижение государственного вмешательства в экономику, которые повлекут за

собой повышение инвестиционной активности, позволят ускорить темпы экономического роста в стране. Изменения, предлагаемые президентом Соединенных Штатов в области налогового законодательства, ориентированы на снижение налоговой нагрузки на корпорации и физические лица с целью высвобождения дополнительных финансовых ресурсов для

Рис. 1. Ставка налога на доходы корпораций в разных странах, в %

Источник: ОЭСР.

* — Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» № 5 (43) (март 2017 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

инвестиций, а также выравнивания фискальных условий хозяйствования в США и странах-партнерах.

В США применяется наиболее высокая среди развитых стран ставка налога на корпорации – 35%. (См. рис. 1.) Экономический план Трампа включает, во-первых, снижение ставки этого налога до 15%, что является одним из самых низких уровней среди развитых стран; во-вторых, изменение схемы амортизации: если в настоящее время расходы капитального характера в США списываются равномерно в период от 3 до 20 лет и более, то новый план допускает списание всей суммы в течение первого года. Однако в этом случае предполагается, что компании утрачивают свое право на снижение налогооблагаемой базы на величину процентных расходов (за исключением погашения кредитов на исследования и развитие).

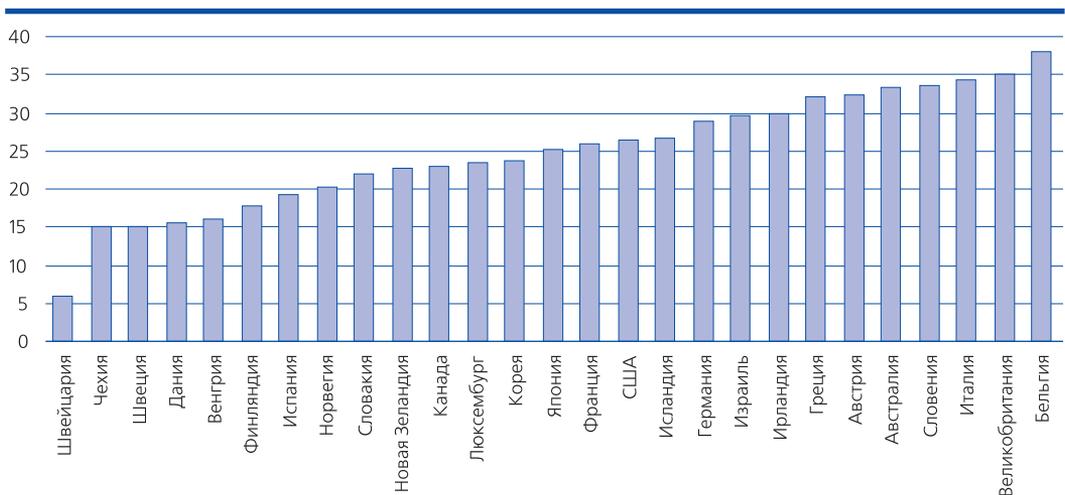
Существенные изменения планируются в части налогообложения доходов физических лиц, в том числе унификация налоговых ставок с семи до трех, снижение максимальной налоговой ставки с 39,6 до 33% при устране-

нии различий для одиноких и семейных граждан. В результате средняя ставка, применяемая к доходам физических лиц, снизится в США с 26,5 до 23,3%. (См. табл. 1 и 2.)

Наибольшие выгоды от реформирования налогообложения физических лиц получат самые высокодоходные группы населения. По оценкам Налогового фонда США (The Tax Foundation), в случае полной реализации предложенных инициатив чистые доходы 80% налогоплательщиков увеличатся на 0,8–1,9%, тогда как доходы 20% наиболее обеспеченных – на 4,4–8,7%, а 1% наиболее богатых – на 10,2–16%.

Практическая реализация инициатив Д. Трампа, по оценкам Налогового фонда США, в течение следующих десяти лет приведет к снижению налоговых поступлений в бюджет на 4,4–5,9 трлн. долл. (2017–2025 гг.). Наиболее значительно снизятся поступления по налогу на корпорации – на 2,122 трлн. долл., тогда как унификация ставок по доходам физических лиц обойдется бюджету в 1,418 трлн. долл. Частично сокращение поступлений будет компенсировано ростом налоговых сборов

Рис. 2. Средняя ставка налога на доходы физических лиц в разных странах, в %

Источник: ОЭСР.

Таблица 1
Изменения в налогообложении физических лиц в США: налог на доходы, налог на недвижимость и наследование/дарение

	Действующая система		Инициативы Д. Трампа	
	Одинокие	Семейные	Одинокие	Семейные
Налог на доходы				
Ставка налога (в %) в зависимости от величины дохода (в долл.)	Не более 9725 – 10%. От 9725 до 37 650 – 15%. От 37 650 до 91 150 – 25%. От 91 150 до 190 150 – 28%. От 190 150 до 413 350 – 33%. От 413 350 до 415 050 – 35%. От 415 050 – 39,6%.	Не более 18 550 – 10%. От 18 550 до 75 300 – 15%. От 75 300 до 151 900 – 25%. От 151 900 до 231 450 – 28%. От 231 450 до 413 350 – 33%. От 413 350 до 466 950 – 35%. От 466 950 – 39,6%.	От 37 500 до 112 500 – 25%. От 112 500 – 33%.	Не более 75 000 – 12%. От 75 000 до 225 000 – 25%.
Стандартный налоговый вычет, долл.	6300	12 600	15 000	30 000
Постатейные вычеты (itemized deduction)* (максимальная величина за год), долл.	259 400	311 300	100 000	200 000
Альтернативный минимальный налог, долл.	53 900	83 800	Отменен	
Налог на недвижимость и наследование/дарение				
Ставка налога (в %) в зависимости от стоимости недвижимости и наследования/дарения (в млн. долл.)	Более 5,45–40%	Более 10,9–40%	Отменен, за исключением недвижимости стоимостью более 10 млн. долл.; в этом случае будет применяться ставка налога на капитал	

* – При определении налогооблагаемого дохода может применяться либо стандартный налоговый вычет (только для резидентов), либо постатейный налоговый вычет, распространяющийся на определенные расходы, осуществляемые в течение года и подтвержденные фискальными документами. В число таких доходов входят, например, расходы на медицинское обслуживание, проценты, выплаченные по ипотечным кредитам, а также расходы на страхование имущества по ипотеке, инвестиционные расходы и т.д. Решение об использовании налогового вычета принимается ежегодно, но большинство американцев отдадут предпочтение стандартному налоговому вычету.

Таблица 2
Изменения в налогообложении физических лиц в США: налог на капитал и дивиденды

	Действующая система		Инициативы Д. Трампа			
	Применяемая ставка налога на доход, в %	Ставка налога на капитал и дивиденды, в %	Одинокие	Семейные		
	15 и менее	0	Традиционный доход, долл.	Ставка налога на капитал и дивиденды, в %	Традиционный доход, долл.	Ставка налога на капитал и дивиденды, в %
	25, 28, 33 и 35	15	Не более 37 500	0	Не более 75 000	0
	39,6	20	От 37 500 до 112 500	15	От 75 000 до 225 000	15
			От 112 500	20	От 225 000	20

вследствие снижения различных налоговых вычетов.

Предложения Д. Трампа в области налогообложения в долгосрочной перспективе потенциально могут создать условия для ускорения темпов экономического роста в США, роста заработной платы и повышения уровня занятости. Положительный эффект может обеспечить увеличение ВВП к 2025 г. на 8,2% по сравнению с показателем, который, по оценкам Бюджетного управления Конгресса США, мог быть достигнут при продолжении прежней экономической политики. С учетом этих предпосылок сокращение налоговых доходов бюджета в 2017–2025 гг. может оказаться менее существенным (2,6–3,9 трлн. долл.)¹.

Бюджетные доходы, как следует из экономического плана Д. Трампа, удастся увеличить благодаря реформированию торговой политики, энергетического сектора (0,147 трлн. долл.) и принципов регулирования экономической деятельности (0,487 трлн. долл.). Предполагается, что указанные выше меры обеспечат прирост бюджетных доходов за 2017–2026 гг. на 2,374 трлн. долл., а наиболее существенные выгоды принесет реформирование торговой политики – 1,740 трлн. долл.

Реформирование системы регулирования экономической деятельности должно обеспечить прирост бюджетных доходов на 0,487 трлн. долл. за десять лет. Одним из приоритетов в этом направлении является изменение или частичная отмена закона Додда-Франка. Наиболее подробно механизм внесения изменений в этот закон был описан в ноябре 2016 г. Вероятнее всего нововведения затронут требования, регулирующие кредитную активность финансовых институтов. По мнению Д. Трампа, избыточное регулирование в этой сфере препятствует восстановлению кредитной активности в национальной экономике. Изме-

нения могут коснуться и положений Правила Волкера, разграничивающего инвестиционную и кредитную деятельность банков (в 2010 г. этот закон поддержали только три республиканца в Сенате, а в Палате представителей он не получил ни одного голоса). Неоднократно критике со стороны Д. Трампа подвергалась деятельность Бюро по защите финансовых прав потребителей, сформированного для реализации положений закона Додда-Франка и регулирующего, в том числе, сферу ипотечного кредитования.

Отметим, что в ходе своего первого выступления перед Конгрессом 1 марта 2017 г. президент США заявил лишь о целесообразности дерегулирования экономики, не обозначив конкретных механизмов и направлений этого процесса. В то же время существенное внимание Д. Трамп уделил планам по обновлению инфраструктуры США, заявив о подготовке для внесения в Конгресс проектов, стоимость которых оценивается в 1 трлн. долл. Профинансированные не только за счет государственных, но и частных инвестиций, эти проекты, по его мнению, позволят создать миллионы новых рабочих мест. По словам Д. Трампа, тех средств, которые США тратят на Ближнем Востоке, а это примерно 6 трлн. долл., было бы достаточно, чтобы как минимум дважды «отремонтировать» всю страну².

Форма реализации предложений Д. Трампа остается под вопросом, что является дополнительным источником неопределенности. В связи с этим, несмотря на последовательное приближение фактических темпов роста потребительских цен в США к целевым ориентирам, а безработицы – к ее естественному уровню, ФРС откладывает повышение ставки по федеральным фондам.

Американскими инвесторами инициативы президента были восприняты положительно. За

¹ По оценкам Бюджетного управления Конгресса США, в 2026 г. ВВП США достигнет 27 трлн. долл.

² «Donald Trump's Congress speech», 1 марта 2017 г.: <http://edition.cnn.com/2017/02/28/politics/donald-trump-speech-transcript-full-text/>

3,5 месяца после избрания Д. Трампа котировки крупнейших американских фондовых индексов Dow Jones, Nasdaq и S&P 500 выросли на 15,2, 13,7 и 12,0% соответственно. Столь быст-

рый рост фондовых индексов на рубеже 2016–2017 гг. свидетельствует об оптимистичных настроениях компаний, и особенно 30 наиболее крупных из них, входящих в Dow Jones. ■

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТРАМПА И МНОГОСТОРОННИЕ ИНСТИТУТЫ КОЛЛЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ*

Марина ЛАРИОНОВА

Директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. филол. наук, д-р полит. наук. E-mail: larionova-mv@ranepa.ru

Андрей САХАРОВ

Научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.

Андрей ШЕЛЕПОВ

Научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. E-mail: shelepov-av@ranepa.ru

Марк РАХМАНГУЛОВ

Научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. E-mail: rakhmangulov-mr@ranepa.ru

Прошло менее ста дней с инаугурации Дональда Трампа, но уже очевидно: 45-й президент США не планирует отказываться от использования дипломатических инструментов и глобальных институтов для реализации внешней политики, приоритетом которой являются американские интересы и национальная безопасность США.

Несмотря на жесткую риторику в адрес ООН, сотрудничество с Организацией по ключевым направлениям ее деятельности: содействию развитию, миротворчеству и гуманитарным вопросам — будет продолжено. В «Группе семи» и «Группе двадцати» у лидеров значительно больше общих приоритетов и общих задач, чем разногласий. Детальный план участия страны в работе различных органов ВТО позволяет предположить, что говорить о кардинальном пересмотре политики США в отношении ВТО преждевременно. При Д. Трампе сохранится лидирующая роль США в НАТО, и требование увеличения бюджетов на оборону партнерами совершенно не означает сокращения военных расходов США.

Ключевые слова: глобальное управление, многосторонние институты, внешняя политика, США, ООН, «Группа двадцати», «Группа семи», ВТО, НАФТА, Транстихоокеанское партнерство, ЕС, НАТО.

Повернется ли Дональд Трамп спиной к многосторонним организациям глобального управления, как предрекали демократы!?! Еще не прошло ста дней с инаугурации 45-го президента США, но уже совершенно очевидно, что Д. Трамп не планирует отказываться от использования дипломатических инструментов и глобальных институтов в проведении внешней политики, приоритетом которой являются американские интересы и национальная безопасность США².

ООН

Несмотря на жесткую риторику в адрес ООН и ее органов в связи с их неэффективностью³, а также на многочисленные высказывания экспертов и политиков о неминуемом сокращении финансирования Организации в части обязательных взносов⁴, миротворческих операций⁵ и специализированных агентств, работа миссии США при ООН осуществляется в режиме «business as usual». Свои первые контакты посол США при ООН Никки Хейли про-

* — Основные результаты данной работы опубликованы в Мониторинге экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» № 5 (43) (март 2017 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

¹ 2016 Democratic Party Platform, P. 45: http://www.presidency.ucsb.edu/papers_pdf/117717.pdf

² America First Foreign Policy: <https://www.whitehouse.gov/america-first-foreign-policy>

³ Donald J. Trump. Tweet dated of 27 December 2016: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/813500123053490176>

⁴ Взнос США составляет 22% от общего бюджета, это максимальная планка для одного спонсора.

⁵ США финансируют 29% миротворческих операций. См.: Donald Trump and the United Nations: a fight waiting to happen?: <http://www.telegraph.co.uk/news/2017/01/19/donald-trump-united-nations-fight-waiting-happen/>

вела с постоянными представителями Великобритании, Франции, Израиля и Украины, обсудив с последним программу председательства Украины в Совете Безопасности (СБ) на февраль 2017 г. и подтвердив приверженность территориальной целостности Украины⁶. Израиль получил уверения в безусловной поддержке США его поселенческих действий на спорных территориях. В рамках встреч с послом Райкрофтом и послом Делаттром состоялось закрепление особых отношений трех постоянных членов СБ (США, Франции и Великобритании – РЗ).

В полной мере особые отношения страны, входящие в состав РЗ, на площадке СБ продемонстрировали в процессе продвижения совместного проекта резолюции по Сирии (S/2017/172), предлагавшего ввести санкции против Дамаска в связи с применением в Сирии химического оружия. Несмотря на то что соответствующее расследование не было закончено и использование химического оружия правительственными силами Сирии не было доказано, а также невзирая на возобновление усилий в Женеве и Астане по внутрисирийскому политическому диалогу для разрешения кризиса, страны РЗ настояли на постановке на голосование проекта резолюции, хотя, по словам постоянного представителя Египта в ООН, господина Абулатта, она была обречена на провал⁷. Россия и Китай были вынуждены применить вето⁸. В результате, вместо того чтобы направить влияние СБ на поддержание диалога в ходе дискуссии по

политическому урегулированию вокруг проекта резолюции, предпринятые РЗ действия усугубили ситуацию в Сирии и вновь разделили СБ по вопросу обеспечения мира и безопасности в этой стране⁹.

Вопросы сокращения финансирования ООН, несомненно, будут еще подниматься и администрацией, и Конгрессом США. Однако можно предполагать, что, как и предыдущие республиканские администрации, члены команды Д. Трампа будут балансировать между публичными нападениями на ООН и спокойной работой в основных органах ООН там, где это будет соответствовать интересам США¹⁰. Основной «жертвой» при этом, вероятно, станет Парижское соглашение по климату¹¹. Даже если США не выйдут из Соглашения, вряд ли можно ожидать своевременного и полного выполнения заявленных администрацией Б. Обамы национальных целей сокращения в 2025 г. выбросов парниковых газов на 40% относительно уровня 2005 г.¹².

Несмотря на критику, касающуюся недостаточной координации, дублирования, неэффективности в деятельности ООН, и на дальнейшее усиление давления в отношении ее скорейшего реформирования, сотрудничество по ключевым направлениям деятельности Организации: содействию развитию, миротворчеству и гуманитарным вопросам – будет продолжено. Косвенным подтверждением этого стало высказывание заместителя представителя США в ЭКОСОС Стефани Амадео о необходимости интегрированного подхода к

⁶ Ambassador Nikki Haley has first meetings and phone call with the Permanent Representatives of Israel, the United Kingdom, France, and Ukraine: <https://usun.state.gov/remarks/7663>

⁷ Security Council Seventy-second year 7893rd meeting agenda, P. 12: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/PV.7893

⁸ Там же.

⁹ Там же. P. 14.

¹⁰ Republicans Have Long Wanted to Punish the U.N., but Trump Might Actually Do It, P. 3: <http://www.politico.com/magazine/story/2016/12/republicans-have-long-wanted-to-punish-the-un-but-trump-might-actually-do-it-214558>

¹¹ Trump 'will definitely pull out of Paris climate change deal': <http://www.independent.co.uk/news/world/americas/donald-trump-paris-climate-change-deal-myron-ebell-us-president-america-pull-out-agreement-a7553676.html>

¹² US INDC: <http://www4.unfccc.int/ndcregistry/PublishedDocuments/United%20States%20of%20America%20First/U.S.A.%20First%20NDC%20Submission.pdf>

реализации задач по достижению мира и цели устойчивого развития¹³.

Вряд ли Д. Трамп, заявивший о намерении расширить сотрудничество в борьбе против транснациональных криминальных организаций¹⁴, откажется от использования системы ООН в борьбе против терроризма и ИГИЛ. Политические и правовые инструменты борьбы с терроризмом, созданные после трагедии 11 сентября 2001 г. в соответствии с Резолюцией СБ № 1373, принятой 28 сентября 2001 г.¹⁵, Комитет и Глобальная стратегия по борьбе с терроризмом составляют фундамент международной борьбы со всеми его проявлениями, включая искоренение условий, способствующих распространению терроризма, его предотвращение и укрепление национальных систем противодействия ему.

Можно предположить, что ожидаемый указ президента «Об аудите и сокращении финансирования США международных организаций» учтет еще два аргумента в пользу решения Д. Трампа продолжить работу США в ООН и с ООН. Во-первых, многие эксперты считают, что в случае ухода США с лидерских позиций в Организации Китай и Россия будут готовы усилить свое влияние в системе ООН¹⁶. Во-вторых, и это значительно более важное соображение, даже если США прекратят финансирование содействия развитию и ООН, экономия для бюджета США составит не более 0,2% ВВП, или примерно одну пятую предлагаемых Трампом сокращений налога на корпорации. То есть выгоды для нало-

гоплательщиков и рабочих США будут минимальными, а потери для репутации США и глобального общественного блага – весьма существенными¹⁷.

«Группа семи»

«Стиль и личность Трампа – резкий, непредсказуемый, противоречивый и тонкокожий – будет иметь серьезное влияние на его взаимодействие с коллегами во внешней политике. Помимо неопределенности в понимании политики США, они могут негативно сказаться на сотрудничестве в таких международных институтах, как «Группа семи» и АТЭС, где Президент США играет важную личную роль. В результате эти институты могут стать менее эффективными»¹⁸. Многие эксперты считают, что саммит в Таормине будет «ожидаемой катастрофой, где Д. Трамп бросит вызов ключевым убеждениям и политическим приоритетам своих коллег по климатическим изменениям, миграции и свободной торговле»¹⁹.

Вместе с тем есть все основания полагать, что у лидеров «большой семерки» есть значительно больше общих приоритетов и ценностей, чем разногласий. К тому же «клубный» формат, объединяющий глав государств и правительств ведущих развитых стран, показал свою способность «социализации» новичков и скептиков²⁰, а также уникальный потенциал взаимного просвещения, взаимного усиления, взаимной настройки (приспосаблива-

¹³ Remarks During the ECOSOC Operational Activities Segment General Debate: <https://usun.state.gov/remarks/7695>

¹⁴ Presidential Executive Order on Enforcing Federal Law with Respect to Transnational Criminal Organizations and Preventing International Trafficking, Sec.2 (d): <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/09/presidential-executive-order-enforcing-federal-law-respect-transnational>

¹⁵ Security Council Resolution 1373 (2001): [http://www.un.org/en/sc/ctc/specialmeetings/2012/docs/United%20Nations%20Security%20Council%20Resolution%201373%20\(2001\).pdf](http://www.un.org/en/sc/ctc/specialmeetings/2012/docs/United%20Nations%20Security%20Council%20Resolution%201373%20(2001).pdf)

¹⁶ Republicans Have Long Wanted to Punish the U.N., but Trump Might Actually Do It, P. 4: <http://www.politico.com/magazine/story/2016/12/republicans-have-long-wanted-to-punish-the-un-but-trump-might-actually-do-it-214558>

¹⁷ The balance sheet on 'America First', P. 4: <https://www.bostonglobe.com/opinion/2017/01/29/the-balance-sheet-america-first/5NN1urTLce1xB0rGObvUEI/story.html#comments>

¹⁸ America's International Role Under Donald Trump. P. VIII: <https://www.chathamhouse.org/publication/americas-international-role-under-donald-trump>

¹⁹ President Trump Meets the G7/G20: <http://www.g7g20.com/articles/john-kirton-president-trump-meets-the-g7-g20>

²⁰ Hanging Together. Cooperation and Conflict in the Seven-Power Summits. Revised and Enlarged Edition. P. 256-257: <http://www.hup.harvard.edu/catalog.php?isbn=9780674372269>

ния) и взаимных уступок²¹ в процессе выработки общих направлений действий и коллективных решений. Один из помощников Р. Рейгана утверждал, что саммиты формируют подходы политиков по конкретным вопросам в среднесрочной перспективе, которые могут иметь существенное влияние на внутреннюю политику лидеров²².

В целом можно прогнозировать, что на саммите «семерки» в 2017 г. не будет сформулировано каких-то значимых решений, поскольку, как показывает история, для выработки таких решений требуются четко выраженная лидерская позиция США и ее поддержка как минимум еще одной державой²³. Успехом будет согласование политики стимулирования экономического роста, инвестирования в инфраструктуру и борьбы с терроризмом.

«Группа двадцати»

Оценки влияния личности и программы Д. Трампа на роль США в «Группе двадцати» и «двадцатки» в системе глобального управления в целом достаточно противоречивы. В негативном сценарии рассматривается вероятность снижения уровня координации, возвращения к формату встреч министров финансов и даже полного прекращения работы «двадцатки»²⁴. В этом случае предотвращение новых рисков глобальной экономической и финансовой нестабильности будет намного более сложным.

Действительно, в повестке дня «Группы двадцати» много вопросов, по которым у Д. Трампа имеется особая позиция. Это касается упрощения и либерализации условий торговли и инвестиций, устойчивого развития до 2030 г.,

Парижского соглашения по климату, финансового регулирования, рационализации и отказа от субсидирования неэффективных ископаемых видов топлива. Однако в повестке есть достаточно тем и решений, соответствующих приоритетам 45-го президента США. Прежде всего, ему близка основная миссия «двадцатки» по обеспечению уверенного, устойчивого, сбалансированного и инклюзивного роста. Безусловно, Д. Трамп понимает значение структурных реформ, качественных инвестиций и технологических инноваций для обеспечения экономического роста, создания новых высококачественных рабочих мест, повышения производительности и сокращения неравенства.

Вопросы борьбы с терроризмом и коррупцией являются центральными для новой американской администрации. Инфраструктурным инвестициям отводится особое место в усилении экономической платформы и повышении конкурентоспособности США. В этой связи тактика немецкого председательства — не пытаться продвинуться вперед по противоречивым вопросам, например по финансовому регулированию, но закрепить решения, согласованные в Ханчжоу, одновременно добиваясь прогресса по вопросам, где нет противоречий²⁵, — представляется правильной. Эта тактика может иметь решающее значение для успешной интеграции Д. Трампа в «Группу двадцати».

Таким образом, в позитивном сценарии связи, сформированные в рамках «семерки» в преддверии саммита «Группы двадцати»²⁶, и широкая повестка дня «двадцатки», включающая достаточно много вопросов, близких Д. Трампу, могут стать основой для выработки

²¹ Hanging Together. Cooperation and Conflict in the Seven-Power Summits. Revised and Enlarged Edition. P. 260: <http://www.hup.harvard.edu/catalog.php?isbn=9780674372269>

²² Там же. P. 257.

²³ Там же. P. 272-273.

²⁴ America's International Role Under Donald Trump. P. 13: <https://www.chathamhouse.org/publication/americas-international-role-under-donald-trump>

²⁵ Germany's gamble to break even with Trump at G20: <http://www.politico.eu/article/germanys-gamble-to-break-even-with-trump-at-g20/>

²⁶ President Trump Meets the G7/G20: <http://www.g7g20.com/articles/john-kirton-president-trump-meets-the-g7-g20>

общих подходов и согласования коллективных решений.

Многосторонние институты в сфере международной торговли

Новая администрация США заявила о пересмотре торговых соглашений страны, которые характеризуются командой президента как невыгодные и нечестные по отношению к трудящимся страны и ее экономике в целом²⁷.

Транстихоокеанское партнерство

23 января 2017 г. Д. Трамп подписал меморандум о приостановке участия страны в Транстихоокеанском партнерстве (ТПП). В течение своей предвыборной кампании он неоднократно заявлял о намерении пересмотреть торговые соглашения Соединенных Штатов, в том числе и с ТПП, и, таким образом, выполнил данное обещание. В тексте меморандума, адресованного торговому представителю, президент дал поручение отозвать подпись документа о ТПП со стороны США, приостановить участие страны в переговорах с ТПП и, по возможности, придерживаться курса на заключение двусторонних соглашений с другими государствами в интересах американской промышленности и работников²⁸.

Существуют различные позиции относительно перспектив ТПП без участия США. В частности, в ноябре 2016 г. премьер-министр Японии Синдзо Абе заявил о том, что не считает подобную конфигурацию многостороннего торгового соглашения целесообразной²⁹.

После принятия решения о выходе США из ТПП, в рамках двусторонней встречи С. Абе и Д. Трампа 10 февраля 2017 г., премьер-министр Японии заявил о том, что его страна намерена продолжать сотрудничество с Соединенными Штатами. Вице-премьеру Японии и вице-президенту США было поручено проработать новую рамочную основу диалога по торговле³⁰. Таким образом, Япония обозначила курс на развитие двустороннего торгового сотрудничества с США.

В то же время Австралия настаивает на необходимости продолжения переговоров с целью реформирования условий работы объединения даже в отсутствие Соединенных Штатов. По мнению премьер-министра страны Малколма Тернбулла, выход США из договоренности является большой потерей для объединения, но Австралия намерена продолжать процесс, в том числе с учетом потенциальной возможности присоединения Китая, и надеется склонить другие стороны к продолжению переговоров³¹.

Наиболее вероятным, с учетом позиции, изложенной в меморандуме от 23 января 2017 г., а также в выступлениях Д. Трампа, представляется начало длительного процесса пересмотра двусторонних торговых соглашений США со странами АТР. В настоящее время из стран ТПП у США имеются двусторонние соглашения о зоне свободной торговли с Австралией, Канадой, Чили, Перу, Республикой Корея, Мексикой и Сингапуром³². Принимая во внимание изменение переговорной позиции США, участие страны в новых многосто-

²⁷ Trade Deals That Work For All Americans, US President. <https://www.whitehouse.gov/trade-deals-working-all-americans>.

²⁸ Presidential Memorandum Regarding Withdrawal of the United States from the Trans-Pacific Partnership Negotiations and Agreement: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/01/23/presidential-memorandum-regarding-withdrawal-united-states-trans-pacific>

²⁹ TPP 'has no meaning' without US, says Shinzo Abe: <https://www.ft.com/content/59972c38-b058-11e6-a37c-f4a01f1b0fa1>

³⁰ Remarks by President Trump and Prime Minister Abe of Japan in Joint Press Conference: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/10/remarks-president-trump-and-prime-minister-abe-japan-joint-press>

³¹ Tokyo turns down Australian proposal for TPP without U.S., vows to keep pushing Trump: <http://www.japantimes.co.jp/news/2017/01/24/national/politics-diplomacy/tokyo-turns-australian-proposal-tpp-without-u-s-vows-keep-pushing-trump/#.WMK33G-LSM8>

³² Free Trade Agreements: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements>

ронних инициативах, особенно с участием развивающихся государств, в том числе в АТР, маловероятно.

НАФТА

США под руководством президента Трампа намерены также пересмотреть Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА). В случае отказа других участников соглашения (Канады и Мексики) от переговоров по пересмотру НАФТА Соединенные Штаты выйдут из договоренности³³.

Наибольшее недовольство у нового президента вызывают условия торговли и перемещений рабочей силы в отношении Мексики, о чем он неоднократно заявлял — как во время предвыборной кампании, так и в течение первых недель срока своих полномочий. Не способствовала прояснению ситуации и отмена двусторонней встречи между американским и мексиканским президентами, которая должна была состояться в конце января 2017 г.³⁴.

Вопрос о будущем НАФТА поднимался и на встрече Д. Трампа с премьер-министром Канады Джастином Трюдо 13 февраля 2017 г. Президент США, несмотря на удовлетворенность общим состоянием американо-канадских торгово-экономических связей, обозначил намерение пересмотра торговых отношений с Канадой с целью их улучшения. В то же время он отметил, что условия торговли с Канадой являются намного более выгодными по сравнению с «ситуацией на южной границе»³⁵. В докладе по торговой политике США на 2017 г. подчеркивается, что еще в 2008 г. администрация Б. Обамы призывала начать перегово-

ры о пересмотре этого соглашения и, в случае неудачи, выйти из него³⁶. Можно ожидать, что переговоры между североамериканскими соседями будут длительными.

ВТО

Ежегодный доклад президента США о торговой политике, а также повестка дня в этой сфере на 2017 г. говорят о том, что Соединенные Штаты намерены продолжать работу в рамках ВТО, однако с некоторыми оговорками. В документе подчеркивается приоритетный характер национальных интересов США над решениями ВТО. США считают практики демпинга, применяемые другими странами, одним из основных препятствий для реализации своих национальных интересов в сфере международной торговли.

Согласно тексту документа США оставляют за собой право применять антидемпинговые и компенсационные меры в полном соответствии с правилами ВТО. Основой международной торговой системы США считают четкое следование правилам ВТО, основанным на рыночных принципах. При этом в торговой стратегии администрации Д. Трампа заявляется, что США «не потерпят» нечестных по отношению к американским акторам торговых практик³⁷.

В то же время говорить о кардинальном пересмотре политики США в отношении ВТО преждевременно. Вышеназванный доклад о торговой политике содержит детальный план участия страны в работе различных органов ВТО и о продолжении сотрудничества с членами организации в целях продвижения принципов либерализации международной торговли³⁸.

³³ Trade Deals That Work For All Americans: <https://www.whitehouse.gov/trade-deals-working-all-americans>

³⁴ Mexican president cancels meeting with Trump: <http://edition.cnn.com/2017/01/25/politics/mexico-president-donald-trump-enrique-pena-nieto-border-wall/>

³⁵ Remarks by President Trump and Prime Minister Trudeau of Canada in Joint Press Conference: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/13/remarks-president-trump-and-prime-minister-trudeau-canada-joint-press>

³⁶ 2017 Trade Policy Agenda and 2016 Annual Report, P. 6: <https://ustr.gov/sites/default/files/files/reports/2017/AnnualReport/AnnualReport2017.pdf>

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

Международные финансовые институты

В период предвыборной кампании и после избрания президентом США Д. Трамп не делал публичных заявлений, проясняющих позицию новой администрации относительно конкретных международных финансовых институтов. Однако ранее отмечались его критические высказывания в отношении проводимой этими институтами политики. В частности, Д. Трамп заявлял о неэффективности финансовых институтов и критиковал Всемирный банк за «увязывание проблемы бедности и вопросов изменения климата»³⁹.

По мнению ряда экспертов, критическое отношение к МВФ, Всемирному банку и глобальным институтам финансового регулирования сохранится и найдет выражение в политике новой администрации США. Акцент на стимулировании экономического развития за счет собственных ресурсов, ослаблении вектора многосторонности проводимой политики, устранении избыточного регулирования и достижении в первую очередь национальных интересов может привести к снижению поддержки со стороны США международных институтов, в которых страна в настоящее время играет лидирующую роль⁴⁰.

Противоположная точка зрения состоит в признании возможности активизации поддержки многосторонних финансовых институтов, основанной на понимании администрацией США их потенциала в реализации национальных интересов⁴¹. Например, при возникновении экономических трудностей в крупных странах региона, таких как Мекси-

ка, Соединенные Штаты, даже в случае ослабления торгово-экономических связей, будут заинтересованы в их эффективном решении. При этом двусторонние инструменты помощи могут быть неприемлемы с учетом позиции избирателей, в результате чего повысится спрос на участие в процессе таких институтов, как МВФ. Вероятна и поддержка со стороны новой администрации реформ финансового регулирования, проводимых профильными международными институтами. Несмотря на определенные издержки таких реформ для национальной финансовой системы, аргументом в их пользу может стать универсальность регулирования, гарантирующая американским финансовым институтам справедливые условия конкуренции⁴².

Различные и даже противоположные варианты политики возможны и в отношении новых институтов, стремящихся изменить баланс в международной финансовой системе, прежде всего Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). С одной стороны, нежелание усиления международных позиций Китая может привести к росту поддержки Соединенными Штатами «традиционных» альтернативных институтов, таких как Всемирный банк. С другой стороны, с учетом значительного дефицита инвестиций в инфраструктуру во всем мире цели АБИИ разделяются руководством США. Один из советников Д. Трампа даже назвал отказ страны от присоединения к АБИИ при предыдущем руководстве «стратегической ошибкой»⁴³.

Таким образом, дальнейшее направление политики США в отношении международных

³⁹ If Trump changed tack on Nato, can he U-turn on the IMF and WTO?: <https://www.theguardian.com/business/2017/feb/16/donald-trumps-changed-stance-on-nato-will-he-sober-up-about-imf-and-wto>

⁴⁰ The economic consequences of Donald Trump: <http://www.economist.com/blogs/freeexchange/2016/11/global-economy>

⁴¹ Trump Scorns the IMF's Globalism, and Now He Gets to Vote on It: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-02-22/trump-scorns-the-imf-s-globalism-and-now-he-gets-to-vote-on-it>

⁴² If Trump changed tack on Nato, can he U-turn on the IMF and WTO?: <https://www.theguardian.com/business/2017/feb/16/donald-trumps-changed-stance-on-nato-will-he-sober-up-about-imf-and-wto>

⁴³ U.S. should have joined China-led infrastructure bank: Trump adviser: <http://www.reuters.com/article/us-usa-election-china-infrastructure-idUSKBN13519P>

финансовых институтов пока недостаточно ясно. В значительной степени оно будет определяться формирующейся оценкой политических и экономических выгод от такого сотрудничества.

НАТО

Американские военные базы находятся в 70 странах мира, затраты на них составляют примерно 5% бюджета США, или около 2% ВВП. Военные действия по изменению режимов (в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии) стоят еще 1% ВВП. Напряженность в Европе и продвижение НАТО к границам России еще больше увеличивает эти затраты⁴⁴. В связи с этим понятно желание Д. Трампа заставить платить партнеров по НАТО их справедливую долю. Однако означает ли это сокращение затрат на оборону и инвестирование в инфраструктуру, создание рабочих мест и преодоление неравенства?

Укрепление военного потенциала США является одним из приоритетов администрации Трампа. В инаугурационной речи президент обещал прекратить субсидирование армий других стран и «истощение» собственных вооруженных сил⁴⁵. В числе первых шагов Д. Трампа в сфере военной безопасности были: разработка предложений по повышению военного бюджета на 54 млрд. долл., проведение проверки боевой готовности вооруженных сил и подготовка плана по борьбе с ИГИЛ⁴⁶.

Во время предвыборной кампании Д. Трамп заявлял, что НАТО «может быть устаревшей» структурой, и ставил под сомнение преимущества, которые США получают как де-факто лидера НАТО. Заявления, из которых можно было сделать вывод о том, что для него более важна экономия средств от выхода из Альянса, чем преимущества в сфере безопасности, который тот предоставляет⁴⁷, сильно тревожили партнеров.

После инаугурации накал риторики снизился. Президент и ключевые представители его администрации стали публично говорить об «активной поддержке» НАТО со стороны США⁴⁸. Вице-президент Майкл Пенс на встрече с Генеральным секретарем НАТО Столтенбергом подтвердил приверженность США партнерству и ожидание выполнения обещания выделять 2% ВВП на оборону⁴⁹. Хотя с 2015 г. военные расходы европейских стран выросли на более чем 8%⁵⁰, на Мюнхенской конференции по безопасности М. Пенс подчеркнул, что только США и четыре других члена НАТО соблюдают этот уровень финансирования⁵¹.

Вопрос о необходимости более справедливого распределения нагрузки по обеспечению коллективной безопасности в рамках НАТО и повышения доли военных расходов до 2% для всех членов Альянса стал одним из ключевых. Он обсуждался с каждым лидером страны-члена, с которым проводились переговоры представителями новой администрации

⁴⁴ The balance sheet on 'America First': <https://www.bostonglobe.com/opinion/2017/01/29/the-balance-sheet-america-first/5NN1urTLceixB0rGObvUEI/story.html#comments>

⁴⁵ The Inaugural Address: <https://www.whitehouse.gov/inaugural-address>

⁴⁶ President Trump is Rebuilding America's National Security: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/28/president-trump-rebuilding-americas-national-security>

⁴⁷ America's International Role Under Donald Trump: <https://www.chathamhouse.org/publication/americas-international-role-under-donald-trump>

⁴⁸ Remarks by President Trump to Coalition Representatives and Senior U.S. Commanders: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/06/remarks-president-trump-coalition-representatives-and-senior-us>

⁴⁹ Remarks by the Vice President and NATO Secretary General Stoltenberg at a JPA: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/20/remarks-vice-president-and-nato-secretary-general-stoltenberg-jpa>

⁵⁰ America's International Role Under Donald Trump: <https://www.chathamhouse.org/publication/americas-international-role-under-donald-trump>

⁵¹ Remarks by the Vice President at the Munich Security Conference: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/18/>

США: Великобритании, Испании⁵², Турции⁵³, Канады⁵⁴, Германии⁵⁵, Латвии, Литвы и Эстонии⁵⁶, Бельгии⁵⁷, Франции⁵⁸, Италии⁵⁹, а также с Генеральным секретарем НАТО⁶⁰.

Еще одним вопросом на повестке дня администрации США стала необходимость модернизации НАТО с точки зрения готовности Альянса к борьбе с терроризмом и кибер-войнам⁶¹.

В рамках этой тематики от администрации США следует ожидать оказания дальнейшего давления на другие страны – члены НАТО, которые не вносят соответствующего вклада в обеспечение коллективной безопасности. При этом Д. Трамп подтвердил свое участие в саммите НАТО в конце мая текущего года⁶². Кроме того, в указе о приостановке возможности въезда в США для граждан ряда стран от 27 января 2017 г. было сделано исключение для лиц, имеющих визы по линии НАТО и ООН, а также для некоторых других категорий⁶³. Аналогичные исключения были сохранены в указе от 6 марта 2017 г., принятом в связи с приостановкой судом действия ряда положений январского указа⁶⁴. Очевидно, что при Д. Трампе

сохранится лидирующая роль США в Альянсе, и требование увеличения бюджетов на оборону партнерами совершенно не означает сокращения военных расходов США.

ЕС

Высказывания Д. Трампа о неэффективности «брюссельской бюрократии» и об использовании институтов ЕС в интересах Германии встретили эмоциональный отпор со стороны лидеров ЕС. Однако если оставить в стороне эмоции, основные проблемные моменты во взаимоотношениях между США и ЕС не должны стать препятствием к продолжению трансатлантического экономического и инвестиционного сотрудничества. Это следующие моменты:

- участие США в обеспечении коллективной безопасности в Европе, в том числе в рамках НАТО;
- поддержка США выхода Великобритании из ЕС и риторическая поддержка некоторых политических сил, настроенных за ослабление участия своих стран в интеграционных процессах в ЕС;

remarks-vice-president-munich-security-conference

⁵² Readout of the President's Call with Prime Minister Mariano Rajoy of Spain: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/07/readout-presidents-call-prime-minister-mariano-rajoy-spain>

⁵³ Readout of the President's Call with President Recep Tayyip Erdogan of Turkey: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/07/readout-presidents-call-president-recep-tayyip-erdo%C4%9Fan-turkey>

⁵⁴ Remarks by President Trump and Prime Minister Trudeau of Canada in Joint Press Conference: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/13/remarks-president-trump-and-prime-minister-trudeau-canada-joint-press>

⁵⁵ Readout of the President's Call with Chancellor Angela Merkel of Germany: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/01/28/readout-presidents-call-chancellor-angela-merkel-germany>

⁵⁶ Readout of the Vice President's Meeting with the Presidents of Lithuania, Latvia, and Estonia: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/18/readout-vice-presidents-meeting-presidents-lithuania-latvia-and-estonia>

⁵⁷ Readout of the Vice President's Meeting with Belgian Prime Minister Charles Michel: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/19/readout-vice-presidents-meeting-belgian-prime-minister-charles-michel>

⁵⁸ Readout of the President's Call with French President Francois Hollande: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/01/28/readout-presidents-call-french-president-francois-hollande>

⁵⁹ Readout of the President's Call with Prime Minister Paolo Gentiloni of Italy: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/04/readout-presidents-call-prime-minister-paolo-gentiloni-italy>

⁶⁰ Readout of the President's Call with NATO Secretary General Jens Stoltenberg: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/05/readout-presidents-call-nato-secretary-general-jens-stoltenberg>

⁶¹ PM press conference with US President Trump: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-press-conference-with-us-president-donald-trump-27-january-2017>

⁶² Readout of the President's Call with NATO Secretary General Jens Stoltenberg: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/05/readout-presidents-call-nato-secretary-general-jens-stoltenberg>

⁶³ Executive Order Protecting The Nation From Foreign Terrorist Entry Into The United States: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/01/27/executive-order-protecting-nation-foreign-terrorist-entry-united-states>

⁶⁴ Там же.

- переговоры по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (ТТИП).

Вице-президент США в своем выступлении на Мюнхенской конференции по безопасности и на встрече с председателем Европейского совета подтвердил приверженность США сотрудничеству и партнерству с ЕС. Он призвал к единству США и ЕС в наращивании экономического роста, защите безопасности и стабильности Европы и в совместной борьбе с радикальным исламским терроризмом. Для этого США предложили усилить координацию и обмен разведывательными данными между странами ЕС и между ЕС и НАТО. М. Пенс подчеркнул готовность США действовать в соответствии со статьей 5 Устава НАТО и продолжить поддержку Польши и стран Балтии через Инициативу усиленного опережающего присутствия НАТО (Enhanced Forward Presence Initiative)⁶⁵.

На переговорах с премьер-министром Великобритании президент Трамп поддержал выход этой страны из ЕС, в том числе подчеркнув, что это позволит Соединенному Королевству самостоятельно заключать соглашения о свободной торговле с другими государствами. Он указал на то, что необходимость получения одобрения от коллективных органов ЕС негативно сказывается на заключении экономических сделок и ведении бизнеса, сославшись на личный опыт⁶⁶.

В силу обозначенного новой администрацией США подхода на преобладание двусторонних торговых соглашений над многосто-

ронными продолжение переговоров по ключевому для развития экономических отношений ЕС и США Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству находится в состоянии неопределенности. С июля 2013 по октябрь 2016 гг. было проведено 15 раундов соответствующих переговоров⁶⁷. Ряд экспертов считают ТТИП обреченным на провал из-за позиции США и непопулярности соглашения в ряде стран ЕС⁶⁸. В докладе о повестке торговой политики администрации США на 2017 г. подчеркивается важность торговых и инвестиционных отношений с Европейским союзом, которые названы «наиболее крупными и комплексными в мире». В нем указывается, что в рамках переговоров по ТТИП по итогам 2016 г. остались расхождения по нескольким критическим сферам и что «Администрация Трампа в настоящее время анализирует статус данных переговоров»⁶⁹. Таким образом, перспективы заключения ТТИП достаточно неопределенны.

Политика новой администрации США по чувствительным для Европы вопросам может усугубить расхождение во взглядах между европейскими странами и негативно повлиять на единство ЕС. В этой связи, очевидно, было бы правильным со стороны ЕС не тратить время на ТТИП, укреплять внутрисюзное сотрудничество и способность выступать консолидированно по вопросам внешней политики, отказаться от стереотипов и быть готовыми к инновационному подходу, в том числе в поиске разрешения конфликтов в Европе.

⁶⁵ Remarks by the Vice President and European Council President Tusk: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/20/remarks-vice-president-and-european-council-president-tusk>

⁶⁶ PM press conference with US President Trump: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-press-conference-with-us-president-donald-trump-27-january-2017>

⁶⁷ U.S.-EU Joint Report on T-TIP Progress to Date: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2017/january/us-eu-joint-report-t-tip-progress-0>

⁶⁸ America's International Role Under Donald Trump: <https://www.chathamhouse.org/publication/americas-international-role-under-donald-trump>

⁶⁹ The Office of the United States Trade Representative releases President Trump's 2017 Trade Policy Agenda: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2017/march/annualreport17>;

America's International Role Under Donald Trump: <https://www.chathamhouse.org/publication/americas-international-role-under-donald-trump>

Заключение

Мы пока не можем прогнозировать, какой будет внешняя политика Д. Трампа. Возможно, защита либерального мирового порядка не является приоритетом для 45-го прези-

дента США, однако с уверенностью можно говорить о том, что возвращение к меркантилизму не означает отказа США от работы с многосторонними мировыми институтами. ■

Промышленность

РОССИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В 2015–2016 гг.: А БЫЛ ЛИ КРИЗИС?*

Сергей ЦУХЛО

Заведующий лабораторией конъюнктурных опросов Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, канд. экон. наук. E-mail: tsukhlo@iep.ru

Мониторинг представительного набора показателей конъюнктурных опросов, проводимых Институтом экономической политики им. Е.Т. Гайдара, позволяет выявить особенности протекания кризиса 2015–2016 гг. в российской промышленности. Во-первых, в течение двух кризисных лет динамика основных показателей (спрос, выпуск, цены) отличалась нехарактерной для прошлых кризисов и неожиданной для наблюдателей вялостью. Во-вторых, психологическая подготовка к кризису 2015 г. началась еще несколько лет назад, когда в оборот был введен тезис о «второй волне кризиса». Эти обстоятельства сформировали третью особенность 2015 г. – российские промышленные предприятия относительно безболезненно пережили этот кризис. В-четвертых, единственными проявлениями кризиса 2015–2016 гг. для российской промышленности стали взлет процентной ставки по банковским кредитам и обвал инвестиционных планов.

Ключевые слова: российская промышленность, спрос, выпуск, занятость, запасы готовой продукции, кредитование.

Необычность динамики российской промышленности в кризисные 2015–2016 гг., в сочетании с неоднозначной оценкой официальных данных Росстата, позволяет иначе взглянуть на результаты опросной статистики Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара. Важной особенностью этих опросов является развитый блок статистики мнений о том, как руководители предприятий оценивают важнейшие показатели их деятельности. Именно этот блок позволяет понять особенности прохождения российской промышленностью периода 2015–2016 гг.

Агрегатные (интегральные) оценки состояния российской промышленности

Первое, и общее, представление о ситуации в промышленности дают агрегатные индикаторы, построенные на основе уникального для российской опросной статистики набора ис-

ходных показателей. Индекс промышленного оптимизма является традиционным производным показателем для конъюнктурных опросов, индекс адаптации (нормальности) промышленности – новая разработка Института, позволившая наглядно продемонстрировать особенности 2015–2016 гг.

Индекс промышленного оптимизма показал, что первые оценки положения дел в российской промышленности в 2015 г. были совсем не кризисными: индекс остался в положительной зоне и даже улучшил свое значение по сравнению с ноябрем–декабром предыдущего года. Последовавшие затем колебания показателя произошли под влиянием панических настроений чиновников и аналитиков, публично пригрозившихся к кризису по образцу 2008–2009 гг. Однако падение настроений предприятий оказалось небольшим, вполне сопоставимым со значениями индекса в межкризисные годы, и было быстро пре-

* – Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» № 6 (44) (апрель 2017 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

одолено. В результате сводный показатель хотя и находился в отрицательной зоне, но так и не достиг даже своих худших межкризисных значений. (См. рис. 1.) В августе 2015 г. он вышел на локальный (2015 г.) максимум под влиянием заявлений о скором «отскоке от дна кризиса». Но так и не наступивший «отскок» привел к достижению индексом в феврале 2016 г. своего локального (кризисного) минимума.

С начала второго квартала 2016 г. опросы показывали улучшение положения в российской промышленности: индекс оптимизма с небольшими остановками достиг в ноябре 2016 г. пятилетнего (!) максимума – кризис 2015–2016 гг., похоже, завершился. При этом крайне незначительное падение индекса в эти годы по сравнению с результатами сентября 1998 г. и декабря 2008 г. ставит под сомнение определение периода 2015–2016 гг. как кризисного для российской промышленности. Это мнение полностью подтверждается динамикой другого сводного показателя на основе опросов, проводимых Институтом экономической политики им. Е.Т. Гайдара, – **индекса адаптации (нормальности) промышленности**.

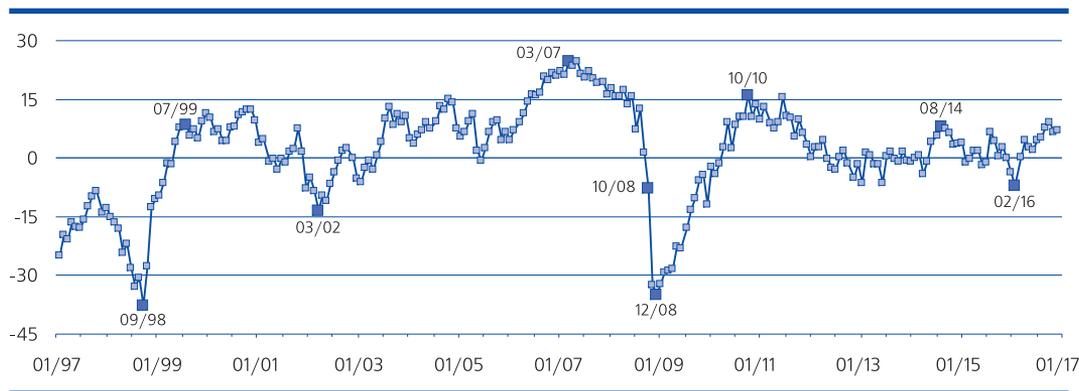
Индекс адаптации (т.е. оценка ситуации как нормальной и отклонение от нее) позволяет существенно расширить понимание

кризиса 2015–2016 гг. в российской промышленности.

Во-первых, ничего кризисно аномального в отечественной промышленности ни в 2015-м, ни в 2016 г., по оценкам предприятий, не произошло: индекс уверенно сохранял высокие значения. Даже эмоционально самый тяжелый первый квартал 2015 г. промышленность оценивала совсем не так панически, как чиновники и наблюдатели. Из чего следует вывод: промышленность давно и уверенно адаптировалась к фактической динамике последних лет. Более того, индекс адаптации показывает, что российские предприятия с конца 2010 г. сохраняли высокую степень адаптации к складывавшимся в каждый квартал этого периода экономическим условиям: в 2011–2015 гг. индекс находился в интервале 68–72%; его максимальное снижение в указанный период составляло 2 пункта, а худшие значения (68%) были получены не в кризисном 2015-м, а в конце 2013 – начале 2014 гг. (См. рис. 2.)

Во-вторых, в конце кризисного 2016 г. индекс адаптации достиг абсолютного максимума за весь период его расчета (1994–2016 гг.) – 75%. Что означает: предприятия в полном смысле этого слова адаптировались к реалиям российской экономики и экономической политики.

Рис. 1. Индекс промышленного оптимизма в 1997–2017 гг., в %

Динамика важнейших показателей

Рассмотрим динамику оценок отдельных показателей российской промышленности за два кризисных года.

Первые данные о состоянии промышленных предприятий в начале 2015 г. содержали немного признаков кризиса: фактическая динамика спроса и выпуска, оценки запасов готовой продукции, планы найма рабочих были обычными для января и выглядели даже позитивно на фоне предкризисных настроений. Впрочем, прогнозы спроса, планы выпуска и инвестиционные намерения не смогли выйти на уровень традиционного для начала года оптимизма. Однако по итогам первого квартала 2015 г. промышленности удалось удержаться от кризисного спада производства.

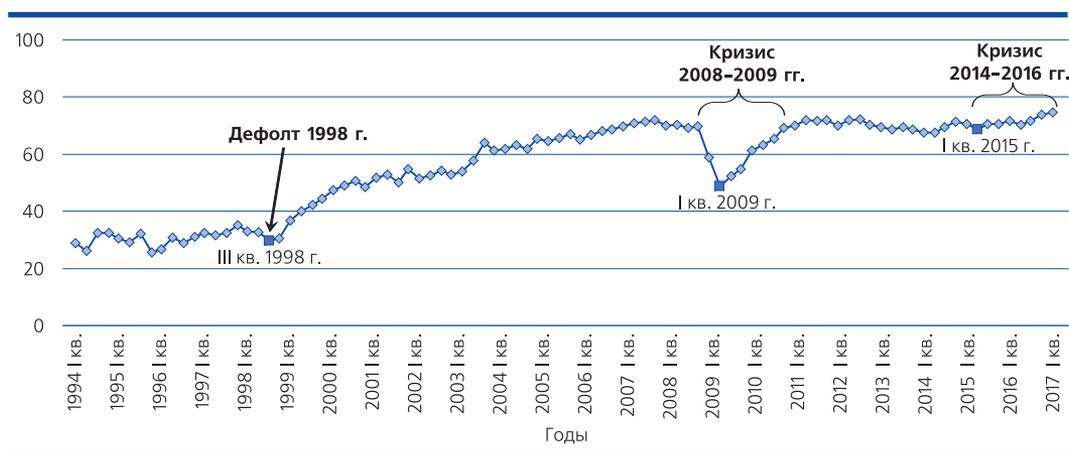
На фоне увольнений в других секторах экономики и при торможении роста заработных плат промышленность в целом получила больше возможностей для решения своих кадровых проблем: как показывали опросы, даже в начале первого квартала 2015 г. (когда кризисные настроения достигли максимума) 1/4 промышленных предприятий испытывали недостаток кадров для обеспечения текущего выпуска, а 15% ожидали его сохранения в крат-

косрочной перспективе с учетом прогнозируемых изменений спроса. В такой ситуации достижение в марте 2015 г. положительной динамики занятости (т.е. превышения доли сообщений о найме над долей сообщений об увольнениях) выглядело вполне логично, но нестандартно для кризиса.

В 2015–2016 гг. с точки зрения **занятости** промышленные предприятия, во-первых, избежали кризисного взлета избыточной занятости, как это было в преддефолтные годы и в кризис 2008–2009 гг. Во-вторых, промышленность с трудом сводила в эти годы баланс оценок имеющегося количества своих работников с небольшим дефицитом, т.е. у промышленников было больше ответов «недостаточно», чем ответов «более чем достаточно». В-третьих, масштабы недостатка работников для обеспечения текущего объема производства значительно превышали масштабы недостатка других ресурсов (мощностей, сырья, кредитов). В-четвертых, в кризисном 2016 г. промышленности удалось добиться исторического максимума в нормальной (достаточной) обеспеченности кадрами: показатель поднялся до 78%.

Оценки предприятиями **производственных мощностей** в 2015–2016 гг. также содер-

Рис. 2. Индекс адаптации (нормальности) промышленности (доля предприятий, оценивающих свои показатели как «нормальные») в 1994–2017 гг., в %

жали мало признаков кризиса. Во-первых, промышленность, как и в случае с численностью работников, не предприняла кризисного пересмотра оценок установленных мощностей в сторону их избыточности — этот показатель остался на уровне 2012–2014 гг. и составлял 24%, т.е. примерно 1/4 российской промышленности в 2012–2016 гг. считали свои мощности избыточными в связи с ожидаемыми изменениями спроса. Во-вторых, баланс оценок мощностей был в 2012–2016 гг. тоже стабилен, но сводился промышленностью со значительным профицитом (в отличие от баланса оценок количества работников). Иными словами, в промышленности было гораздо больше предприятий с избыточными мощностями, чем с их недостатком.

Оценка мощностей формировалась, в том числе, под влиянием достаточно высокой и стабильной **загрузки производственных мощностей**. По данным опросов Института, среднегодовая загрузка мощностей в кризис не изменилась по сравнению с предкризисными годами и составляла 66% в 2015 г. и 67% в 2016 г. Но при этом российская промышленность способна сейчас поднять загрузку имеющихся производственных мощностей до 82%, используя оборудование в нормальном режиме, без инвестиций и выпуская конкурентоспособную продукцию.

Оценки запасов готовой продукции также не показали признаков кризиса сбыта в 2015–2016 гг. — промышленность как никогда успешно контролировала их объемы. В первом квартале 2015 г. (т.е. в самом начале кризиса) доля «нормальных» оценок запасов осталась на уровне исторического максимума (70%, достигнутого в 2014 г.); среднеквартальный баланс остальных оценок оказался нулевым. Иными словами, никогда ранее, т.е. в период с 1992 до 2014 гг., в российской промышленности не фиксировалось таких хороших (и, главное, совсем не кризисных) запасов готовой продукции.

Аналогичная некризисная картина наблюдается и при оценках предприятиями **запа-**

сов сырья и материалов. Начало кризиса 2015–2016 гг. не вызвало никакого изменения в динамике этого показателя, а в третьем квартале 2016 г. доля его «нормальных» оценок достигла исторического максимума в 80%. Российская промышленность как никогда хорошо была обеспечена сырьем, материалами, комплектующими для поддержания текущего выпуска — и даже для его возможных изменений. «Недостаток сырья и материалов» был поставлен в 2016 г. российской промышленностью на 12–13-е места в рейтинге 17 ограничений промышленного роста (по версии предприятий).

Первое же место в рейтинге ограничений промышленного роста традиционно занял «недостаточный спрос». Однако частота его упоминаний (в качестве фактора, негативного влияющего на выпуск) в 2015–2016 гг. оказалась ниже, чем во внекризисные 2012–2014 гг., и существенно ниже, чем в кризисные для российской промышленности 1994–1998 гг. и 2009 г. Прямые **оценки объемов спроса** по шкале «выше нормы», «нормальные», «ниже нормы» показывают, что большинство (хотя и минимальное) предприятий было удовлетворено объемами спроса на свою продукцию в течение двух «кризисных» лет.

Что было по-настоящему кризисным для промышленности

Тем не менее кризис 2015–2016 гг. все-таки создал проблемы для российской промышленности. Правда, лишь в двух сферах, причем не в самых важных для большинства предприятий в условиях кризиса.

Оценки предприятий показали резкий (и именно кризисный) рост **недоступности кредитов**: с сентября 2014 г. по февраль 2015 г. этот показатель взлетел на 30 пунктов и достиг кризисного максимума в 45% — столько предприятий считали, что кредиты в начале 2015 г. были им недоступны. Однако этот максимум значительно (на 20 пунктов) уступает максимуму предыдущего кризиса, когда кредиты стали недоступными для 65% предприятий.

Таким образом, кризис кредитования в 2015–2016 гг. оказался мягче аналогичного кризиса в 2008–2009 гг. В начале 2017 г. недоступность кредитов и, соответственно, их доступность вернулись на докризисный уровень.

При этом недостаток кредитов даже на пике кризиса 2015–2016 гг. оказался далеко не самой болезненной проблемой для российской промышленности. По оценке предприятий, этот фактор сдерживал рост выпуска максимум у 10% предприятий и поднимался лишь до 12-го места в рейтинге 17 ограничений промышленного роста. Слабый рубль был гораздо более распространенной помехой росту выпуска в ходе рассматриваемого кризиса – на него указывали до 36% предприятий, что, по версии последних, выводило его на 3-е место в том же рейтинге препятствий.

Кризисный спад был зарегистрирован опросами и в **инвестиционных планах** пред-

приятий. Применительно к этому показателю слово «кризис» может использоваться без кавычек и оговорок, поскольку падение инвестиционных планов промышленности достигло 43 пунктов (баланс рухнул до -36 пунктов).

Но начался этот кризис, как показывает наш мониторинг, после вступления России в августе 2014 г. в «войну санкций». В следующие шесть месяцев инвестиционные планы российской промышленности устойчиво сокращались, достигнув к февралю 2015 г. кризисного минимума. Для его преодоления предприятиям потребовалось почти два года. Хотя уже в марте 2016 г. промышленность была близка к достижению положительного баланса в своих инвестиционных намерениях, но признание властями затяжного характера кризиса, видимо, заставило их скорректировать свои планы. И только в начале 2017 г. баланс определенно вышел «в плюс». ■

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБОЗРЕНИЕ¹**Сергей АУКУЦИОНЕК**

Руководитель Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, канд. экон. наук. E-mail: reb@imemo.ru

Андрей ЕГОРОВ

Научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, канд. экон. наук. E-mail: andrese@mail.ru

Инесса БАШИРОВА

Старший научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. E-mail: bachirova@imemo.ru

Татьяна СЕРЖАНТОВА

Старший научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. E-mail: serzhantova@imemo.ru

Наиболее заметные изменения в январе 2017 г. произошли в области взаимодействия с банковской сферой: доля предприятий, у которых нет и не ожидается в ближайшие три месяца задолженности банкам, составила 63% — рост на 16 пунктов за месяц и рекорд за всю 25-летнюю историю наблюдений за динамикой данного показателя. Доля предприятий, не собирающихся брать новые ссуды у банков в ближайшие три месяца, увеличилась по сравнению с предыдущим месяцем на 14 п.п. и составила 65% — такие значения в последний раз фиксировались в 1998–1999 г. Заметно снизился диффузный индекс ожидаемой через три месяца задолженности банкам (-13 п.п.).

Ключевые слова: промышленность, промышленные предприятия, уровень цен, заработная плата, занятость, производство, инвестиции, банковская задолженность, объем заказов, объем запасов готовой продукции, загрузка производственных мощностей, финансовое положение, банкротство, экономическая политики, продолжительность кризиса.

**Промышленные предприятия
(январь-апрель 2017 г.)****ЯНВАРЬ 2017 г.****Цены**

Падение цен на свою продукцию отметили 7% предприятий, о неизменности сообщили 55%, а о повышении — 39%.

Цены на приобретаемую продукцию росли у 58%, не менялись — у 40% и у 2% — снижались.

Соотношение цен и издержек

Неблагоприятный для своих предприятий сдвиг ценовых пропорций отметили около 30% респондентов, благоприятный — 2%. По мнению остальных 67%, соотношение «своих» и «чужих» цен практически не изменилось.

Чаще всего на неблагоприятный сдвиг ценовых пропорций указывали представители лесопромышленного комплекса (67%), химической промышленности и металлургии (по 50%).

Заработная плата

О ее повышении сообщили 11% предприятий, о сохранении на прежнем уровне — около 57%, о снижении — 32%.

В среднем по всем предприятиям выборки заработная плата за месяц сохранилась на прежнем уровне (в предыдущем месяце увеличилась на 1%). Для промышленных предприятий-респондентов ее средний уровень составил 24 000 руб., а для сельскохозяйственных — 17 300 руб.

Средние доходы высшего управленческого персонала предприятий составили в про-

¹ Материал подготовлен сотрудниками Центра по изучению переходной экономики Института мировой экономики и международных отношений РАН специально для журнала «Экономическое развитие России» по результатам опроса 200 предприятий всех отраслей и регионов РФ.

мышленности 45 600 руб., а в сельском хозяйстве – около 24 300 руб.

Занятость и производство

Около 69% респондентов сообщили о сохранении прежней занятости на своих предприятиях, 24% отметили ее сокращение и 7% – увеличение.

Об увеличении объемов производства по сравнению с предыдущим месяцем сообщили 12% руководителей, 28% отметили сохранение прежних объемов выпуска и еще 60% – уменьшение.

Инвестиции

Никто из респондентов не отметил рост закупок оборудования, 39% указали на неизменность данного показателя и 11% – на его сокращение. Остальные 50% предприятий не закупили оборудование в течение двух и более месяцев подряд (в декабре 2016 г. – тоже 50%).

Задолженность банкам

Задолженность банкам (у имеющих ее предприятий) составила 69% от уровня, который

респонденты считают нормальным для этого месяца (месяц назад – 87%).

Портфель заказов

Портфель заказов у 58% предприятий остался неизменным, у 4% он пополнился и у 38% – «похудел». Рост заказов чаще всего отмечали в легкой промышленности (40%). Наибольшая доля предприятий с падающим объемом заказов отмечена среди производителей строительных материалов и в химической промышленности (по 100%).

В среднем по выборке объем заказов составил 84% от нормального месячного уровня (в декабре – 82%). Самый высокий уровень заказов в январе 2017 г. держался в лесопромышленном комплексе и в пищевой отрасли (по 93%), а также в металлургии (92%), а самым низким он был у производителей строительных материалов (53%).

Запасы готовой продукции

Около 18% респондентов сообщили об увеличении таких запасов, 8% отметили их уменьшение и 75% не заметили перемен.

Таблица 1

Отраслевые показатели за январь 2017 г., в % (нормальный месячный уровень=100%)

	Загрузка производственных мощностей	Загрузка рабочей силы	Запасы готовой продукции	Заказы	Задолженность банкам	Финансовое положение*
Черная и цветная металлургия	90	93	92	92	-	66
Машиностроение и металлообработка	76	85	75	86	47	89
Химическая и нефтехимическая промышленность	83	98	100	78	135	50
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	95	98	97	93	-	100
Промышленность стройматериалов	55	70	70	53	110	0
Легкая промышленность	77	91	100	86		60
Пищевая промышленность	78	88	73	93	81	100
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	77	87	83	84	69	76
АГРОСЕКТОР	73	79	63	63	89	67

* – Доля предприятий с «хорошим» или «нормальным» финансовым положением, %.

Источник: опросы РЭБ.

В среднем по выборке запасы готовой продукции составили 83% от нормального для этого месяца уровня (месяц назад – 85%). Самыми большими (в относительном выражении) были запасы в химической и легкой промышленности (по 100%), а также на предприятиях лесопромышленного комплекса (97%). А самыми незначительными – в пищевой отрасли (73%) и в машиностроении (75%).

Загрузка производственных мощностей

В среднем она составила 77% от нормального уровня (в предыдущем опросе – 80%). Около 9% промышленных предприятий работали менее чем на 1/2 своей мощности, и 33% – более чем на 9/10.

Лидируют по загрузке мощностей предприятия лесопромышленного комплекса (95%), металлургии (90%) и химической отрасли (83%), а самой низкой она была у производителей строительных материалов (55%).

Загрузка рабочей силы

Она составила 87% от нормального уровня (в предыдущем месяце – 86%). У 4% предприятий рабочая сила была занята менее чем на 1/2, а у 60% ее загрузка составила более 9/10.

Финансовое положение

Около 16% респондентов оценили финансовое положение своего предприятия как «хорошее», 60% посчитали его «нормальным» и 24% оценили его как «плохое». (См. табл. 1.)

Угроза банкротства

В ближайшие один-два года она представляется реальной руководителям 5% предприятий, нереальной ее считают 57%, остальные затруднились с оценкой.

Экономическая политика

Экономическую политику правительства последних трех-четырёх месяцев понимали 41% руководителей промышленных предприятий,

а соглашались с ней – 28%. Не понимающих и не согласных было 22 и 19% соответственно. Остальные затруднились с оценкой. Около 77% опрошенных видят главную задачу правительства в стимулировании производства, а 9% – в замедлении инфляции.

Продолжительность кризиса

Среди руководителей обследованных предприятий около 4% считают, что идет экономический рост. По мнению остальных респондентов, кризис будет продолжаться еще около 6,5 года. Это на 0,7 года больше показателя квартальной давности (5,8 года).

ПРОГНОЗЫ НА АПРЕЛЬ 2017 г.

Цены

Подорожание своей продукции к апрелю 2017 г. (по сравнению с январем 2017 г.) предсказывают 47% респондентов, 49% не ждут изменений, а у 4% цены снизятся.

Соответствующие оценки для приобретаемых товаров: 73, 22 и 4%.

Средний по выборке ожидаемый к апрелю 2017 г. прирост цен составит 2%, в том числе 1% для производимой и 3% для покупаемой продукции.

Больше всего неблагоприятных ценовых сдвигов опасаются представители лесопромышленного комплекса: оценки трехмесячного роста «входящих» цен здесь примерно на 5 п.п. превышают оценки роста «выходящих» цен. Для остальных отраслей этот разрыв ожидается в промежутке от 0 до 3 пунктов. В то же время представители легкой промышленности ожидают незначительного положительного ценового сдвига.

Заработная плата

Ее повышения ожидают 38%, понижения – 11% и сохранения на прежнем уровне – около 51% предприятий, охваченных опросом.

Общий трехмесячный прогноз по выборке: заработная плата возрастет на 1%.

Занятость и производство

Сокращения занятости на своих предприятиях ожидают 27% участников опроса, у 56% она не изменится и у оставшихся 18% – возрастет.

Падение производства на своих предприятиях предполагают 35% респондентов, рост – 53%, остальные 12% не предвидят особых изменений.

Портфель заказов

Ожидается, что он пополнится примерно у 40%, не изменится – у 49% и «похудеет» – у 12% предприятий. Чаще всего роста заказов ожидали представители химической (100%) и легкой (80%) промышленности.

Инвестиции

По сообщению 55% респондентов, оборудование на их предприятиях не закупалось и в

ближайшие три месяца закупаться не будет. По остальной части выборки закупки увеличатся на 3%.

Задолженность банкам

Ожидается, что через три месяца задолженность возрастет у 7% предприятий, не изменится – у 19% и у 12% – уменьшится. Остальные – 63% производителей – не пользуются банковским кредитом. Средняя ставка, по которой предвидится получение рублевых кредитов, – 11% годовых.

Финансовое положение

Через три месяца его улучшения ожидают 20% предприятий, 18% предполагают его ухудшение и примерно у 61% оно не изменится. (См. табл. 2.)

Таблица 2**Отраслевые прогнозы на апрель 2017 г., в % (январь 2017 г.=100%)**

	Цены «свои»	Цены «чужие»	Заработная плата	Занятость	Закупки оборудования	Банковский процент*	Финансовое положение**	Портфель заказов**
Черная и цветная металлургия	102	102	100	100	100	-	50	50
Машиностроение и металлообработка	101	103	101	100	103	12	50	67
Химическая и нефтехимическая промышленность	103	103	102	94	100	12	75	100
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	101	106	97	100	70	3	16	33
Промышленность стройматериалов	102	104	97	97	-	-	49	49
Легкая промышленность	103	102	99	98	105	8	60	80
Пищевая промышленность	100	103	103	101	114	11	50	57
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	101	105	101	99	103	11	51	65
АГРОСЕКТОР	-	-	-	-	108	8	54	44

* – Ожидаемый процент на привлекаемые банковские кредиты в годовом исчислении.

** – Диффузный индекс: доля предприятий (%), чей показатель к апрелю 2017 г. улучшится (увеличится).

Источник: опросы РЭБ.

Сектора обрабатывающей промышленности

(Производство потребительских товаров – сектор 1, производство инвестиционных товаров – сектор 2)

Цены

В январе 2017 г. по сравнению с предыдущим месяцем ухудшение соотношения «своих» и «чужих» цен отметили 33% производителей потребительских товаров и 26% – инвестиционных, а улучшение – 7% в первом секторе и никто не отметил во втором. Предполагается, что к апрелю 2017 г. цены вырастут на 1% в секторе потребительских товаров и на 1% – в секторе инвестиционных. Цены на покупаемую продукцию, по прогнозам руководителей предприятий, возрастут на 2% в первом и на 3% – во втором секторе.

Загрузка производственных мощностей

В январе она составила 78% в потребительском и 76% – в инвестиционном секторе.

Портфель заказов

Этот показатель составил 87% от нормального месячного уровня в первом и 86% – во втором секторе.

Роста заказов через три месяца ожидают 40% предприятий потребительского и 39% инвестиционного сектора, а уменьшения – 20% в первом и 6% во втором секторе.

Финансовое положение

Как «плохое» в январе его оценили 19% производителей потребительского и 16% инвестиционного сектора, как «нормальное» – 50 и 79% предприятий соответственно. В потребительском секторе 31% руководителей считают финансовое состояние своего предприятия «хорошим», а в инвестиционном секторе таких предприятий оказалось около 5%.

К апрелю улучшения своего финансового состояния ожидают 20% производителей потребительского сектора и 21% предприятий ин-

вестиционного. Опасаются ухудшения ситуации 13% в первом секторе и 21% – во втором.

Сравнение января 2017 г. с январем 2016 г.

Соотношение цен и издержек

Улучшился баланс оценок динамики входящих и выходящих цен: неблагоприятный для своих предприятий сдвиг ценовых пропорций год назад отметили 40% респондентов, а благоприятный не отметил никто; в январе 2017 г. таковых было 30 и 2% соответственно.

Заработная плата

Год назад о ее повышении сообщали 11%, о снижении – 40% предприятий; ныне – 11 и 32% соответственно.

Занятость и производство

Пропорция между предприятиями, где численность персонала сократилась и увеличилась, в 2016 г. составила 28:6, а в 2017 г. – 24:7.

Аналогичные соотношения по выпуску составили: в 2016 г. – 67:11, а в 2017 г. – 60:12.

Инвестиции

Увеличилась доля предприятий, не покупающих оборудование в течение двух и более месяцев подряд: с 46% в январе 2016 г. до 50% ныне.

Кредит

Относительная задолженность банкам предприятий-должников за год уменьшилась на 2 п.п.: с 71% (от нормального месячного уровня) в январе 2016 г. до 69% в январе 2017 г. При этом доля предприятий, регулярно пользующихся банковским кредитом, за это время сократилась на 29 (!) пунктов: с 66% в 2016 г. до 37% ныне.

Портфель заказов

Почти не изменился баланс предприятий по динамике портфеля заказов: год назад про-

Диффузные индексы, в %

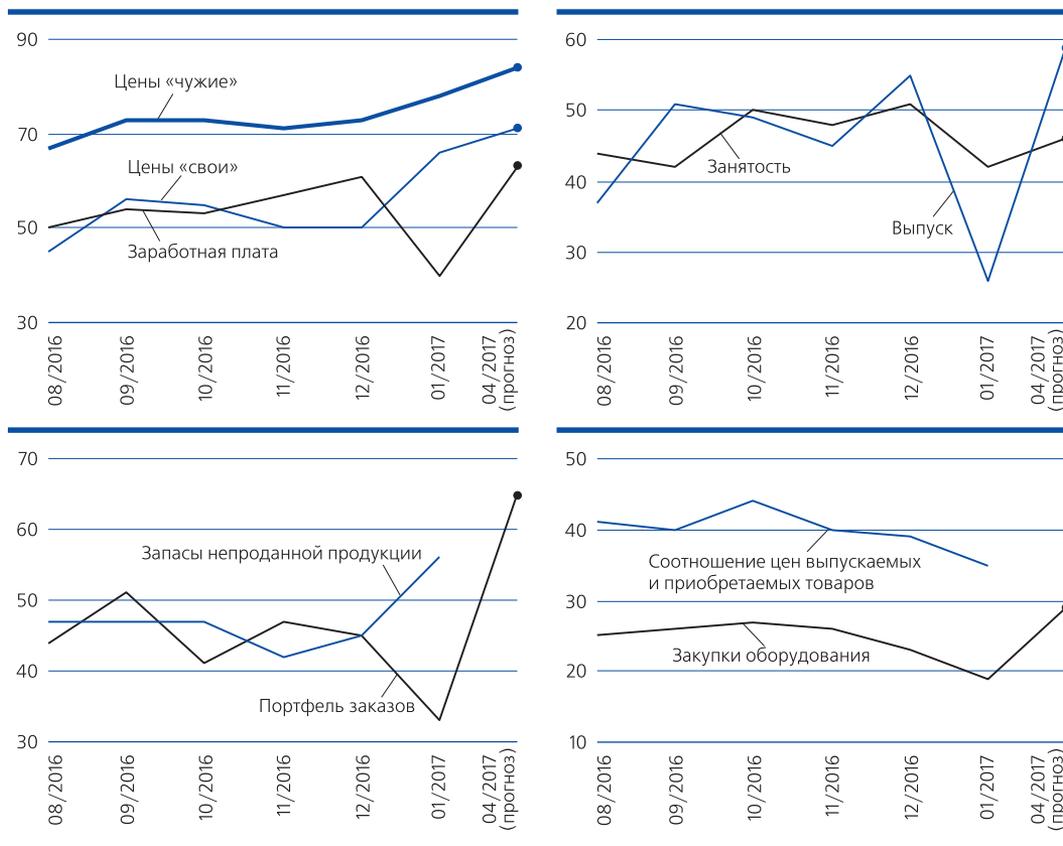

Таблица 3
Диффузные индексы: предприятия с растущими показателями
(по сравнению с предыдущим месяцем), в %*

	08/16	09/16	10/16	11/16	12/16	01/17	04/07 (прогноз)**
1. Цены «свои»	45	56	55	50	50	66	71
2. Цены «чужие»	67	73	73	71	73	78	84
4. Зарботная плата	50	54	53	57	61	40	63
5. Занятость	44	42	50	48	51	42	46
6. Выпуск	37	51	49	45	55	26	59
7. Портфель заказов	44	51	41	47	45	33	65
8. Запасы непроданной продукции	47	47	47	42	45	56	-
10. Соотношение цен выпускаемых и приобретаемых товаров	41	40	44	40	39	35	-
14. Закупки оборудования	25	26	27	26	23	19	29

* – Диффузный индекс (D) определяется по формуле $D = (A + 0.5 \cdot B) \cdot 100\% / N$, где A – число предприятий, сообщивших об увеличении (для серий 10 и 11 – об улучшении) показателя; B – число предприятий, у которых он остался примерно на том же уровне (мало изменился); N – общее число ответивших.

** – Апрель 2017 г. по сравнению с январем 2017 г.

порция между числом предприятий с пополненным портфелем и «похудевшим» составляла 11:44, а ныне – 4:38. Его относительная наполненность за это время увеличилась на 8 п.п.: с 76% в 2016 г. до 84% в 2017 г. (считая от нормального месячного уровня, соответствующего 100%).

Запасы готовой продукции

В худшую сторону изменилось соотношение числа предприятий, где происходило накопление и сокращение таких запасов: в январе 2016 г. оно равнялось 15:17, а в январе 2017 г. – 18:8. При этом относительный объем запасов за год не изменился: 83% в 2016 г. и 83% в 2017 г.

Загрузка производственных мощностей

По сравнению с прошлым годом она заметно увеличилась: с 67% (относительно нормального месячного уровня) в январе 2016 г. до 77% в январе 2017 г. При этом число предприятий, работающих менее чем на 1/2 своей мощности, сократилось на 21 п.п.: с 30% в 2016 г.

до 9% в 2017 г.; а доля предприятий, загруженных более чем на 9/10 своих мощностей, за год увеличилась на 10 п.п.: с 23% в 2016 г. до 33% в 2017 г.

Загрузка рабочей силы

За год она увеличилась: с 80% (от нормального уровня) в январе 2016 г. до 87% в январе 2017 г. В 2016 г. у 18% предприятий выборки рабочая сила была занята менее чем на 1/2; ныне таких предприятий оказалось 4%.

Финансовое положение

Увеличилось число финансово благополучных предприятий: с 70% в 2016 г. до 76% в 2017 г.

Трехмесячные прогнозы

Ожидаемый ежемесячный темп прироста цен уменьшился: с +1,2% в январе 2016 г. до +0,7% в январе 2017 г.

Улучшились прогнозы, связанные с объемом портфеля заказов: год назад его пополнения ожидали 35% и 14% предполагали его сокращение; ныне – соответственно 40 и 12%.

Таблица 4
Изменение трехмесячных прогнозов за 12 месяцев, в %*

	Цены «свои»	Цены «чужие»	Заработная плата	Занятость	Закупки оборудования**	Банковский процент***
Черная и цветная металлургия	2	-2	2	6	0	-
Машиностроение и металлообработка	-2	-2	0	1	5	-2
Химическая и нефтехимическая промышленность	-3	-2	1	-5	0	-5
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	2	0	-3	1	-30	-6
Промышленность стройматериалов	5	2	1	-1	-	-
Легкая промышленность	2	-4	-1	0	-5	-9
Пищевая промышленность	-4	-2	0	1	-12	0
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	-1	0	1	1	-3	-3
АГРОСЕКТОР	-	-	-	-	-8	-7

* – Приведены разности между оценками трехмесячных изменений, предсказанных респондентами в январе 2017 г. и в январе 2016 г.

** – Реальный объем закупок оборудования.

*** – Ожидаемый процент на привлекаемые банковские кредиты в годовом исчислении – изменения абсолютного уровня за 12 месяцев.

Источник: опросы РЭБ.

Показатели инвестиционной активности предприятий заметно понизились: год назад около 40% предприятий не закупали и не собирались (в течение трех месяцев) закупать оборудование; ныне их доля составила 55%.

Что касается банковской задолженности, то год назад 15% предприятий ожидали ее

роста и 17% — сокращения; в январе 2017 г. эти показатели составили 7 и 12% соответственно.

И наконец, прогнозы финансового состояния: год назад его улучшения в течение трех месяцев ожидали 23% и ухудшения — 18% предприятий; ныне эти показатели составили 20 и 18% соответственно. (См. табл. 4.) ■

Финансовый сектор

БАНКОВСКИЕ ПАССИВЫ РАСТУТ ЗА СЧЕТ ВКЛАДОВ НАСЕЛЕНИЯ*

Михаил ХРОМОВ

Заведующий лабораторией финансовых исследований Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. E-mail: khromov@ier.ru

Рост безналичных денежных средств обеспечивается главным образом за счет рублевых вкладов населения. Средства на счетах и депозитах юридических лиц растут более низкими темпами, соответствуя динамике их номинального оборота в организациях. При этом доля срочных депозитов в общем объеме средств организаций в банковской системе сокращается. Это может свидетельствовать о возобновлении интереса к инвестициям в реальное производство.

Ключевые слова: российская банковская система, вклады населения, расчетные счета и депозиты организаций, банковские пассивы.

За первые два месяца 2017 г. объем рублевых безналичных денежных средств (безналичный компонент денежного агрегата М2) практически не изменился¹ – на 1 марта 2017 г. он составил 100,4% от уровня, зафиксированного на начало года. Таким образом, впервые за несколько лет сезонное сжатие денежной мас-

сы, происходившее в начале года, было компенсировано уже по итогам второго его месяца. В период финансовой нестабильности 2014–2016 гг. за первые два месяца года сокращение объема безналичных рублевых денежных средств составляло от 1,2 до 2,8%. В эти годы к сезонному фактору добавлялся де-

Рис. 1. Темпы прироста безналичных денежных средств, в % к соответствующей дате предыдущего года

* – Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» № 6 (44) (апрель 2017 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

¹ Здесь и далее показатели денежных агрегатов на 1 марта 2017 г. приведены в соответствии с оценками Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара на основе банковской отчетности за февраль 2017 г.

вальвационный — ослабление рубля вело к уменьшению спроса на рублевые денежные остатки. Но и до 2014 г. динамика денежной массы в январе-феврале была, как правило, негативной — ее сезонное январское сокращение обычно компенсировалось к концу марта.

Рост безналичных рублевых счетов в первые месяцы текущего года (по сравнению с прошлогодними темпами) привел к ускорению их годовой динамики, а совокупный объем рублевых безналичных денежных средств по состоянию на 1 марта 2017 г. достиг 30,8 трлн. руб. Если по итогам 2016 г. он увеличился на 9,9%, то по состоянию на 1 марта 2017 г. его прирост (к той же дате предыдущего года) составил 13,4%. В целом же темпы изменения этого показателя остаются достаточно стабильными с начала 2016 г. По итогам 2015 г. прирост здесь достиг 14,3% и с этого момента находится в диапазоне 10–14%.

Среди основных компонентов безналичной рублевой денежной массы наибольший темп прироста по-прежнему демонстрируют средства населения: рублевые счета и депозиты физических лиц за период с начала года пополнились на 0,7%, тогда как средства организаций сократились на 0,1%. Годовой темп прироста средств физических лиц по итогам февраля 2017 г. достиг 16,2% по сравнению с

14,2% по итогам 2016 г. Динамика рублевых безналичных средств населения, как и динамика безналичных денежных средств в целом, восстановилась уже по итогам 2015 г., когда их объем увеличился на 19,4% после замедления темпов роста в 2014 г. В течение 2016 г. годовой темп роста этого показателя оставался на уровне 15–16%. Темп прироста рублевых средств организаций увеличился с 4,0% по итогам 2016 г. до 9,6% по итогам февраля текущего года. (См. рис. 1.)

Общий объем средств на банковских счетах физических и юридических лиц, включая счета и депозиты в иностранной валюте, увеличился за январь-февраль 2017 г. на 0,8% в рублевом выражении. При этом его инвалютный компонент продемонстрировал в начале года увеличение на 6,2% в долларовом выражении, или на 1,7% в рублевом. Этот рост был практически полностью обеспечен пополнением валютных счетов организаций на 11,1% в долларовом выражении, в то время как средства на валютных счетах и депозитах населения оставались стабильными (прирост за два первых месяца года на 0,4%).

Обратная картина наблюдалась с годовыми темпами роста этих показателей: объем валютных средств населения увеличился с 1 марта 2016 г. по 1 марта 2017 г. на 6,2% в долларо-

Рис. 2. Доля средств в иностранной валюте в общем объеме безналичных денежных средств физических и юридических лиц, в %

вом выражении, достигнув 91,4 млрд. долл., а объем валютных счетов юридических лиц, напротив, сократился на 6,0% — до 127,6 млрд. долл. Динамика рублевого эквивалента безналичных валютных средств за прошедший год оставалась негативной вследствие укрепления рубля по отношению к иностранным валютам. Это обусловило сокращение общего объема клиентских счетов за 12 месяцев, предшествующих 1 марта 2017 г., на 1,1% в рублевом выражении, а также уменьшение доли валютных средств в общем объеме банковских счетов и депозитов как физических, так и юридических лиц. Доля валютных счетов населения по состоянию на 1 марта 2017 г. снизилась до 22,3% с 29,1% годом ранее. А в общем объеме денежных средств юридических лиц доля иностранной валюты на 1 марта 2017 г. составила 37,4% по сравнению с 47,7% годом ранее. (См. рис. 2.)

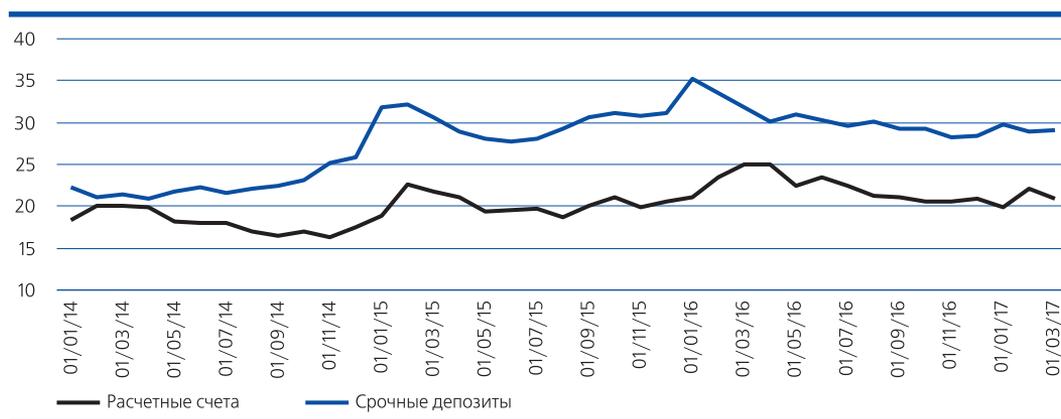
Значительные объемы средств, инвестированных организациями в банковские депозиты, свидетельствуют об отсутствии привлекательных направлений инвестирования в реальное производство. Однако позитивным сигналом здесь можно считать тот факт, что по итогам 2016 г. и первых месяцев 2017 г. рост срочных депозитов юридических лиц прекратился. (Максимальная доля срочных депозитов в об-

щем объеме средств организаций в банковской системе была зафиксирована по итогам 2014 г. (62,8%), за 2015 г. этот показатель практически не изменился (62,6%), а по итогам 2016 г. сократился до 60,0%.)

Объем средств, размещенных организациями на срочных депозитах, сокращается в соответствии с динамикой деловой активности в экономике: если по итогам 2015 г. величина срочных депозитов юридических лиц была эквивалентна 35 дням оборота организаций, то по итогам 2016 г. она снизилась до 30 дней, а на 1 марта 2017 г. составила 29 дней. Объем средств на расчетных счетах остается стабильным относительно размеров экономики, составляя 20–22 дня оборота организаций. (См. рис. 3.)

При этом и по текущим счетам, и по срочным депозитам организаций в 2016 — начале 2017 гг. наблюдался процесс дедолларизации. В целом на срочных депозитах юридических лиц в начале текущего года было размещено около 12 трлн. руб. Учитывая, что инвестиционная привлекательность банковских депозитов постепенно снижается вслед за укреплением рубля и снижением процентных ставок, эти средства в 2017 г. могут послужить значительным ресурсом для активизации инвестиций в основной капитал. ■

Рис. 3. Объем средств на банковских счетах и депозитах организаций в днях оборота организаций

ДИСБАЛАНСЫ РОССИЙСКОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ¹

Юрий ДАНИЛОВ

Ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук. E-mail: danilov-ya@ranepa.ru

В статье рассматриваются дисбалансы российской финансовой системы, ставшие следствием национальных особенностей процесса финансовализации. Выявлены три главных дисбаланса, показана определяющая роль избыточного развития банковского сектора (по отношению к небанковскому финансовому сектору). Проанализированы имеющиеся в иностранной литературе подходы к разрешению данных дисбалансов, предложен оригинальный подход, заключающийся в отказе от «репрессивных мер» в отношении банковского сектора, который заменен на альтернативное ему стимулирование опережающего развития небанковского финансового сектора.

Ключевые слова: финансовый рынок, финансовализация, банковский сектор, небанковский финансовый сектор, долгосрочные инвестиции, экономический рост, левверидж, долевое финансирование, долговое финансирование, дисбалансы финансового сектора.

Введение

Проблема дисбалансов в развитии отечественной финансовой системы остается в центре внимания российских экономистов, по крайней мере после кризиса 2007–2009 гг.². Настоящая работа отталкивается от сопоставления процессов финансовализации в России и в мире, отличия между которыми, на наш взгляд, в значительной мере предопределяют особенности и размер дисбалансов российской финансовой системы.

Состояние финансового сектора в глобальном масштабе в последние десятилетия характеризуется его опережающим развитием по сравнению с экономической динамикой в целом. Такое развитие является количественным выражением процесса финансовализации, т.е. повышения роли финансового сектора в социально-экономическом развитии.

Необходимо отметить, что количественные характеристики процесса финансовализации в России имеют определенные отличия от ана-

логичных характеристик глобальной финансовализации. Детально эти отличия были проанализированы нами в недавно опубликованной работе³. Кратко повторим основные выводы данного исследования.

С одной стороны, Россия значительно отличается от других стран с точки зрения поведения интегрирующих количественных параметров процесса финансовализации. Основные отличия здесь следующие:

- в России наблюдались более высокие (чем в среднем в мире) темпы роста обобщающих коэффициентов финансовализации до кризиса 2008 г. и более высокие темпы их снижения после этого кризиса (т.е. российский финансовый сектор обладает более высокой волатильностью, что предполагает и более значительный потенциал системных рисков);
- вследствие этого в России сектор небанковских финансовых организаций впал в депрессивное состояние, которое особен-

¹ Статья написана по основе научно-исследовательской работы «Анализ опережающего развития финансового сектора в мировой экономике и финансовализации товарных рынков», выполненной в РАНХиГС в рамках госзадания.

² Среди наиболее заметных работ в этой сфере необходимо указать: Ведев А., Данилов Ю. Прогноз развития финансовых рынков РФ до 2020 года. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара (Научные труды 160Р), 2012; Структурная модернизация финансовой системы России. — М.: Институт современного развития, 2010; Ведев А., Данилов Ю., Масленников Н., Моисеев С. Структурная модернизация финансовой системы России // Вопросы экономики. 2010. № 5. С. 26–42.

³ Данилов Ю. Оценка опережающего развития финансового сектора // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 2. С. 161–174.

но характерно для тех небанковских финансовых институтов, которые осуществляют инвестирование в реальный сектор экономики долгосрочных средств (т.е. для негосударственных пенсионных фондов, инвестиционных фондов, страховых компаний в части страхования жизни);

- вклад банковского сектора в инвестиционную деятельность в России остается, во-первых, незначительным, и, во-вторых, он снижается, при том что в условиях стагнации и крайне низкой емкости небанковских институциональных инвесторов тем не менее наблюдается рост объема инвестиций, привлекаемых предприятиями на внутреннем рынке ценных бумаг, по сравнению с долгосрочными кредитами, предоставляемыми банковским сегментом.

С другой стороны, отмечается совпадение с глобальными тенденциями в части опережающего развития банковского сегмента. Резкое увеличение соотношения банковских активов и валового внутреннего продукта, наблюдаемое в последние годы в России, сопровождается и опережающей динамикой макропоказателей (характеризующих результаты деятельности финансового сектора), поведение которых предопределяется банковской системой. В качестве примеров в данном случае необходимо указать на опережающий рост долгового финансирования по сравнению с долевым финансированием, опережающий рост валютного рынка по сравнению с другими секторами внутреннего финансового рынка и т.д.

Основные дисбалансы российской финансовой системы

Сочетание перечисленных выше совпадений и отличий основных характеристик финансовализации в России относительно характеристик глобальной финансовализации предопределило формирование и постоянное устойчивое

усиление ряда существенных диспропорций в финансовом секторе Российской Федерации.

Продолжающееся после кризиса 2008 г. (в соответствии с глобальными тенденциями) опережающее количественное развитие в РФ банковского сегмента еще более обостряет главный структурный дисбаланс российского финансового сектора, заключающийся в катастрофическом и углубляющемся разрыве между банковским и небанковским сегментами финансового сектора. По показателю доли активов небанковских финансовых организаций в совокупной стоимости активов финансового сектора Россия существенно отстает как от стран с развитыми финансовыми рынками, так и от стран с крупнейшими развивающимися рынками. Так, по состоянию на конец 2014 г. данный показатель в России составлял 8,2%, в то время как в США — 83%, в Великобритании — 49%, в Японии — 43%, в Германии — 36%, в Индии — 32%, в Бразилии — 17%, в Китае — 15%⁴. Нам удалось найти единственную страну (из всех, по которым соответствующие показатели собираются), которая сопоставима с Россией по уровню данного показателя, — это Греция. Отметим, что по данному показателю существует колоссальный разрыв между большинством европейских стран, с одной стороны, и Грецией и Россией — с другой. (См. рисунок.).

Необходимо также обратить внимание на тот факт, что в подавляющем большинстве европейских стран в настоящее время отмечается опережающий рост емкости небанковского финансового сектора по сравнению с темпами экономического развития. Оценки динамики емкости глобального небанковского финансового сектора не позволяют сделать однозначный вывод о наличии такого же роста в мировом масштабе. Но страны с развитыми финансовыми рынками такой опережающий рост демонстрируют, повышая свою глобальную конкурентоспособность. Россия не

⁴ Показатель России рассчитан по данным Банка России, показатели других стран — по данным МВФ. Выбор 2014 г. для сравнения обусловлен наличием данных по этому периоду для иностранных государств.

Доля активов небанковских финансовых организаций в общей стоимости активов национального финансового сектора, в %

Источник: рассчитано по данным Европейского центрального банка (European Central Bank. Report on financial structures, October 2016) и Банка России.

участвует в этом процессе, оставаясь в числе стран, продолжающих испытывать последствия кризиса 2007–2009 гг., в результате чего продолжается снижение глобальной конкурентоспособности российского финансового рынка⁵ и его роли в социально-экономическом развитии страны⁶.

На наш взгляд, незначительная доля сегмента небанковских финансовых организаций в совокупном объеме активов финансового сектора в значительной мере предопределяет уязвимость Греции к системным рискам, транслируемым в рамках мировой финансовой системы. У нас нет оснований предполагать, что российский финансовый сектор, со столь же малой прослойкой небанковских финансовых организаций, сможет лучше защитить отечественную экономику от инфек-

ций, возникающих на мировом финансовом рынке.

С главным дисбалансом российского финансового сектора тесно связаны высокий уровень левериджа и преобладание долгового финансирования над долевым финансированием. Высокий леверидж и перекося в сторону долгового финансирования — две стороны одного и того же деформирующего финансового сектора тренда на непропорционально масштабное развитие долговых отношений (инвестиций, инструментов).

На доленое финансирование в России приходится весьма незначительная доля в совокупном объеме долгосрочных инвестиций, привлекаемых на внутреннем финансовом рынке. (См. таблицу.)

Между тем данный дисбаланс не является специфически российским явлением. Глобальный финансовый рычаг (леверидж) еще больше вырос после финансового кризиса 2008 г. Отношение совокупных глобальных долгов (за исключением долгов финансовых институтов) к ВВП продолжает повышаться неослабевающими темпами и достигать новых максимумов: с 2008 г. оно выросло на 38% и в 2013 г. достигло уровня 212%. Увеличение глобального соотношения долга и ВВП обуславливалось ростом данного показателя на развитых рынках до 2008 г. (на 39% с 2001 г.), а после 2008 г. было связано прежде всего с резким его (роста) ускорением на развивающихся рынках (увеличение на 36% по сравнению с 25%-ным повышением на развитых рынках)⁷.

Этот процесс происходил одновременно с беспрецедентным замедлением потенциального роста мирового ВВП. Потенциальный рост производства в развитых странах снижается с 1980 г. Кризис 2008 г. вызвал дальнейшее не-

⁵ Данилов Ю. Оценка места Российской Федерации на глобальном финансовом рынке // Вопросы экономики. 2016. № 11. С. 100–116.

⁶ Данилов Ю.А. Эффективность финансового рынка России: выполнение социально-экономических функций и глобальная конкурентоспособность. — М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС. (Научные доклады. Сер. «Экономика»). 2017. № 17/8. С. 13–56.

⁷ Buttiglione, Luigi, Philip Lane, Lucrezia Reichlin, and Vincent Reinhart (2014). Deleveraging? What Deleveraging?. Geneva Reports on the World Economy 16, CEPR Press, September 2014; <http://www.voxeu.org/content/deleveraging-what-deleveraging-16th-geneva-report-world-economy>

уклонное снижение темпов производства. Это означает, что уровень долга и уровень финансового левериджа достигли таких величин, при которых они не просто негативно влияют на темпы экономического роста, но и снижают потенциально возможную динамику экономики. При этом рост левериджа означает дальнейшее замедление потенциальных темпов роста мирового ВВП⁸.

Исследование McKinsey Global Institute также подтвердило отсутствие делевериджинга после кризиса 2008 г.: «После финансового кризиса 2008 года и самого длинного и самого глубокого глобального экономического спада со времен Второй мировой войны широко ожидалось, что мировая экономика будет снижать уровень левериджа. Но этого не

произошло. Вместо этого долг продолжает расти почти во всех странах, как в абсолютном выражении, так и по отношению к ВВП. Это создает новые риски в некоторых странах и ограничивает перспективы роста во многих странах»⁹.

С 2007 г. глобальный долг вырос на 57 млрд. долл., что привело к увеличению соотношения долга и ВВП на 17 п.п. Государственный долг вырос при этом на 25 трлн. долл. и, учитывая текущее состояние фундаментальных экономических условий, будет продолжать расти во многих странах. Для стран с наиболее высоким уровнем задолженности сокращение левериджа потребует неправдоподобно большого роста реального ВВП или очень существенных сокращений бюджетных дефицитов¹⁰.

Структура внутренних каналов долгосрочного финансирования, в % к итогу

Год	Акции	Корпоративные облигации	Кредиты банков
1999	0,0	26,5	73,5
2000	0,0	29,4	70,6
2001	0,0	23,5	76,5
2002	0,2	21,7	78,2
2003	0,1	18,6	81,3
2004	1,7	26,4	71,9
2005	0,7	31,5	67,8
2006	3,1	34,4	62,5
2007	10,3	15,0	74,7
2008	0,1	17,6	82,3
2009	0,5	40,7	58,8
2010	1,0	40,5	58,5
2011	1,1	27,3	71,6
2012	0,0	36,5	63,5
2013	3,5	42,5	54,0
2014	0,3	23,2	76,5
2015	0,8	45,4	53,8

Источник: Данилов Ю.А. Эффективность финансового рынка России: выполнение социально-экономических функций и глобальная конкурентоспособность. – М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС. (Научные доклады. Сер. «Экономика»). 2017. № 17/8. С. 15.

⁸ Buttiglione, Luigi, Philip Lane, Lucrezia Reichlin, and Vincent Reinhart (2014). Deleveraging? What Deleveraging?. Geneva Reports on the World Economy 16, CEPR Press, September 2014: <http://www.voxeu.org/content/deleveraging-what-deleveraging-16th-geneva-report-world-economy>

⁹ Richard Dobbs, Susan Lund, Jonathan Woetzel, Mina Mutafchieva. Debt and (not much) deleveraging. McKinsey Global Institute, February 2015. P. vi: <http://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/debt-and-not-much-deleveraging>

¹⁰ Там же.

В российской экономической литературе данное явление (видимо, по аналогии с термином «сберегательный навес») получило наименование «кредитный навес», под которым понимается превышение текущего показателя доли совокупного кредита экономике (или кредита частному сектору) в ВВП над долговременным средним значением этого показателя (долей совокупного кредита экономике в ВВП). Автор этого наименования со ссылкой на исследование Банка международных расчетов отмечает, что «менее глубоким кризис был в странах с высокими нормативами достаточности капитала банков и более низким отношением выданных кредитов к депозитам, аккумулированным в банковской системе»¹¹.

Третьим крупным дисбалансом российского финансового сектора выступает дефицит долгосрочных инвестиций, низкая дюрация большинства долговых инвестиционных инструментов. Учитывая, что долевые инвестиции по своей природе не имеют сроков погашения, в значительной мере это является следствием преобладания в российской экономике долговых инвестиций, но вместе с тем и временная структура самих долговых инвестиций в России также ограничивает возможности реализации долгосрочных инвестиционных проектов. Как представляется, в целом этот дисбаланс — прямое следствие относительно избыточного развития в стране банковского сегмента финансового сектора.

Дефицит долгосрочных инвестиций и низкая дюрация большинства долговых инвестиционных инструментов являются двумя из трех важнейших факторов, предопределяющих неэффективность российского финансового

рынка для реципиентов инвестиций¹², что существенно снижает инвестиционную активность отечественных предприятий и тормозит экономический рост в стране.

Возможности по преодолению дисбалансов российской финансовой системы

Как было показано выше, в основе всех выделенных нами дисбалансов российской финансовой системы лежит избыточный (по сравнению с небанковским финансовым сектором) рост банковского сектора. Поэтому основным направлением возможного преодоления названных дисбалансов является сокращение разрыва между развитием банковского и небанковского сегментов финансового сектора.

О социально-экономических последствиях избыточного развития банковского сектора в последние годы опубликовано большое количество теоретических работ¹³. Кратко суммируя их выводы, можно сказать, что в соответствии с теорией избыточный рост банковского сектора: а) тормозит экономический рост; б) усиливает неравенство; в) угнетает развитие небанковского финансового сектора (что особо заметно и крайне актуально в России).

Принципиально для разрешения проблемы избыточного развития банковского сектора (и, соответственно, для предупреждения негативных последствий такого развития) могут быть предложены следующие возможные концептуальные варианты:

- возвращение к более четкому разделению сфер деятельности между коммерческими банками и небанковскими финансовыми организациями («реинкарнация Гласса-

¹¹ Столбов М. Некоторые результаты эмпирического анализа факторов глобального кризиса 2008–2009 годов // Вопросы экономики. 2012. № 4. С. 33.

¹² Данилов Ю.А. Эффективность финансового рынка России: выполнение социально-экономических функций и глобальная конкурентоспособность. — М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС. (Научные доклады. Сер. «Экономика»). 2017. № 17/8. С. 36–45.

¹³ В первую очередь: Boris Courne de, Oliver Denk, Peter Hoeller. Finance and Inclusive Growth // OECD Economic Policy Paper. June 2015. No. 14. См. также: Arcand, Jean-Louis, Enrico Berkes, and Ugo Panizza (2012). Too Much Finance? // IMF Working Paper 12/161. International Monetary Fund, Washington; Aizenman, Joshua, Yothin Jinjarak, and Donghyun Park (2015). Financial Development and Output Growth in Developing Asia and Latin America: A Comparative Sectoral Analysis // NBER Working Paper, 20917.

- Стигла» либо европейский подход к такому разделению), концентрация деятельности банков на кредитовании реального сектора, а небанковских финансовых институтов – на инвестициях в ценные бумаги;
- «репрессивные меры» по отношению к банковскому сектору (и/или к сегменту долгового финансирования в целом), вызывающие торможение его развития не только относительно небанковского финансового сектора, но и, возможно, относительно экономики;
 - создание благоприятных условий для опережающего развития небанковского финансового сектора и рынка акций.

Возвращение к более четкому разделению сфер деятельности между коммерческими банками и небанковскими финансовыми организациями стало активно обсуждаться после кризиса 2007–2009 гг. Реализация такого подхода в практике регулирования нашла свое отражение в принятии «правила Волкера» в США, в отдельных изменениях директив Европейского союза. Но разделение сфер деятельности не стало радикальным. Анализируя причины недостаточно радикальной, по его мнению, реформы финансового регулирования в США после кризиса 2007–2009 гг., Барри Эйхенгрин утверждает, что «радикальная реформа возможна только на фоне исключительного кризиса. Проблема, зародившаяся в 2009 году, заключалась в том, что регуляторам удалось с большим трудом избежать кризиса в стиле 1930-х. Радикальная реформа могла подвергнуться критике как создающая опасность для медленно начинавшегося восстановления. Оставался только один вариант – укреплять существующую систему вместо того, чтобы заменять ее»¹⁴.

Тем не менее концептуально данный подход, как представляется, остается весьма перспективным, поскольку он ориентирован на

стимулирование более активного выполнения финансовыми организациями различных типов именно тех функций, в рамках которых они наиболее эффективны. Концентрация банков на кредитовании реального сектора, а небанковских финансовых институтов – на инвестициях в ценные бумаги, на наш взгляд, может в среднесрочной перспективе в значительной мере способствовать повышению эффективности российского финансового сектора, устранению его основных дисбалансов. Взять на вооружение данный подход призывает в своем Послании к Федеральному Собранию РФ и президент В. Путин: «В целом ряде государств для банков созданы стимулы кредитования именно этого, реального, сектора экономики. При этом в некоторых странах обсуждается ограничение возможности банков вкладывать привлечённые средства в финансовые инструменты. Не говорю, что все, что делается за рубежом, нам нужно слепо копировать, тем более что российская экономика и ее структура существенно отличаются от других стран, которые применяют такие меры, но проанализировать всю эту практику, взять на вооружение всё то, что нам подходит, можно и нужно»¹⁵.

Установление разумных ограничений на инвестиции коммерческих банков в ценные бумаги, равно как и ограничений на кредитование ими операций с ценными бумагами, включая кредитование под залог ценных бумаг, будет способствовать не только выравниванию емкости банковского и небанковского сегментов финансового рынка, но и существенному снижению системных рисков финансового сектора. Возможно, было бы целесообразно установить и ограничения на деятельность небанковских финансовых институтов, прежде всего институциональных инвесторов, также повысив их специализацию. В качестве такого ограничения следовало бы

¹⁴ Эйхенгрин Б. Зеркальная галерея. Великая депрессия, Великая рецессия, усвоенные и неусвоенные уроки истории. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 548.

¹⁵ Послание Президента Федеральному Собранию 1 декабря 2016 года: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/53379>

рассмотреть установление верхней границы на инвестиции страховых компаний и негосударственных пенсионных фондов в банковские депозиты и государственные облигации в размере 5–10% активов.

«Репрессивные меры» в отношении банковского сектора и стимулирующие меры по опережающему развитию небанковского финансового сектора и рынков акций, на наш взгляд, в значительной степени являются альтернативными политиками. Поэтому далее мы будем параллельно рассматривать меры, предлагаемые в рамках этих альтернативных концепций, показывая, что стимулирование небанковского сектора целесообразнее, чем искусственное ограничение развития банковского.

В целом решение о применении «репрессивных мер» в отношении банковского сектора должно применяться исходя из природы воздействия развития банковского сектора на экономический рост. Эмпирическими исследованиями установлено, что торможение экономического роста начинается при переходе показателя «соотношение валовых кредитов и ВВП» через уровень в 100%¹⁶. На этом же уровне значений данного показателя начинает увеличиваться волатильность выпуска¹⁷.

Однако чрезвычайно важно иметь в виду, что названный уровень является неким усредненным значением и реальное изменение воздействия банковского сектора на развитие экономики с положительного на отрицательное в каждой стране начинается на своем, национально специфическом, уровне, который необходимо определять в исследованиях, посвященных особенностям национального финансового рынка. «Репрессивные меры» в отношении банковского сектора, на наш взгляд, могут быть оправданы только при условии отрицательного влияния дальнейшего роста банковского сектора на экономический рост.

В противном случае для преодоления его избыточного развития по отношению к небанковскому финансовому сектору необходимо в первую очередь ориентироваться на меры, стимулирующие развитие последнего.

В качестве «репрессивных мер» по отношению к банковскому сектору чаще всего называются следующие:

- отмена систем страхования банковских вкладов;
- введение (в некоторых странах – увеличение) налогов на доходы по депозитам;
- отмена налоговых преференций долговым инвестициям в части устранения льгот по процентным платежам.

В недавно опубликованной работе ученые нескольких американских университетов, используя данные по 134 странам за 28-летний период (в течение которого в 62 из этих стран было введено страхование депозитов), пришли к выводу, что введение страхования депозитов тормозит развитие рынка ценных бумаг, сектора небанковских финансовых организаций и даже, в ряде случаев (когда в стране законодательство и/или правоприменение находятся на невысоком уровне), банковского сектора. Наличие сильного законодательства и правоприменения смягчает этот эффект, но не приводит к положительным результатам для всех рынков. Для небанковских финансовых рынков в долгосрочной перспективе данный эффект оказывается гораздо заметнее, тогда как страхование вкладов динамизирует развитие банковского сектора в долгосрочной перспективе, одновременно замедляя динамику небанковских финансовых рынков независимо от уровня действующего в стране законодательства/правоприменения¹⁸.

На основе полученных результатов авторы этой работы, не призывая отказаться от реализации схем страхования депозитов, тем не

¹⁶ Boris Cournede, Oliver Denk, Peter Hoeller. Finance and Inclusive Growth // OECD Economic Policy Paper. June 2015. No. 14.

¹⁷ Easterly, W., Islam, R., and Stiglitz, J. (2000). Shaken and Stirred, Explaining Growth Volatility. Annual Bank Conference on Development Economics. World Bank, Washington, D.C.

¹⁸ Mikael C. Bergbrant, Kaysia T. Campbell, Delroy M. Hunter, James E. Owers. Does deposit insurance retard the development of non-bank financial markets? // Journal of Banking & Finance 66. 2016. Pp. 102–125.

менее предлагают при принятии подобных решений четко оценивать их возможное влияние на развитие финансового рынка в целом. Экономическим властям стран следует проявлять осторожность в проведении соответствующей политики, особенно в тех случаях, когда правовая и контрактная среда в этих странах не очень благополучна. Кроме того, нормативные решения должны предусматривать некоторую возможность для смягчения вероятного негативного воздействия страхования депозитов на развитие всего национального финансового рынка.

На наш взгляд, мерами, смягчающими негативные последствия от влияния страхования депозитов на развитие финансового рынка в целом, в российских условиях должно стать внедрение аналогичных по направленности, но отличающихся по технологии механизмов страхования инвестиций на небанковском сегменте финансового рынка. Речь идет о внедрении компенсационных фондов, которые не могут и не должны гарантировать возврат вложенных средств, но компенсировать потери инвесторов, связанные с реализацией нерыночных рисков (в случаях мошенничества или непредумышленных ошибок финансовых посредников, а также дефолта по их обязательствам перед клиентами). В результате мы получим равноценный «противовес» механизму страхования вкладов, что может способствовать постепенному устранению важнейшего дисбаланса в российской финансовой системе.

Министерство финансов Российской Федерации предлагает установить налог на доходы по депозитам¹⁹. Эта мера, в понимании ее инициаторов, будет способствовать выравниванию условий инвестирования в депозиты и в долговые ценные бумаги, и в качестве цели (учитывая сложившийся перекоп в структуре сбережений домохозяйств в России в сторону депозитов) она представляется совершенно оправданной. Аналогичного подхода, по некоторым данным, придерживаются и предста-

вители других ведомств, участвующих в определении основных направлений государственной политики на финансовом рынке. По нашему же мнению, более действенным представляется альтернативный вариант такого выравнивания — за счет устранения неэффективных налогов, взимаемых с доходов по ценным бумагам.

Долгосрочное отставание развития российского рынка акций относительно других сегментов финансового сектора все чаще получает объяснение через сопоставление условий функционирования долговых рынков и рынков долевого финансирования. Из таких сопоставлений все чаще делаются выводы о том, что долговые рынки за прошедшие годы получили слишком большой объем стимулов, которые перепределили их сравнительную выгоду (как для реципиентов инвестиций, так и для инвесторов) относительно долевого финансирования.

Если же учесть, что новые преференции для долговых инвестиций дополнили ранее существовавший, более льготный для них режим в сравнении с долговыми инвестициями, то очевидно, что именно это обстоятельство является и причиной торможения развития рынка акций, и, одновременно, содержит в себе возможное решение по ее устранению. Более того, отдельные исследователи утверждают, что концепция более льготного режима для долговых инвестиций сложилась отчасти случайно и не подкреплена никакими экономическими обоснованиями.

Глобальная конвенция, согласно которой долг должен пользоваться налоговыми льготами, возникла в значительной мере случайно. Изначально ее сторонники не могли представить себе масштаб долга, который существует в настоящее время в мире (глобальный долг составляет сегодня 286% от ВВП). В Британии проценты по долговым обязательствам, выплачиваемые фирмами, были освобождены от налогообложения в 1853 г. В США про-

¹⁹ <http://www.rbc.ru/finances/26/10/2016/5810ba5d9a794752fb9d2088>

центный вычет был частично восстановлен в период с 1909 по 1916 гг. Одной из его целей было помочь должникам железнодорожной отрасли. Полный вычет в конечном счете был позволен в 1918 г. как часть пакета, направленного на помощь компаниям по борьбе с последствиями Первой мировой войны. Процентный вычет по ипотеке был разрешен в стране в 1913 г. — в то время, когда мало кто из американцев имел ипотечные кредиты²⁰.

Другой очевидной причиной отставания долевого рынка от долговых стало активное развитие процессов секьюритизации, в рамках которых финансиализировались именно долговые отношения, тогда как финансиализация долевого отношения опиралась на значительно меньшую базу акционерного капитала.

Рассматриваются и другие причины такого отставания, среди которых следует назвать изменение структуры портфелей пенсионных фондов. В недавно опубликованной работе было показано, что доля акций в портфелях пенсионных фондов в 25 странах ОЭСР активно сокращалась с 2001 г., причем самое значительное сокращение произошло в период с 2006 по 2009 гг.²¹. Безусловно, важную роль сыграло при этом приближение кризиса, которое опытные управляющие долгосрочными активами смогли предугадать. Однако и после кризиса 2007–2009 гг. доля акций в портфелях пенсионных фондов осталась на прежнем рекордно низком уровне, что позволяет предположить наличие и других причин, лежащих в основе такого явления.

Авторы доклада Института МакКинзи также считают, что избыточное развитие в совре-

менной экономике долговых отношений может и должно быть остановлено, в том числе за счет снижения стимулов к формированию долга: «Учитывая роль жилищного долга и пузырей на рынках недвижимости в финансовых кризисах, целесообразно пересмотреть практику вычета процентов по ипотечным кредитам и устранить другие налоговые преференции, выступающие стимулами для формирования жилищного долга. Снижение или устранение налоговых вычетов по процентам по корпоративному долгу будет более сложной задачей, но политики должны рассмотреть меры, которые поставят долговые и долевого инвестиции на более равноправную основу (создадут для привлечения долговых и долевого инвестиций равноправные условия). Это может улучшить распределение капитала в фирмах. Такие реформы, возможно, должны сопровождаться другими корректировками корпоративного налогового законодательства»²².

Предложения об отмене значительных налоговых льгот, накопленных за десятилетия в отношении заимствований, содержатся и в других работах²³. Но, на наш взгляд, существует и обратное решение — предоставление соответствующих льгот долевого сектору, долевым инвестициям, долевого финансирования. Например, можно изменить порядок удовлетворения претензий в случае реорганизации и ликвидации акционерного общества — акционеры получают свою долю раньше выплаты налоговых обязательств и, возможно, раньше выплаты части долгов. Кроме того, теоретически возможно выплачивать дивиденды

²⁰ A senseless subsidy. Most Western economies sweeten the cost of borrowing. That is a bad idea // The Economist. May 16th 2015: <http://www.economist.com/news/briefing/21651220-most-western-economies-sweeten-cost-borrowing-bad-idea-senseless-subsidy>

²¹ Абрамов А.Е., Радыгин А.Д., Чернова М.И. Акции против облигаций в стратегиях долгосрочных инвесторов // Финансовый журнал. 2016. № 3. С. 158–161.

²² Richard Dobbs, Susan Lund, Jonathan Woetzel, Mina Mutafchieva. Debt and (not much) deleveraging. McKinsey Global Institute, February 2015. P. 12: <http://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/debt-and-not-much-deleveraging>

²³ Sebnem Kalemli-Ozcan, Bent Sorensen, Sevcan Yesiltas. Leverage Across Firms, Banks and Countries. February 2012; A senseless subsidy. Most Western economies sweeten the cost of borrowing. That is a bad idea // The Economist. May 16th 2015: <http://www.economist.com/news/briefing/21651220-most-western-economies-sweeten-cost-borrowing-bad-idea-senseless-subsidy>; Boris Cournede, Oliver Denk, Peter Hoeller. Finance and Inclusive Growth // OECD Economic Policy Paper. June 2015. No. 14.

из себестоимости, а не из чистой прибыли, что, по нашему мнению, может кардинально изменить соотношение эффективных налоговых ставок для долгового и долевого финансирования. Безусловно, это будет несколько не соответствовать экономической природе долевого финансирования, но ведь и существующие льготы в сфере долговых отношений также не соответствуют природе этих отношений²⁴.

Заключение

В настоящей работе мы выявили три основных дисбаланса российской финансовой системы, препятствующих эффективному выполнению ею своих социально-экономических функций:

- катастрофический по размеру и продолжающийся углубляющийся разрыв между банковским и небанковским сегментами финансового сектора (избыточное развитие банковского сектора относительно небанковского финансового сектора);
- высокий леверидж и перекос в сторону долгового финансирования (избыточное развитие долговых отношений по сравнению с развитием долевого);
- дефицит долгосрочных инвестиций (недо развитость сегмента «длинных» денег).

Из этих трех дисбалансов определяющим является первый, который в значительной мере предопределяет наличие прочих дисбалансов. Поэтому основным направлением возможного преодоления дисбалансов российской финансовой системы выступает сокращение разрыва между развитием банковского и небанковского сегментов финансового сектора. Это особенно актуально, учитывая, что в соответствии с теоретическими и эмпирическими исследованиями последних лет избыточный рост банковского сектора: а) тормозит экономический рост; б) усиливает неравенство; в) угнетает развитие небанковского финансового сектора.

Для разрешения данной проблемы могут быть предложены следующие возможные концептуальные варианты:

- возвращение к более четкому разделению сфер деятельности между коммерческими банками и небанковскими финансовыми организациями;
- «репрессивные меры» по отношению к банковскому сектору;
- создание благоприятных условий для опережающего развития небанковского финансового сектора и рынка акций.

Основным подходом к ее решению в нынешних российских условиях, на наш взгляд, должно стать стимулирование опережающего развития небанковского финансового сектора и рынка акций. Дополнительным – введение более четкого разделения между сферами деятельности коммерческих банков и небанковских финансовых организаций через установление ограничений на инвестирование в определенные классы активов. Так как «репрессивные меры» в отношении банков и стимулирование опережающего развития небанковского финансового сектора в текущей российской ситуации в значительной степени альтернативны, представляется нецелесообразным применять «репрессивные меры».

Должен быть выдержан принцип дифференциального стимулирования различных форм инвестиций: максимальные стимулы для долевого финансирования; высокие стимулы для долговых облигационных инвестиций; низкие стимулы для прочих долговых инвестиций, в том числе за счет выравнивания налоговых последствий выплаты доходов по различным формам инвестиций.

Красной нитью, проходящей через все меры по преодолению дисбалансов российской финансовой системы, должно стать выравнивание условий функционирования бан-

²⁴ Sebnem Kalemli-Ozcan, Bent Sorensen, Sevcin Yesiltas. Leverage Across Firms, Banks and Countries. February 2012; A senseless subsidy. Most Western economies sweeten the cost of borrowing. That is a bad idea // The Economist. May 16th 2015: <http://www.economist.com/news/briefing/21651220-most-western-economies-sweeten-cost-borrowing-bad-idea-senseless-subsidy>

ковского и небанковского сегментов финансового сектора. В сложившейся в России ситуации это означает устранение дискриминации небанковских финансовых институтов. Такое выравнивание должно происходить по всем возможным направлениям, включая:

- выравнивание налоговых условий инвестирования в инструменты небанковского сектора относительно банковских депозитов, иностранной валюты и недвижимости;
- выравнивание степени защиты прав для инструментов небанковского сектора с уровнем защиты прав для недвижимости и для банковских депозитов (в том числе посред-

ством создания компенсационных фондов, устраняющих преимущество банковского сектора в виде наличия системы страхования депозитов).

Составной частью политики по преодолению дисбалансов российской финансовой системы должно стать введение ограничений, с одной стороны, в отношении инвестиций банков в ценные бумаги и кредитования операций с ценными бумагами и под залог ценных бумаг, а с другой стороны, в отношении инвестиций небанковских институциональных инвесторов в банковские депозиты и в государственные облигации. ■

Налогообложение

КАК РАССЧИТАТЬ НАЛОГОВУЮ НАГРУЗКУ НА ЭКОНОМИКУ РФ

Светлана ШАТАЛОВА

Заведующий лабораторией исследований налоговой политики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. E-mail: shatalova@ranepa.ru

Владимир ГРОМОВ

Старший научный сотрудник Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара, канд. экон. наук. E-mail: gromov@iep.ru

Налоговая нагрузка как количественный показатель служит важным источником информации о качестве налогового регулирования и самой налоговой системы. Ее значение особенно возрастает в периоды обсуждения, планирования и проведения налоговых реформ. Вместе с тем методология расчета налоговой нагрузки на экономику России до сих пор не сформирована, тогда как в условиях недопущения усиления налогового бремени она играет ключевую роль. В статье рассматриваются особенности расчета налоговой нагрузки для российской экономики исходя из приоритета сопоставимости данных между странами.

Ключевые слова: налоги, налоговая нагрузка, налоговое бремя, налоговая политика, налоговая система, неналоговые платежи.

Налоговая нагрузка представляет собой показатель, на основе которого можно получать данные о текущем состоянии налоговой системы и ее конкурентоспособности, прогнозировать последствия и результаты налоговых реформ. В современных условиях, поставивших на повестку дня вопросы формирования благоприятного налогового климата для российского бизнеса, создания предпосылок привлечения зарубежных инвестиций и сохранения капитала внутри страны, наиболее эффективного использования налоговой системы для решения проблем экономического роста, значение налоговой нагрузки как показателя заметно возросло. Немаловажную роль при этом играет необходимость соблюдения мотатория на рост налоговой нагрузки, закрепленного в Основных направлениях налоговой политики РФ на 2016–2018 годы.

Будучи достаточно информативным и гибким показателем, налоговая нагрузка может рассчитываться в разрезе разного состава платежей (по доле только налогов или вместе со схожими с ними неналоговыми платежами) в соотношении с тем или иным экономическим

показателем (в том числе валовым национальным продуктом, валовым внутренним продуктом, валовой добавленной стоимостью). Она может определяться для всей экономики, отдельных отраслей и видов деятельности, отдельных регионов и конкретных категорий налогоплательщиков. Тем не менее общего для всех случаев правила расчета нагрузки нет: состав учитываемых платежей и показатель, с которым эти платежи будут соотноситься, определяется целями расчетов и ожидаемыми характеристиками рассчитываемого значения. Вместе с тем следует отличать гибкость показателя от отсутствия единства расчетов, производимых для конкретной цели.

В настоящее время налоговая нагрузка важна прежде всего с точки зрения возможности получать данные о положении страны в системе международной налоговой конкуренции, что предполагает ее расчет на уровне российской экономики в целом. Такой расчет ведется при подготовке основных направлений налоговой политики начиная с 2010 г. (при их утверждении на 2011 г. и на плановый период 2012 и 2013 гг.). Тем не менее этот документ не

является нормативно-правовым актом, а отражаемые в нем данные фиксируют в первую очередь результаты расчетов, акцентируя внимание на сравнении значения нагрузки с показателями других стран, но при этом не сопровождаются ни определением исходного для расчетов понятия «налоговая нагрузка», ни описанием методологии, используемой при проведении самих расчетов, что следует признать недостатком общей концепции оценки налоговой нагрузки в России.

Следует учитывать, что на сегодняшний день показатель налоговой нагрузки отнюдь не всегда рассматривается как характеристика тяжести платежей, включенных в налоговую систему. Это обусловлено тем, что перечень платежей, официально признаваемых налогами и сборами, не идентичен общей совокупности фискальных платежей, отдельные из которых многими экономистами и исследователями рассматриваются в качестве налогов, имея в виду прежде всего страховые взносы и таможенные пошлины. Отождествление таких платежей с налогами осуществляется на основе не формальных признаков, а исходя из их внутреннего экономического содержания, определяющего их тесную связь с налоговыми платежами и, как следствие, необходимость их включения в показатель налоговой нагрузки.

Именно в таком качестве рассматривается налоговая нагрузка на официальном уровне, если судить по тем расчетам, результаты которых отражаются в основных направлениях налоговой политики. Наряду с налогами в перечень налоговых платежей включаются и неналоговые платежи. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что экономическое содержание показателя налоговой нагрузки не ограничено рамками налоговой системы, а сам показатель уже не является ее непосредственной характеристикой.

Однако такой подход требует методологической проработки проводимых расчетов, так как при отсутствии методики оценки нагрузки, во-первых, недостаточно обоснован-

ным становится отнесение отдельных неналоговых платежей к источникам налоговых доходов; во-вторых, неналоговые платежи могут учитываться при оценке показателя не налоговой, а фискальной нагрузки, и в этом случае теряются смысловые, содержательные рамки обоих показателей; в-третьих, проведение сравнения нагрузки между странами должно базироваться на единых принципах и правилах. Последнее предопределяет необходимость не просто опираться на правовую природу платежа, но и руководствоваться общепризнанными методиками оценки налоговой нагрузки, что позволяет производить надежные межстрановые сопоставления, преодолевая субъективные оценки правовой природы отдельных платежей внутри страны, и обоснованно учитывать неналоговые платежи, относимые в применяемой методике к налогам. В качестве таковой на сегодняшний день может использоваться методика ОЭСР или МВФ.

Вместе с тем важно обращать внимание, что получение сопоставимых данных на основе той или иной методики, заключающей в себе предустановленную классификацию налоговых платежей (доходов), не сводится к добавлению к налогам тех или иных неналоговых платежей, но означает также и необходимость анализа состава самой налоговой системы на предмет отбора учитываемых платежей и исключения налогов, поступления которых в методике квалифицируются в качестве неналоговых доходов. Поэтому расчет налоговой нагрузки ставит двуединую задачу: выявить неналоговые платежи, подлежащие включению в расчеты, и идентифицировать налоговые платежи, которые необходимо из расчетов исключить, опираясь на правила общепризнанной методики.

I. Определение состава учитываемых неналоговых платежей

Основные платежи, которые требуют анализа с целью установления необходимости их учитывать, включают в себя: таможенные пошли-

ны и сборы, взносы на социальное страхование (обеспечение), плату за негативное воздействие на окружающую среду, ресурсные платежи: при пользовании недрами, за использование лесов, за пользование водными объектами, за предоставление рыбопромыслового участка и пользование водными биологическими ресурсами, за право осуществления охоты; утилизационный и экологический сборы.

Таможенные платежи используются в сфере внешнеэкономической деятельности, выполняют как регулирующую, так и фискальную функции. Согласно ст. 70 Таможенного кодекса Таможенного союза (ТК ТС) они включают в себя: таможенные пошлины (ввозную и вывозную); налоги, уплачиваемые при ввозе товаров на таможенную территорию (налог на добавленную стоимость и акцизы); таможенные сборы. Таможенные налоги имеют фискальное назначение. Таможенные пошлины устанавливаются для целей регулирования внешнеэкономической деятельности. Таможенные сборы взимаются за совершение действий таможенными органами.

Правовая природа таможенных налогов не требует специального обоснования: эти платежи обязательны к уплате и регулируются, в том числе, Налоговым кодексом Российской Федерации. Наиболее дискуссионным является вопрос о природе таможенных пошлин. Тем не менее, сравнивая эти пошлины с налогами, нельзя не отметить их сходство по ключевым признакам.

Во-первых, основным признаком таможенных пошлин является обязательность уплаты. Если лицо осуществляет ввоз либо вывоз товаров через таможенную границу, ему вменяется обязанность по уплате таможенных пошлин, величину которых определяет государство в одностороннем порядке, причем плательщики не участвуют в определении размера ставки и условий взимания платежа. Во-

вторых, их уплата носит индивидуально-безвозмездный характер, так как не предполагает возникновения у государства встречного обязательства совершить в отношении плательщика таможенной пошлины какие-либо действия, а сам плательщик не получает взамен никаких благ. Наконец, таможенные пошлины — это публичные платежи, идущие в федеральный бюджет и не имеющие заранее predetermined цели расходования поступлений. Кроме того, таможенные пошлины обладают не только регулирующей, но и фискальной функцией, что также сближает их с налогами. До 1 января 2005 г. они официально признавались в России налогами.

Таможенные сборы, в свою очередь, несут компенсационный характер в силу того, что устанавливаются с учетом потребностей в возмещении государственных расходов. Согласно ст. 130 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» размер таможенных сборов за таможенные операции ограничен примерной стоимостью услуг таможенных органов.

Исходя из этого и опираясь на классификацию налоговых доходов и ОЭСР, и МВФ¹, можно заключить, что: таможенные пошлины следует учитывать при оценке налоговой нагрузки; тогда как таможенные сборы учитываться при этом не должны.

Взносы на социальное страхование (обеспечение) относятся к числу платежей, правовая природа которых в России неоднократно подвергалась пересмотру на уровне законодательства. В течение 2001–2009 гг. они взимались в качестве единого социального налога. С 2010 г. вместо него взимаются отдельные страховые взносы, не признаваемые налогами, а начиная с 2017 г. данные платежи регулируются налоговым законодательством, но по-прежнему обособлены от налогов. Вместе с тем оценка нагрузки по формальной ква-

¹ Более подробно данная классификация представлена в таких документах, как: OECD Revenue Statistics 2015; IMF Government Finance Statistics Manual 2014.

лификации платежа, которая довольно часто меняется, делает получаемые данные непоставимыми в динамике. Поэтому правильно выработать единый подход, позволяющий не полагаться на переменчивую трактовку правовой природы социальных платежей и всегда оценивать их с одной точки зрения.

Между тем единый подход отсутствует даже в правилах международной методологии оценки налоговой нагрузки на экономику. Классификация взносов на социальное страхование (обеспечение) неодинакова в довольно похожих друг на друга методиках оценки налоговой нагрузки ОЭСР и МВФ. В классификации налоговых доходов первой из организаций социальные платежи выделяются в самостоятельную категорию, тогда как у второй организации они не считаются налогами и учитываются в качестве отдельного от них источника государственных доходов (как содержащие элементы возмездности уплаты, осуществляемой в обмен на получение социальных выплат).

В этих условиях необходимо исходить из российских особенностей исчисления и уплаты социальных платежей, определив, проявляется ли в данных платежах страховой принцип или в большей степени у них наблюдается сходство с налогами. Установленные в России страховые платежи характеризуются следующими признаками:

- 1) они обязательны к уплате: взносы носят всеобщий характер, отказаться от их уплаты невозможно;
- 2) плательщик не влияет на условия уплаты взносов и их величину;
- 3) взносы установлены законом, состав их элементов идентичен элементам, по которым устанавливаются налоги;
- 4) уплата взносов возложена на работодателей, для которых она безвозмездна и ничем не отличается от уплаты налогов;
- 5) взносы используются для проведения государством социальной политики и явля-

ются источником ее финансирования, т.е. носят публичный характер;

- 6) доходная часть государственных социальных внебюджетных фондов в существенной доле формируется не из отчислений страхователей, а из сумм межбюджетных трансфертов;
- 7) социальные выплаты могут производиться в пользу лиц, которые никогда не работали и за которых отчисления не производились;
- 8) к числу застрахованных лиц относится неработающее население;
- 9) уплата взносов включает систему льгот, снижающих размер отчислений в фонды для отдельных категорий плательщиков при сохранении на прежнем уровне страхового риска.

Отсюда можно сделать вывод о налоговой природе страховых взносов, признавая которую, целесообразно опираться на методiku ОЭСР и учитывать эти платежи при расчете налоговой нагрузки.

Плата за негативное воздействие на окружающую среду согласно ст. 16 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» взимается за следующие виды негативного воздействия на окружающую среду: выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками, сбросы загрязняющих веществ в водные объекты, а также размещение отходов. В классификации налоговых доходов и ОЭСР, и МВФ платежи за выбросы в окружающую среду токсичных (вредных) газов, жидкостей и других веществ (субстанций) отнесены к налогам на загрязнение, поступления которых следует учитывать при расчете налоговой нагрузки. Кроме того, отметим, что в Республике Казахстан взимается аналогичная плата за эмиссии в окружающую среду, но при этом она регулируется налоговым законодательством². В Республике Беларусь данная плата взимается в форме экологического

² Кодекс Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14 января 2016 г.).

налога³. Составной частью налоговой системы Франции является налог на экологически вредную деятельность⁴.

Правовая природа этой платы окончательно не определена и в рамках действующего российского законодательства. Так, перечисляя виды налогов и сборов в первой части НК РФ, законодатель не стал упоминать данную плату, но включил ее в состав налогов и сборов во второй части кодекса (п. 7 ст. 346.35) при описании перечня налоговых платежей, которые обязан уплачивать инвестор при выполнении соглашений о разделе продукции. Отсюда следует, что, несмотря на взимание платы за негативное воздействие на окружающую среду в качестве отличного от налогов платежа, данные о ее поступлениях следует учитывать при определении налоговой нагрузки на экономику.

Ресурсные платежи в методологии ОЭСР и МВФ признаются источниками налоговых доходов, если месторождения ресурсов/ресурсы находятся в собственности налогоплательщика и не принадлежат государству; и неналоговых/рентных доходов — если они являются государственной собственностью. Поэтому вопрос о включении в расчеты налоговой нагрузки поступлений платежей за недропользование, лесопользование, водопользование, пользование водными биоресурсами и за право ведения охоты определяется системой правовых отношений собственности и порядком предоставления ресурса в пользование. В Российской Федерации месторождения полезных ископаемых и ресурсы изначально находятся в государственной собственности и порядок их предоставления в пользование строится главным образом на гражданско-правовых, а не налоговых отношениях государства и плательщика. И хотя обязанность по внесению той или иной платы носит обязательный характер, она, как правило, проистекает из заключенного с плательщи-

ком договора. Это ведет к исключению сумм поступлений ресурсных платежей из расчетов.

Платежи при пользовании недрами предусмотрены в ст. 39 Закона Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» и, образуя систему платежей, включают: разовые и регулярные платежи, а также сбор за участие в конкурсе (аукционе) на право пользования участками недр. Согласно ст. 1.2 указанного закона недра в границах территории России являются государственной собственностью. Причем решение о предоставлении в пользование участка недр принимается по результатам аукциона, победитель которого определяется главным образом исходя из размера разового платежа. В свою очередь, сбор носит компенсационный характер и по этой причине не должен учитываться при расчете налоговой нагрузки.

Плата за использование лесов взимается в соответствии со ст. 94 Лесного кодекса Российской Федерации и фактически состоит из двух частей (видов): арендной платы и платы по договору купли-продажи лесных насаждений. Тем самым при ее взимании государство выступает не в роли субъекта, который в безусловном порядке изымает денежные средства налогоплательщика, а одной из сторон договора, к которому применяются соответствующие положения гражданского законодательства. Заключение договора (как аренды, так и купли-продажи) становится возможным по результатам аукциона, что не соответствует налоговым отношениям государства и плательщика. Кроме того, лесные участки в составе земель лесного фонда также находятся в федеральной собственности.

Плата за пользование водными объектами установлена в ст. 20 Водного кодекса Российской Федерации; обязанность по ее внесению является гражданско-правовой, поскольку возникает на основе договора водо-

³ Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) от 29 декабря 2009 г. № 71-3.

⁴ Overview of the French tax system: http://www.impots.gouv.fr/portal/deploiement/p1/fichedescriptive_1006/fichedescriptive_1006.pdf

пользования, к которому применяются положения об аренде ГК РФ. Более того, если на право заключения договора претендуют несколько лиц, он заключается по результатам аукциона. Водные объекты также находятся в собственности Российской Федерации (федеральной собственности).

Плата за использование водных биоресурсов непосредственно связана с осуществлением промышленного либо прибрежного рыболовства как предпринимательской деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей и основывается на договорных отношениях между пользователем ресурсов и государством. Эти отношения регулируются Федеральным законом от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов». Источником обязанности по внесению платы является договор: о предоставлении рыбопромыслового участка, о закреплении долей квот добычи (вылова) водных биоресурсов, пользования водными биоресурсами. Предоставление участка для осуществления рыболовства осуществляется за плату, размер которой является одним из условий оценки и сопоставления заявок для определения победителя конкурса на право заключения договора. Право на добычу (вылов) водных биоресурсов по остальным договорам также может заключаться по результатам аукциона. Важно отметить, что водные биоресурсы тоже находятся в федеральной собственности.

Доходы государства **от продажи (предоставления) права на заключение охотхозяйственных соглашений** связаны с принципом платности пользования охотничьими ресурсами, который закреплён в Федеральном законе от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Этим законом определено право организаций и индивидуальных предпринимателей арендовать у государства земельные и лесные участки с правом добычи охотничьих ресурсов в границах

охотничьих угодий при условии заключения с государством охотхозяйственного соглашения, одним из пунктов которого, в частности, является годовой размер арендной платы за участки. Лицо, которое может заключить такое соглашение, определяется по результатам аукциона. Кроме того, в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» животный мир в пределах территории Российской Федерации является государственной собственностью.

Наконец, следует правильно определить квалификацию новых для отечественной системы фискальных платежей – утилизационно-го и экологического сборов.

Утилизационный сбор – это платеж, предусмотренный в ст. 24.1 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления». Регулирующие порядок его уплаты нормы вступили в силу с 1 сентября 2012 г. В настоящее время этот сбор обязаны платить главным образом импортеры автомобилей и российские автопроизводители. Утилизационный сбор был введен в целях обеспечения экологической безопасности: поступления от него используются для финансового покрытия затрат организаций и индивидуальных предпринимателей на осуществление деятельности по обращению с отходами, образовавшимися в результате утраты автомобилем потребительских свойств. Этот принцип заложен в порядок определения размера сбора, в связи с чем он не подлежит отнесению к налогам и включению в расчеты налоговой нагрузки.

Экологический сбор введен на территории РФ с 1 января 2015 г. и тоже регулируется нормами Закона об отходах производства и потребления (ст. 24.5). Однако в 2015 г. поступлений от уплаты данного сбора не было, поэтому в формировании показателя налоговой нагрузки за этот период он участвовать не мог бы независимо от правовой квалификации.

Тем не менее ее целесообразно определить. В письме Минфина России от 13 апреля 2015 г. № 03-02-07/1/20823 сказано, что эко-

логический сбор обладает признаком индивидуальной возмездности и носит компенсационный характер, что не позволяет охарактеризовать его в качестве налогового платежа. Обязанность по уплате этого сбора возлагается на производителей и импортеров товаров, но не на всех, а только на тех, которые не обеспечивают самостоятельную утилизацию отходов от использования товаров либо при самостоятельной утилизации не достигают нормативов утилизации. Поступления от экологического сбора направляются на реализацию государственных программ в области обращения с отходами, на покрытие расходов по утилизации, а также на возмещение дефицита средств, поступающих в счет оплаты населением услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами, и на другие аналогичные по существу направления. Таким образом, данный платеж в будущем учитывать в налоговой нагрузке не следует.

II. Определение перечня неучитываемых налогов

Значительная доля налоговых платежей, поступления которых обоснованно считаются налоговыми доходами, определяется несложно. Вместе с тем не у всех налоговых платежей правовая природа однозначна. Речь идет о налогах и сборах за пользование природными ресурсами и о государственной пошлине, являющихся частью российской налоговой системы.

Налог на добычу полезных ископаемых используется в России в качестве механизма изъятия ресурсной ренты, но тем не менее входит в состав федеральных налогов. Его доля в ВВП, по данным за 2015 г., составляет крайне существенную величину — почти 4% — и потому ощутимо влияет на итоговое значение нагрузки на экономику. Поскольку недра в России, как отмечалось выше, принадлежат государству, платеж, который взимается с лица, осуществляющего добычу, квалифицируется как рента. Следовательно, поступления НДС учитываться в налоговой нагрузке не должны.

Регулярные платежи за добычу полезных ископаемых при выполнении соглашений о разделе продукции (роялти) прямо не обозначены в составе налогов и сборов РФ, но фактически входят в систему платежей в рамках соответствующего налогового режима и упоминаются в п. 7 ст. 346.35 НК РФ. Так как собственником недр остается государство, уплата роялти формирует не налоговые, но рентные доходы, которые не являются частью налоговой нагрузки.

Водный налог взимается наряду с платой за водопользование, причем основания для их уплаты в целом одинаковы. Но, в отличие от платы за использование водных ресурсов, данный платеж установлен налоговым законодательством, а его уплата производится по лицензии; при этом внесение платы по договору водопользования, который предусмотрен Водным кодексом РФ, отменяет необходимость уплаты водного налога. Вместе с тем лицензирование водопользования представляет собой устаревшую форму предоставления водных объектов в пользование и на сегодняшний день прекращено. С 1 января 2007 г. предоставление водных объектов в пользование и внесение за это платы осуществляются на основании договора. Уплата водного налога в этих условиях производится по остаточному принципу, т.е. актуальна для тех, у кого еще имеется соответствующая лицензия. В совокупности с тем, что лицензия также предусматривала заключение договора пользования водным объектом, платежи за использование внутренних водоемов признаются рентными. В связи с этим в налоговую сумму, соотносимую с ВВП, они не включаются.

К **сборам**, которые являются частью налоговой системы России, относятся:

- сборы за пользование объектами животного мира;
- сборы за пользование объектами водных биологических ресурсов;
- государственная пошлина.

Ресурсные сборы основаны на необходимости обложения промысла, а именно охоты

и рыболовства как деятельности налогоплательщика. Уплата государственной пошлины, в свою очередь, связана с совершением в отношении плательщика юридически значимых действий при его обращении в государственные органы, органы местного самоуправления, иные органы и (или) к должностным лицам. Эти события, определяющие необходимость уплаты сбора, отражены в его определении в ст. 8 НК РФ.

Сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов взимаются при осуществлении деятельности по добыче соответствующих ресурсов, а их ставки устанавливаются на единицу добытого ресурса. Обязанность по уплате данных сборов возникает у лиц

после получения разрешения на добычу. В силу того, что взимание рассматриваемых сборов непосредственно связано с добычей ресурсов, принадлежащих государству, а сами сборы рассчитываются по их количеству, поступления данных платежей невозможно отнести к налоговым доходам для целей расчета налоговой нагрузки по методологии как ОЭСР, так и МВФ.

По своему составу **государственная пошлина** неоднородна: перечень юридически значимых действий, за которые она взимается, связан в том числе с подачей в суды исковых заявлений, обращением к нотариусу за совершением нотариальных действий, государственной регистрацией актов гражданского состояния, совершением действий, связан-

Таблица 1
Поступления в консолидированный бюджет РФ учитываемых налогов, неналоговых платежей и нагрузка по ним (2015 г.)

№ п/п	Наименование платежа	В млрд. руб.	В % ВВП
1	Налог на прибыль организаций	2598,98	3,22
2	Налог на доходы физических лиц	2807,80	3,47
3	Налог на добавленную стоимость по операциям реализации на территории РФ	2448,54	3,03
4	Акцизы по товарам, производимым на территории РФ	1014,40	1,26
5	Налог на добавленную стоимость на товары, ввозимые на территорию РФ	1785,45	2,21
6	Акцизы по подакцизным товарам (продукции), ввозимым на территорию РФ	53,97	0,07
7	Налоги на совокупный доход	347,76	0,43
8	Налог на имущество физических лиц	30,30	0,04
9	Налог на имущество организаций	712,61	0,88
10	Транспортный налог	139,98	0,17
11	Налог на игорный бизнес	0,62	0,00
12	Земельный налог	185,13	0,23
13	Государственная пошлина (учитываемая часть)	36,72	0,05
I. Нагрузка по налогам		12 162,26	15,06
14	Таможенные пошлины	3354,30	4,15
15	Страховые взносы	5636,27	6,98
16	Плата за негативное воздействие на окружающую среду	26,79	0,03
II. Нагрузка по неналоговым платежам		9017,36	11,16
НАЛОГОВАЯ НАГРУЗКА (I+II)		21 179,62	26,22

Источник: Федеральное казначейство России (поступления), Росстат (ВВП)⁵.

⁵ ВВП = 80 804,31 млрд. руб. (в текущих ценах).

ных с приобретением гражданства РФ, государственной регистрацией юридического лица, индивидуального предпринимателя, транспортного средства. В этой связи государственную пошлину некорректно идентифицировать для целей расчетов налоговой нагрузки только с одной позиции – как налог или неналоговый платеж и, исходя из этого, полностью включать ее в расчеты или исключать из них всю сумму ее поступлений. Тем не менее нельзя не признать, что налоговые платежи в системе данных сборов очень тесно переплетены с административными платежами,

поступления которых не считаются налоговыми доходами государства.

У ОЭСР и МВФ налоговые платежи, связанные с обращением плательщика в государственные учреждения и к должностным лицам, идентифицируются на основе следующих критериев. Во-первых, чтобы считаться налоговым платежом, уплата сбора должна быть исключительно условием предоставления разрешений или лицензий на право владения имуществом или осуществления какой-либо деятельности, а не вообще всей совокупности юридически значимых действий. Во-вторых, упла-

Таблица 2
Поступления в консолидированный бюджет РФ неучитываемых налогов и платежей и нагрузка по ним (2015 г.)

№ п/п	Наименование платежа	В млрд. руб.	В % ВВП
1	Платежи при пользовании природными ресурсами – всего	171,57	0,2124
1.1	Платежи при пользовании недрами	45,57	0,0565
	в том числе:		
	разовые	43,84	0,0543
	регулярные	1,60	0,0020
	сборы	0,13	0,0002
1.2	Плата за пользование водными биологическими ресурсами по межправительственным соглашениям	1,73	0,0021
1.3	Плата за использование лесов	24,37	0,0302
1.4	Плата за пользование водными объектами	11,26	0,0139
1.5	Плата за предоставление рыбопромыслового участка (заключение договора о предоставлении рыбопромыслового участка), доходы от продажи права на заключение договора о закреплении долей квот добычи (вылова) водных биологических ресурсов и (или) договора пользования водными биологическими ресурсами	3,56	0,0044
1.6	Утилизационный сбор	84,72	0,1049
1.7	Доходы от продажи (предоставления) права на заключение охотхозяйственных соглашений	0,36	0,0004
2	Таможенные сборы	15,97	0,020
3	Госпошлина (не учитываемая часть)	101,57	0,126
4	Административные платежи и сборы	26,88	0,033
5	Платежи за пользование природными ресурсами – всего	3250,75	4,023
5.1	НДПИ	3226,83	3,993
5.2	Регулярные платежи за добычу полезных ископаемых (роялти) при выполнении соглашений о разделе продукции	19,13	0,024
5.3	Водный налог	2,55	0,003
5.4	Сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов	2,24	0,003
	НАГРУЗКА ПО НЕУЧИТЫВАЕМЫМ ПЛАТЕЖАМ	3566,74	4,41

Источник: Федеральное казначейство России (поступления), Росстат (ВВП).

та такого сбора не должна подразумевать осуществление государством каких-либо иных действий, оплачиваемых в стоимости сбора. Иными словами, если налогоплательщик стремится получать в России доход от предпринимательства и (или) использовать имущество (например, транспортные средства), уплата пошлины обязательна, как и для налогов в их чистом виде.

Отсюда поступления государственной пошлины должны учитываться, но выборочно в зависимости от основания уплаты. В качестве учитываемых оснований уплаты государственной пошлины следует выделить прежде всего: государственную регистрацию юридического лица, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей; лицензирование отдельных видов деятельности; государственную регистрацию транспортных средств; за предоставление разрешения на добычу объектов животного мира и разрешения на добычу (вылов) водных биологических ресурсов.

III. Оценка налоговой нагрузки

Состав платежей, которые необходимо учитывать при расчете налоговой нагрузки на экономику Российской Федерации, и расчет итогового значения данного показателя за 2015 г. представлены в табл. 1.

Исходя из представленных в табл. 1 данных налоговая нагрузка составляет 26,22%. В струк-

туре данного значения можно выделить нагрузку непосредственно по налогам, которые признаны таковыми на уровне законодательства, — 15,06%; и нагрузку по иным обязательным неналоговым платежам, которые приравниваются к налогам для получения объективных и сопоставимых данных, — 11,16%.

В то же время следует понимать, что оценка налоговой нагрузки зависит от тех целей, которые ставятся в конкретных расчетах, и от тех значений нагрузки, которые ожидается получить. Если во главу угла ставится сопоставимость данных, необходимо опираться на единые правила оценки. Но одновременно это не отменяет целесообразности расчета нагрузки по иным платежам, которые не вошли в состав налоговой нагрузки, для получения наиболее полной картины о сложившемся уровне нагрузки в экономике. (См. табл. 2.) Полнота данных обеспечивает более широкие возможности для анализа экономической ситуации в целом и по сферам уплаты отдельных платежей в частности.

Несмотря на многообразие неналоговых платежей, которые не учитываются, основную часть нагрузки, как видно из табл. 2, формируют платежи за пользование природными ресурсами, внутри которых наибольший вклад в итоговое значение нагрузки обеспечивают нефтегазовые доходы федерального бюджета от поступлений налога на добычу полезных ископаемых. ■

РАСЧЕТ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НАЛОГОВОЙ НАГРУЗКИ И ЕЕ ВЛИЯНИЯ НА РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ В ОТРАСЛЯХ ЭКОНОМИКИ

Андрей КОРЫТИН

Научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. E-mail: korytin-av@ranepa.ru

Светлана ШАТАЛОВА

Заведующий лабораторией исследований налоговой политики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. E-mail: shatalova@ranepa.ru

В работе представлены результаты поиска оптимального показателя налоговой нагрузки на предприятия и расчета средней налоговой ставки налогов на организации по отраслям экономики на основе статистических данных. Проведены сравнение данного показателя между отраслями, а также его сопоставление с рентабельностью и сделана оценка относительного уменьшения рентабельности в результате налогообложения.

Ключевые слова: налоговая нагрузка, средняя налоговая ставка, рентабельность.

Введение

Бюджетно-налоговая политика является важнейшим инструментом воздействия государства на экономику. Налоговая теория и практика показывают, как фирмы, потребители и инвесторы изменяют свой экономический выбор в зависимости от применяемого режима налогообложения. Государство своей политикой пытается компенсировать проблемы, возникающие на рынке, но избыточное налоговое бремя само по себе может приводить к снижению экономической эффективности. Поэтому измерение налоговой нагрузки в экономике представляется важной задачей.

Необходимость усиления конкурентоспособности национальной экономики в глобальной экономической системе стимулирует повышенное внимание к вопросу налоговой нагрузки на предприятия как к одному из ключевых факторов, определяющих инвестиционную привлекательность той или иной страны¹. В современном мире капитал наиболее мобилен по сравнению с трудом и потреблением, поэтому нежелательно формирование условий, при которых у него (т.е. у фирм и инвесторов) возникает весомый стимул перемещаться в юрисдикции с низкими налогами.

Именно в связи с этим измерение налоговой нагрузки на предприятия является главной целью нашего исследования.

На принятие инвестиционных решений влияет не столько непосредственно уровень налогов, сколько вызванное им снижение рентабельности бизнеса. Очевидно, здесь имеются сильные межотраслевые различия, подводя нас к необходимости выполнения расчета показателей налоговой нагрузки и сопоставления их с рентабельностью в отраслевом разрезе российской экономики.

Средняя налоговая ставка и ее расчет по отраслям экономики

Измерение налоговой нагрузки как отношение налоговых сборов к ВВП в данном случае не позволит решить поставленную задачу, поскольку такой показатель не только недостаточно информативен, но и не учитывает особенностей налоговой системы, структуру экономики и тем самым не дает возможности измерить ту налоговую нагрузку, которая ложится на предприятия.

Для этого необходим расчет средней налоговой ставки (average tax rate – *ATR*), которая применяется для детальной оценки нало-

¹ Development. Working Party on Tax Policy Analysis, and Tax Statistics. Tax Burdens: Alternative Measures. No. 2. Canongate US, 2000.

гового бремени по факторам производства и отдельным налоговым агентам. Есть и более совершенные методы оценки налогового бремени, однако *ATR* представляет собой наиболее точный показатель, который можно вычислить, используя доступные российские данные. Средние эффективные ставки *ATR* налогов на организации могут быть рассчитаны как отношение налоговых сборов к величине доналогового излишка фирмы².

Данный подход позволяет оценить, как налоговое бремя распределяется между гражданами и корпорациями, трудом и капиталом и как это распределение меняется со временем. Таким образом, значения средних эффективных ставок налога намного точнее показывают структуру налоговой нагрузки, чем простое отношение налоговых сборов к ВВП, и поэтому способны послужить более надежной основой для осмысленных политических решений.

Для расчета показателей были использованы следующие базы данных: финансовые показатели предприятий в разрезе отраслей по ОКВЭД-2001³ Росстата, статистические формы ФНС по налоговым сборам в отраслевом разрезе, данные Федерального казначейства о поступлении страховых взносов, а также микроданные СПАРК-Интерфакс бухгалтерского учета по предприятиям.

В качестве меры доналогового излишка был выбран показатель *EBIT*, т.е. прибыль до уплаты налогов и выплаты процентов, к которому были добавлены помимо налога на прибыль и налоги, учитываемые в расходах, кроме косвенных налогов.

Страховые отчисления с фонда оплаты труда также принято относить к налогам на предприятия. Однако ввиду привязки страховых взносов к работникам эти платежи лишь уве-

личивают стоимость рабочей силы и не должны оказывать заметного влияния на доходность капитала фирмы. Поэтому уровень налоговой нагрузки на предприятия более адекватно показывает *ATR* без учета страховых взносов:

$$ATR = \frac{\text{Налоги на организации}^4}{\text{EBIT} - \text{НПО} + \text{Налоги на организации}}$$

где *НПО* — налог на прибыль организаций. Его следует вычесть, поскольку он включен в сумму налогов на организации.

Результаты расчета налоговой нагрузки в отраслевом разрезе по данной формуле представлены в табл. 1.

Отметим, что основным налоговым платежом нефтегазового сектора является налог на добычу полезных ископаемых (82%), в то время как основной платеж всех остальных секторов экономики — налог на прибыль (60%). В сельском хозяйстве, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды, гостиничном бизнесе и транспорте велика доля региональных налогов (на имущество организаций и транспортного — до 50%), а в сельском хозяйстве — еще и земельного (20–25%).

Уменьшение налога на прибыль в 2009 г. привело к снижению налоговой нагрузки на предприятия, но затем рост других налогов частично его компенсировал. Падение *ATR* в 2015 г. было обусловлено переносом на этот период значительных убытков 2014 г. как подтверждение необходимости учитывать деловой цикл для последующего анализа.

Одних значений *ATR* недостаточно для вывода об изменении поведения фирм в результате налогообложения — необходимо также исследовать уровень рентабельности, что и предпринято ниже.

² Mendoza, E. G., Razin, A., & Tesar, L. L. (1994). Effective tax rates in macroeconomics: Cross-country estimates of tax rates on factor incomes and consumption // *Journal of Monetary Economics*. 34(3). Pp. 297–323.

³ Постановление Госстандарта России от 06.11.2001 № 454-ст (ред. от 31.03.2015) «О принятии и введении в действие ОКВЭД» (вместе с «ОК 029-2001 (КДЕС Ред. 1). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности»).

⁴ К ним относятся: налог на прибыль организаций, налоги и сборы за пользование природными ресурсами (в том числе НДС), региональные и местные налоги и сборы, а также налоги, предусмотренные специальными режимами.

Таблица 1
Средняя налоговая нагрузка на предприятия по отраслям в 2007–2015 гг., в %

Отрасль	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Всего	48,1	55,7	38,0	39,7	41,2	42,3	42,4	41,5	38,3
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	16,9	16,0	13,3	13,0	12,1	10,8	11,7	8,2	7,3
Рыболовство, рыбоводство	62,6	47,2	27,1	27,5	26,2	20,5	20,5	18,3	11,9
Добыча полезных ископаемых	67,0	71,5	56,6	57,3	59,1	61,3	62,3	53,4	57,3
в том числе:									
добыча сырой нефти и природного газа	69,9	76,4	59,6	62,4	64,6	65,4	64,9	55,6	60,0
добыча ненефтегазовых ископаемых	35,6	31,7	29,7	25,1	26,7	28,8	32,4	26,0	29,9
Обрабатывающие производства	31,1	36,1	22,1	25,5	25,9	24,0	24,3	24,9	22,4
в том числе:									
производство пищевых продуктов и табака	35,2	30,4	22,3	24,5	24,9	24,1	23,6	21,8	21,3
текстильное и швейное производство	45,1	45,5	35,4	36,0	31,4	31,5	30,5	33,8	31,0
обработка древесины и производство изделий из дерева	38,1	49,0	43,9	28,3	33,1	28,2	28,6	29,7	26,9
целлюлозно-бумажное производство и полиграфия	38,1	46,5	29,6	30,8	32,5	32,3	35,4	30,8	23,6
производство кокса и нефтепродуктов	27,1	25,8	17,5	19,9	17,8	13,5	11,0	13,2	13,0
химическое производство	30,8	38,0	25,4	24,6	23,6	21,7	25,2	23,0	20,0
производство резиновых и пластмассовых изделий	29,8	37,3	27,3	26,0	25,7	24,9	26,8	27,2	23,1
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	32,1	38,5	29,8	30,6	30,5	26,1	28,4	26,9	26,1
металлургическое производство	28,7	39,3	11,3	24,9	29,0	23,3	25,5	30,5	21,9
производство машин и оборудования	36,6	38,6	30,4	28,7	29,8	31,2	27,8	27,4	25,1
производство электрооборудования	37,8	42,7	35,3	34,2	32,3	34,6	34,4	33,9	33,7
производство транспортных средств	26,1	36,3	18,7	23,2	23,9	23,3	22,5	22,3	25,6
прочие производства	48,1	48,1	37,6	37,9	35,5	34,0	32,5	33,9	32,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	49,9	53,0	34,9	22,7	32,5	31,0	27,5	27,2	26,0
Строительство	49,8	52,6	42,7	44,6	44,2	40,4	39,8	36,5	32,1
Оптовая и розничная торговля	27,0	36,9	17,3	23,4	18,6	30,1	26,8	33,9	24,5
в том числе:									
торговля автотранспортом	45,5	51,0	33,4	25,2	27,6	29,0	29,3	22,5	17,6
оптовая торговля	21,3	31,7	12,8	19,1	14,7	28,0	24,0	34,0	22,8
розничная торговля	62,1	61,2	52,6	52,9	47,9	46,4	42,6	40,1	38,1
Гостиницы и рестораны	48,1	70,0	59,2	58,7	63,0	48,7	51,1	56,2	58,5
Транспорт и связь	37,6	45,1	36,1	34,5	34,3	33,2	28,5	30,1	28,4
в том числе									
транспорт	36,1	46,9	39,9	34,5	36,7	34,8	30,8	31,9	30,8
связь	40,8	42,0	29,0	34,4	28,5	28,9	23,8	23,9	21,0
Финансовая деятельность	32,0	51,0	36,9	31,4	44,0	37,1	35,0	40,7	21,1
Операции с недвижимостью, аренда и предоставление услуг	58,9	68,9	42,5	45,6	48,0	35,0	39,7	32,4	34,7

Источник: СПАРК-Интерфакс, ФНС.

Сравнение налоговой нагрузки и рентабельности

Сравнение налоговой нагрузки и рентабельности по отраслям должно помочь выявить виды экономической деятельности, наиболее уязвимые с точки зрения налогообложения. Ставится задача найти такой показатель рентабельности, который отражал бы норму доходности инвестиций в разные виды деятельности. Очевидно, что такой показатель должен быть привязан к одному периоду: норма доходности финансового актива равна $X\%$ за период, если 100 ед. вложений в начале периода приносят X ед. дохода к его концу.

Возможно рассмотрение разных показателей рентабельности, но, например, рентабельность активов может неточно отражать прибыльность отрасли, поскольку не учитывает степень использования основных средств. В связи с этим предлагается использовать рентабельность продаж. Однако следует сделать поправку на то, что норма доходности за год от вида деятельности, ежемесячно приносящего маржу в 10% , составит 214% ($= 1,1^{12} - 1$). Способ, которым было получено значение 214% из величины 10% , позволяет вывести следующую формулу для расчета искомой рентабельности издержек RR :

$$RR = \left(\frac{\text{Выручка}}{\text{Издержки}} \right)^{\text{Число оборотов}} = \\ = (\text{Рентабельность продаж} + 1)^{\text{К-т оборачиваемости}} - 1,$$

где для определения коэффициента оборачиваемости используется исправленная оборачиваемость активов, которая показывает, сколько раз среднегодовое значение оборотных активов OA (денежных средств, запасов сырья, финансовых вложений) укладывается в сумму выручки. Если бы выручка складывалась из равных сумм оборотных активов, получаемых на каждой итерации, то коэффициент оборачиваемости OA равнялся бы числу производственных циклов.

$$\text{К-т оборачиваемости } OA = \\ = \frac{\text{Выручка за год}}{\text{Оборотные активы} - \text{Фин. вложения}}.$$

Другой возможный показатель оборачиваемости — коэффициент оборачиваемости запасов — не используется, поскольку предварительный анализ показывает завышение оборачиваемости запасов в отдельных отраслях, из-за чего и рентабельность в этих отраслях может искусственно завышаться.

На основании приведенных формул были рассчитаны показатели до- и посленалоговой рентабельности, а также относительное уменьшение рентабельности в результате налогообложения (которое можно считать приближением к предельной эффективной налоговой ставке $METR$) по отраслям в 2014 г. Эти значения представлены в табл. 2, в которой (для сравнения) приведены также показатели ATR .

Табл. 2, путем сравнения до- и посленалоговой рентабельности, позволяет оценить, насколько тяжелым является налоговое бремя в каждой отрасли и как это может повлиять на инвестиции в нее. Доналоговая рентабельность была рассчитана в предположении, что прибыль без необходимости уплаты налогов была бы выше на величину налоговых платежей.

Из таблицы, в частности, видно, что, несмотря на высокий уровень налогов в нефтегазовой отрасли, ее посленалоговая рентабельность остается достаточно значительной для сохранения повышенной инвестиционной привлекательности относительно других отраслей. Напротив, в машиностроении и строительстве и так невысокая рентабельность падает до еще более низких значений, что делает инвестирование в данные отрасли весьма проблематичным.

Для большей наглядности результаты расчетов отображены на рисунке.

Выводы

В настоящей работе показан пример того, как на основе доступных данных и выбранной ме-

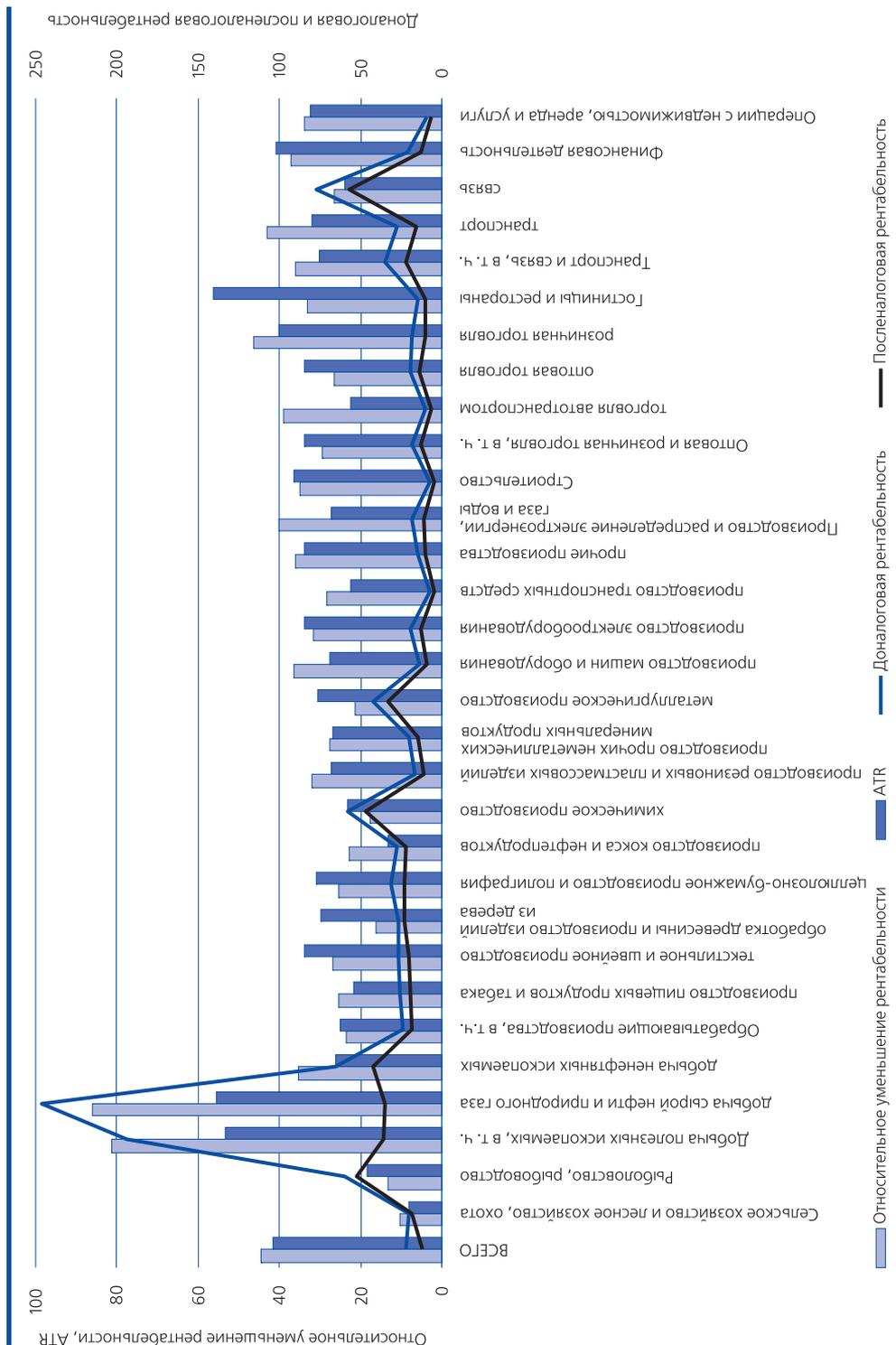
Таблица 2

Рентабельность до и после уплаты организациями налогов, относительное уменьшение рентабельности и *ATR* по отраслям (2014 г.), в %

Отрасль	Рентабельность до уплаты налогов	Рентабельность после уплаты налогов	Уменьшение рентабельности	<i>ATR</i>
Всего	22	12	44,6	41,5
Сельское и лесное хозяйство, охота	20	18	10,4	8,2
Рыболовство, рыбоводство	60	52	13,4	18,3
Добыча полезных ископаемых	194	36	81,4	53,4
в том числе:				
добыча сырой нефти и природного газа	246	35	85,9	55,6
добыча ненефтегазовых ископаемых	65	42	35,2	26,0
Обрабатывающие производства	24	18	23,7	24,9
в том числе:				
производство пищевых продуктов и табака	26	19	25,3	21,8
текстильное и швейное производство	27	20	26,7	33,8
обработка древесины и производство изделий из дерева	27	23	16,3	29,7
целлюлозно-бумажное производство и полиграфия	31	23	25,4	30,8
производство кокса и нефтепродуктов	28	22	22,8	13,2
химическое производство	58	47	17,7	23,0
производство резиновых и пластмассовых изделий	17	11	31,9	27,2
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	20	15	27,4	26,9
металлургическое производство	42	33	21,2	30,5
производство машин и оборудования	14	9	36,4	27,4
производство электрооборудования	19	13	31,7	33,9
производство транспортных средств	7	5	28,3	22,3
прочие производства	15	10	36,2	33,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	18	11	40,0	27,2
Строительство	7	5	34,8	36,5
Оптовая и розничная торговля	18	13	29,3	33,9
в том числе:				
торговля автотранспортом	10	6	39,1	22,5
оптовая торговля	19	14	26,3	34,0
розничная торговля	18	10	46,2	40,1
Гостиницы и рестораны	15	10	33,1	56,2
Транспорт и связь	35	22	36,1	30,1
в том числе:				
транспорт	28	16	42,9	31,9
связь	77	57	26,4	23,9
Финансовая деятельность	21	13	37,1	40,7
Операции с недвижимостью, аренда и предоставление услуг	9	6	33,7	32,4

Источник: Росстат, ФНС, расчеты авторов.

Относительное уменьшение рентабельности и АТР по отраслям (2014 г.), в %

тодики расчета *ATR* можно вычислить показатели налоговой нагрузки в отраслевом разрезе для оценки влияния налогообложения на рентабельность предприятий той или иной отрасли.

Уровень налоговой нагрузки, измеренный как средняя налоговая ставка *ATR*, в отраслевом разрезе сильно различается. Неодинаково и относительное уменьшение рентабельности в результате налогообложения. Например,

нефтегазовая рента изымается достаточно эффективно, но в некоторых отраслях уровень налогов не соответствует рентабельности. Нефтехимия, металлургия, связь и рыболовство показывают очень высокую посленалоговую рентабельность. Эффективная промышленная политика должна учитывать этот дисбаланс, и выполненное исследование представляет инструмент для принятия решений в этой области. ■

Социальная сфера

ТЕКУЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС)¹

Александра БУРДЯК

Старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. E-mail: aleksandra.burdyak@gmail.com

Дмитрий ЛОГИНОВ

Старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук. E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Татьяна МАЛЕВА

Директор Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук, д-р делового администрирования (ДДА). E-mail: maleva-tm@ranepa.ru

Александра ПОЛЯКОВА

Ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, д-р экон. наук. E-mail: agpolyakova@mail.ru

При неизменном уровне безработицы численность рабочей силы в феврале 2017 г. снизилась по сравнению с январем — в равной степени как за счет сокращения числа занятых, так и безработных. Итогом 2016 г. стал дальнейший рост доли занятых в неформальном секторе в продолжение тренда, сложившегося на российском рынке труда после кризиса 2008–2010 гг.

Реальные располагаемые денежные доходы населения в феврале 2017 г. сократились на 4,1%, реальный размер назначенных пенсий — на 0,6%, а реальная начисленная заработная плата выросла на 1,3% относительно февраля 2016 г. Как и в предыдущем месяце, инфляция продолжала оставаться рекордно низкой, особенно по продовольственным товарам. По сравнению с мартом предыдущего года снизилась концентрация рисков в сфере занятости, к которым относятся опасения работников по поводу сокращения и задержек оплаты труда, сокращения рабочего времени и увольнений. Стабильнее всего чувствуют себя на рынке труда работники с высшим образованием.

Ключевые слова: уровень жизни, рынок труда, доходы населения, социальное самочувствие.

Макроэкономические показатели текущей экономической ситуации и рынок труда

В феврале 2017 г. произошло снижение объемов промышленного производства до 97,3% от величины аналогичного периода предыдущего года и до 99,4% в сравнении с январем 2017 г.². За два первых месяца текущего года объем промышленного производства в натуральном выражении практически соответство-

вал показателю 2016 г. — индекс роста составил 99,7%.

В разрезе видов экономической деятельности динамика была неравномерной. В обрабатывающих производствах в феврале 2017 г. произошло снижение объемов выпуска (94,9%) по сравнению с февралем 2016 г., хотя по отдельным продуктам был отмечен значительный рост: производство одежды выросло на 6,2%, машин и оборудования — на 9,0%,

¹Расширенная версия опубликована онлайн на сайте ИНСАП РАНХиГС [<http://www.ranepa.ru/social/informatsionno-analiticheskij-byulleten/>]: Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. — март 2017 г. / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; под ред. Т.М. Малевой. 2017.

²Информация о социально-экономическом положении России. Январь-февраль 2017 г.: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/info/oper-02-2017.pdf. С. 4.

бумаги и бумажных изделий – на 14,9%. Показательно снижение выпуска продовольствия на 2,5%³, соразмерное сокращению объемов розничной торговли (на 2,6%)⁴.

Динамика объемов кредитования российских предприятий и индивидуальных предпринимателей была неоднозначной. Так, объем кредитов, выданных российскими банками нефинансовым организациям, в 2016 г. увеличился на 3,9% по сравнению с итогом 2015 г., когда их падение составило 11,1% к предшествующему году. При этом в 2016 г. объем кредитов, выданных в рублях, увеличился на 8,0%, тогда как объемы кредитов, выданных в иностранной валюте, сократились по сравнению с 2015 г. на 24,9%.

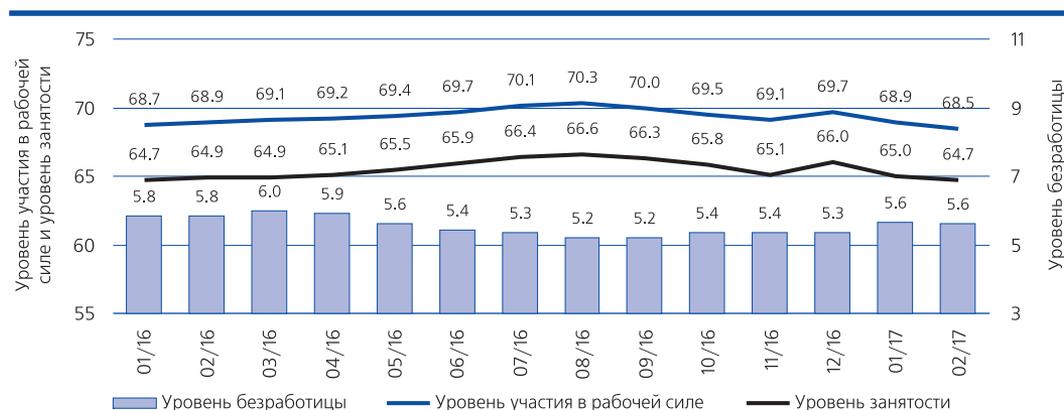
Численность рабочей силы в феврале 2017 г. снизилась по сравнению с январем на 430 тыс. человек. Падение было вызвано как уменьшением числа занятых (на 368 тыс. человек), так и безработных (на 62 тыс. человек). В результате уровень безработицы (по методологии МОТ) уже второй месяц подряд остается практически неизменным и составляет 5,6%,

что на 0,2 п.п. ниже, чем в январе-феврале прошлого года. С другой стороны, средняя продолжительность поиска работы безработными продолжает увеличиваться: с 7,6 месяца в феврале прошлого года до 7,7 месяца в феврале текущего. При этом доля ищущих работу в течение 12 месяцев и более выросла с 29,1 до 30,9%. Таким образом, в составе безработных «оседают» те, чьи шансы найти работу минимальны. Численность зарегистрированных безработных на конец февраля 2017 г. составила 927 тыс. человек, что на 13,3% меньше, чем в соответствующем месяце прошлого года. (См. рис. 1.)

В феврале 2017 г. среднемесячная заработная плата, по предварительным данным Росстата, составила 35 900 руб. Наблюдающийся последние три месяца рост заработных плат замедлился; в реальном выражении заработные платы выросли по сравнению с февралем прошлого года на 1,3%.

Новые данные Росстата за четвертый квартал 2016 г., опубликованные в конце марта⁵, позволяют подробнее проанализировать об-

Рис. 1. Уровни участия в рабочей силе, занятости и безработицы в 2016 и 2017 гг., в %

Источник: Социально-экономическое положение России / Росстат. Серия докладов за 2016–2017 гг.

³ Информация о социально-экономическом положении России. Январь-февраль 2017 г.: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/info/oper-02-2017.pdf. С. 10.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Обследование рабочей силы / Росстат: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766

щую ситуацию на рынке труда в прошлом году. Доля занятых, работающих только в неформальном секторе, выросла с 18,7% в 2015 г. до 19,1% в 2016 г. Этот рост соответствует общему тренду, сложившемуся на российском рынке труда после кризиса 2008–2010 гг.

В отличие от предыдущих периодов рост занятости в неформальном секторе в первую очередь происходил за счет увеличения численности индивидуальных предпринимателей, фермеров без образования юридического лица, самозанятых (рост за год на 7,0%), а не за счет лиц, работающих у этих категорий по найму (рост на 1,3%). Исследования показывают, что работа по найму в неформальном секторе характерна для наиболее уязвимых низкооплачиваемых групп населения, которые не могут найти работу в формальном секторе⁶. В то же время работающие не по найму в неформальном секторе по многим характеристикам мало отличаются от формально занятых, а зарабатывают даже больше. Таким образом, подобные изменения можно расценивать как позитивные.

Недавно введенный в официальную статистику Росстата и рассчитанный ретроспективно с 2010 г. показатель численности потенциальной рабочей силы⁷ после небольшого роста в 2015 г. продемонстрировал снижение в 2016 г. Численность этой группы в 2016 г. составила 1,2 млн. человек, а совокупный показатель безработицы и потенциальной рабочей силы составил 7,0% (против 7,2% в 2015 г.).

Помимо этого в 2016 г. впервые в официальной статистике были сделаны оценки ряда групп населения, занятых трудовой деятельностью, но не включенных в основную группу занятых. В их число в первую очередь входят занятые трудовой деятельностью по производству товаров для собственного использования

– их доля в совокупной численности населения в возрасте 15–72 лет составляет 18,4%, а среди лиц в возрасте 60–72 лет – 25%. Размеры других групп значительно меньше: волонтеров (занятых необязательной трудовой деятельностью, выполняемой безвозмездно в интересах других лиц) – 1,3%, стажеров (занятых безвозмездной трудовой деятельностью при прохождении профессионально-технической подготовки) – 0,1%. И тех, и других существенно больше среди молодежи, но даже среди 15–19-летних их доля не превышает 2%.

В целом новые данные по рынку труда за 2016 г. и февраль 2017 г. скорее подтверждают тезис о сложившейся в экономике ситуации негативной стабилизации.

Доходы населения, цены и розничная торговля

В феврале 2017 г. реальные располагаемые денежные доходы населения сократились по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. на 4,1%, а реальный размер назначенных пенсий – на 0,6%. При этом реальная начисленная заработная плата возросла по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. на 1,3%⁸. Таким образом, рост реальных доходов населения и пенсий, наблюдавшийся в январе 2017 г. и обусловленный единовременной выплатой пенсионерам⁹, сменился их падением.

По сравнению с соответствующим периодом предыдущего года в феврале 2017 г. в структуре использования денежных доходов населения увеличилась доля денежных доходов, использованных на покупку товаров и услуг (с 70,0 до 71,5%) и оплату обязательных платежей и взносов (с 10,8 до 11,8%). При этом по сравнению с февралем предыдущего года в феврале текущего существенно уменьшилась доля доходов, использованных на формиро-

⁶ В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / Под общ. ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. – М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014.

⁷ В эту категорию входят те, кто: а) ищет работу, но не готов приступить к работе или б) не ищет работу, но готов приступить к работе.

⁸ Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации. Декабрь 2016 г. / Росстат.

⁹ Гришина Е. Доходы и уровень бедности населения: текущие тренды // Экономическое развитие России. 2017. № 5.

вание сбережений (с 15,3 до 11,3%), в том числе сбережений во вкладах и ценных бумагах (с 9,4 до 7,3%). (См. табл. 1.)

Тем не менее положительная тенденция роста сбережений населения на банковских депозитах сохраняется¹⁰: объем средств на счетах населения на 01.03.2017 г. составил 24 143,7 млрд. руб., что на 4,6% выше значения на аналогичную дату предыдущего года. При этом вклады в рублях за указанный период увеличились на 14,6% (до 18 547,4 млрд. руб.), а вклады в иностранной валюте сократились на 18,9%, в том числе с начала 2017 г. — на 4,0%. Базовая доходность банковских вкладов, размещенных на период более одного года, в апреле 2017 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года снизилась с 11,14 до 9,34% годовых в рублях и с 3,375 до 2,282% годовых в долларах США¹¹.

Одной из причин негативной динамики объемов валютных вкладов стало укрепление рубля, наблюдавшееся в течение 2016 г., особенно во второй его половине. В результате совокупный спрос на иностранную валюту за январь-

февраль 2017 г. сократился на 15,9% по сравнению с аналогичным периодом 2016 г., несмотря на то что объем купленной и полученной по конверсии валюты увеличился на 30,5%¹². Объем валюты, снятой с валютных счетов, за два первых месяца 2017 г. снизился на 38,5% — до 4213 млн. долл., при этом объем проданной и сданной на конверсию наличной иностранной валюты за тот же период был в два раза меньше (2108 млн. долл.). Совокупное предложение иностранной валюты также сократилось по сравнению с январем-февралем 2016 г. — на 28,0%; количество проданной и зачисленной на валютные счета иностранной валюты сократилось на 33,6 и 24,7% соответственно.

Задолженность населения по кредитам на 01.03.2017 г. составила 10 740 млрд. руб., что на 1,6% выше значения, зафиксированного годом ранее. На долю ипотечных жилищных кредитов приходится 41,9% указанной суммы; темп их прироста за последние 12 месяцев составил 10,5%. За январь-февраль 2017 г. объемы выдачи ипотечных жилищных кредитов снизились по сравнению с аналогичным пе-

Таблица 1
Структура использования денежных доходов населения в феврале 2010–2017 гг., в %

Период	Покупка товаров и оплата услуг	из них		Оплата обязательных платежей и взносов	Сбережения	из них во вкладах и ценных бумагах	Покупка валюты	Прирост/уменьшение (-) денег на руках
		покупка товаров	оплата услуг					
Февраль 2010 г.	66,7	50,4	15,4	9,2	18,3	9,8	2,8	3,0
Февраль 2011 г.	70,3	52,9	16,3	9,7	14,7	7,3	3,4	1,9
Февраль 2012 г.	72,9	55,4	15,9	10,2	11,1	6,2	5,4	0,3
Февраль 2013 г.	70,2	52,5	16,0	11,5	13,7	9,8	3,3	1,3
Февраль 2014 г.	72,7	54,2	16,2	12,1	8,1	3,0	5,7	1,4
Февраль 2015 г.	69,1	51,8	15,3	11,0	17,7	7,3	3,6	-1,4
Февраль 2016 г.	70,0	52,3	15,8	10,8	15,3	9,4	2,8	1,1
Февраль 2017 г.	71,5	53,2	16,0	11,8	11,3	7,3	3,4	2,0

Источник: Социально-экономическое положение России / Росстат. Серия докладов за 2010–2017 гг.

¹⁰ Аврамова Е., Бурдяк А. и др. Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. — август 2016 г. / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; под ред. Т.М. Малевой. М., 2016: <http://www.ranepa.ru/social/informationno-analiticheskij-byulleten>

¹¹ Базовый уровень доходности вкладов / Банк России: <http://cbr.ru/analytics/?PrId=budv>

¹² Рассчитано по: Обзор основных показателей, характеризующих состояние внутреннего рынка наличной иностранной валюты / Банк России: <http://cbr.ru/analytics/?PrId=bknsyst>

риодом предыдущего года на 14,7%, причем наибольшее снижение имело место в феврале – на 27,6%.

Совокупный объем переводов денежных средств физическими лицами в 2016 г. сократился по сравнению с предыдущим годом на 11,9%, в первую очередь в результате снижения объемов переводов внутри страны (на 13,7%), доля которых в 2016 г. составила 93,3%. Существенный рост (на 25,2%, или на 47,2 млрд. руб.) отмечен в части объемов переводов денежных средств за рубеж в пользу физических лиц¹³.

Объем операций, совершенных в 2016 г. физическими лицами с использованием платежных карт, увеличился по сравнению с 2015 г. на 16,1%, тогда как в части оплаты товаров и услуг рост составил 36,9%. С учетом увеличения на конец 2016 г. количества карт до 253,2 млн. шт. (на 10,2 млн. шт. за 2016 г.) средний объем операций, приходящихся на одну карту, вырос с 135,7 до 151,1 тыс. руб. (на 11,4%)¹⁴.

В феврале 2017 г. продолжился спад оборота розничной торговли: в сопоставимых ценах он относительно того же месяца предыдущего года уменьшился на 2,6%, что вместе со значением в -2,5% за январь-февраль свидетельствует о замедлении темпов падения данного показателя в текущем году (год назад его значения составляли -4,7% за февраль и -5,5% за январь-февраль¹⁵). В структуре розничных продаж в рассматриваемый период 48,8% приходилось на продовольственные товары и 51,2% – на непродовольственные (в феврале 2016 г. доля продовольственных товаров достигла рекордных 50,0% розничной торговли товарами, что тогда вызвало оживленную дис-

куссию в прессе). Объем розничных продаж пищевых продуктов, включая напитки и табачные изделия, к аналогичному месяцу предыдущего года снизился на 4,7%, оборот торговли непродовольственными товарами сократился на 0,6%.

В качестве влияющих факторов здесь могли выступить: а) високосный год (в 2016 г. февраль был на один день длиннее) и б) разное количество выходных дней (в 2017 г. дополнительный выходной был перенесен с января на февраль).

За два года – с февраля 2015 г. по февраль 2017 г. – оборот розничной торговли в сопоставимых ценах уменьшился на 7,2%, в том числе на 7,7% по продовольственным и на 6,7% – по непродовольственным товарам¹⁶. Накопленное за три года – с февраля 2014 г. по февраль 2017 г. – снижение составило здесь 14,0%. Объем продаж продовольственных товаров населению сократился за этот период на 14,8% в сопоставимых ценах, продажи непродовольственных товаров уменьшились на 13,6%.

Вместе с тем скорость роста относительно аналогичного месяца предыдущего года как потребительских цен в целом, так и цен на продовольственные товары и на услуги в марте 2017 г. оказалась самой низкой за 2013–2017 гг. В годовом выражении (март 2017 г. к марту 2016 г.) потребительские цены выросли на 4,3%¹⁷, в том числе цены на продовольственные товары стали выше на 3,5%, на непродовольственные – на 5,1%, на услуги – на 4,2%. (См. рис. 2.)

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 30 марта 2017 г. № 352 «Об

¹³ Структура переводов денежных средств без открытия банковского счета плательщика – физического лица / Банк России: http://cbr.ru/statistics/p_sys/print.aspx?file=sheet008.htm&pid=psrf&sid=ITM_12938

¹⁴ Операции, совершенные на территории России и за ее пределами с использованием платежных карт, эмитированных кредитными организациями, по видам клиентов / Банк России: http://cbr.ru/statistics/p_sys/print.aspx?file=sheet014.htm&pid=psrf&sid=ITM_33777

¹⁵ Социально-экономическое положение России. Январь-февраль 2017 г. / Росстат: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/social/osn-02-2017.pdf

¹⁶ Социально-экономическое положение России / Росстат. Серия докладов за 2006–2017 гг.

¹⁷ Об индексе потребительских цен в марте 2017 года / Росстат: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/67.htm

установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за IV квартал 2016 г.» величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации за четвертый квартал 2016 г. на душу населения составила 9691 руб., трудоспособного населения – 10 466 руб., пенсионеров – 8000 руб., детей – 9434 руб. По сравнению с третьим кварталом 2016 г. прожиточный минимум сократился на 2%, что обусловлено снижением цен на отдельные виды плодоовощной продукции, входящие в состав прожиточного минимума.

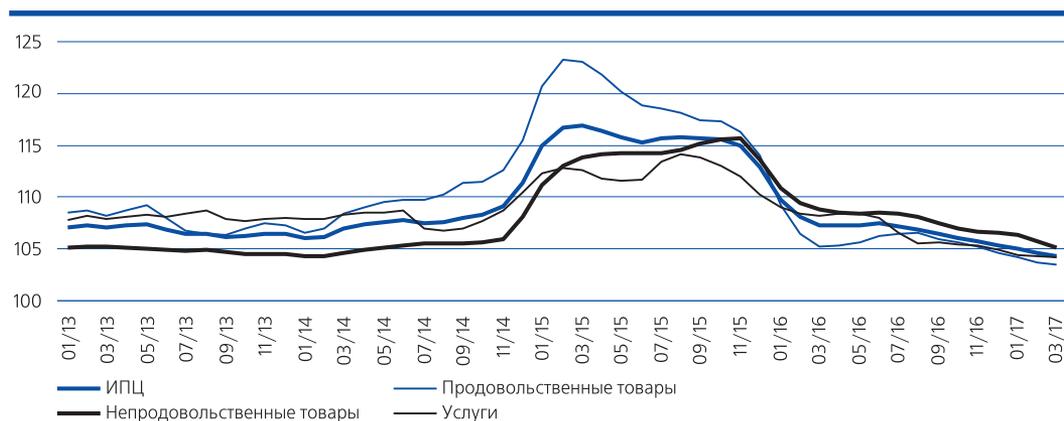
Так, например, по сравнению с третьим кварталом 2016 г. в четвертом квартале этого же года цены на картофель снизились на 21,5%, на капусту белокочанную – на 27,7%, морковь – на 25,3%, лук репчатый – на 22,1%, яблоки – на 14,3%. В целом за 2016 г. цены на капусту, морковь и картофель снизились по сравнению с предыдущим годом на 21–22%, в то время

как цены на все продукты питания возросли на 5,4%, а цены на все товары и услуги – на 7,1%. (См. рис. 3.) При этом цены на картофель снижаются уже второй год подряд: если по сравнению с 2013 г. цены на продукты питания в целом в 2016 г. выросли на 40,2%, то на картофель они снизились на 7,9%. Таким образом, динамика цен на картофель существенно отличалась от динамики цен на остальные виды овощей и продукты питания в целом.

О влиянии низкой инфляции на активность потребителей и на розничную торговлю можно судить по индексу потребительской уверенности (Росстат)¹⁸, который рассчитывается по методике Европейской комиссии как среднее арифметическое значение пяти компонент:

- произошедших изменений личного материального положения,
- ожидаемых изменений личного материального положения,
- произошедших изменений экономической ситуации в России,

Рис. 2. Совокупный индекс потребительских цен (ИПЦ), индексы цен на продукты питания, на непродовольственные товары и услуги в 2013–2017 гг., в % к соответствующему месяцу предыдущего года

Источник: Индексы потребительских цен по Российской Федерации в 1991–2017 гг. / Росстат: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/tab-potr1.htm

¹⁸ Ежеквартально Росстатом опрашиваются 5,1 тыс. человек в возрасте 16 лет и старше, проживающих в частных домохозяйствах, во всех субъектах Российской Федерации.

- ожидаемых изменений экономической ситуации в России,
- благоприятности условий для крупных покупок.

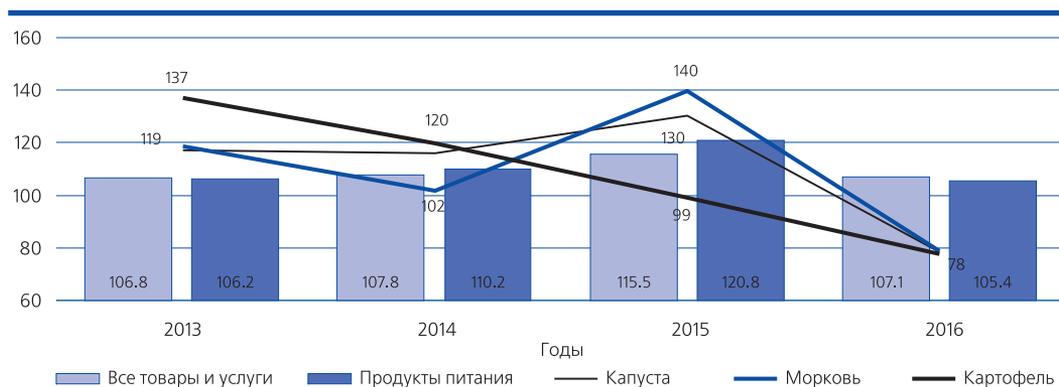
Как выглядит потребительская уверенность населения России на фоне европейских стран? В 2012–2013 гг. индекс уверенности среднестатистического жителя Европейского союза и зоны евро составлял около -20%, в Российской Федерации в эти годы он был значительно выше (-7%). В 2015–2016 гг., несмотря на рост уверенности потребителей, в целом по странам Европейского союза (28 стран) и по 19 странам зоны евро индекс остался отрицательным: -5 и -7% соответственно¹⁹. Показатели очень сильно различаются по странам, что связано с культурной спецификой, системой социальных гарантий, экономической ситуацией и другими факторами. Традиционно высокую уверенность (+10% и более) демонстрируют жители Дании, Ирландии, Финляндии и Швеции. Положительный индекс (около +5%) – в Люксембурге и Голландии. Два «лидера» по отрицательной уверенности – Гре-

ция (-60%) и Болгария (-30%); также низкая уверенность (около -20%) характерна для потребителей Румынии, Венгрии и Хорватии.

В силу столь серьезных страновых различий информативен не столько сам индекс, сколько тенденция его изменения. В первом квартале 2017 г. уверенность потребителей почти во всех странах возросла относительно предыдущих двух лет, за исключением Греции (-11%), Италии и Латвии (-6%), Великобритании (-4%). В Российской Федерации уверенность потребителей в этот период стала выше, поднявшись до -15%²⁰, однако докризисные -7%, фиксировавшиеся в 2012–2013 гг., пока не достигнуты. После обвального снижения в 2015–2016 гг. индекса потребительской уверенности до -25% его рост носит восстановительный характер.

Повышение индекса потребительской уверенности в Российской Федерации обусловлено положительной динамикой всех его компонент. Сильнее всего улучшилось субъективное мнение населения относительно произошедших изменений в экономике России (рост

Рис. 3. Индексы потребительских цен на товары и услуги в группировке КИПЦ в 2013–2016 гг., в % к предыдущему году

Источник: Центральная база статистических данных / Росстат.

¹⁹ Рассчитано авторами по: Consumer confidence indicator // Sentiment indicators – monthly data. European Commission: http://ec.europa.eu/eurostat/web/products-datasets/-/ei_bssi_m_r2

²⁰ Потребительские ожидания в России в I квартале 2017 года. Срочная информация по актуальным вопросам. Апрель 2017 г. / Росстат: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/Main.htm

на 8 п.п. относительно четвертого квартала 2016 г.). Индекс благоприятности условий для крупных покупок поднялся к предыдущему кварталу на 3 п.п. и составил -30% — правда, пессимизма здесь пока значительно больше, чем до кризиса (в 2012–2013 гг. было -20%), что отражает снижение реальных доходов населения.

Индекс благоприятности условий для сбережений повысился относительно предыдущего квартала на 4 п.п. и, составляя -38%, уже сопоставим с показателями 2012–2013 гг. (-35%). Потребители считают, что условия для сбережений в первом квартале 2017 г. стали почти такими же, как до кризиса, что говорит об адаптации населения к текущей ситуации. Банковская статистика также свидетельствует о небольшом положительном тренде.

По сравнению с аналогичным периодом 2016 г. самооценка населением своего материального положения в первом квартале 2017 г. тоже несколько улучшилась: доля населения, оценивающего свое текущее материальное положение как «плохое» или «очень плохое», сократилась по сравнению с первым кварталом 2016 г. на 4,8%²¹, при этом доля населения, оценивающего свое текущее материальное положение как «среднее», возросла на 2,9%. Возможно, что данное улучшение самооценки связано с ростом денежных доходов в результате единовременной выплаты пенсионерам в размере 5000 руб. в январе 2017 г., поскольку опрос населения Росстатом так же проводился в указанное время.

Социально-экономическое самочувствие и риски в сфере занятости²²

В марте 2017 г. по сравнению с предыдущим месяцем на 2% увеличилась численность тех, кто не видит изменений экономического по-

ложения в течение года. Представление о стабилизации ситуации становится доминирующим, и этот тренд еще более очевиден при рассмотрении данных за весь период наблюдений. Так, в третьем месяце 2015 и 2016 гг. большинство населения фиксировало ухудшение экономического положения, а в марте 2017 г. высказалось за то, что соответствующее положение закрепилось. Об ухудшении экономической ситуации (незначительной или заметной) сообщает также достаточно многочисленная группа населения — 43%.

Данные, представленные по годам, показывают, что на начальном этапе вхождения в экономическую рецессию (март 2015 г.) каждый четвертый опрошенный (24%) надеялся на быстрое преодоление неблагоприятной ситуации. Через год (март 2016 г.) этот показатель снизился более чем в три раза, до 8%, а еще по прошествии года, на текущий момент, он составляет 13%. При этом значительная по численности группа (32,4%) полагает, что в будущем не следует ждать ни улучшений, ни ухудшений — по мнению этих респондентов, снизившиеся показатели экономического развития останутся на том же уровне (в марте 2015 г. их было 24%, в марте 2016 г. — 20%). В то же время 44% опрошенных в течение ближайших двух лет или дольше ожидают дальнейшего ухудшения ситуации (в марте 2015 г. таковых было 36%, а в марте 2016 г. — 58%). Таким образом, несмотря на некоторое выравнивание мнения населения в сторону «хуже уже не будет», негативные ожидания по-прежнему преобладают.

Негативные явления в экономике непосредственно затронули большинство населения, причем значительную его часть (28,6% в марте 2017 г.) — в сильной степени. (Два года назад, в первом полугодии 2015 г., о сильном

²¹ Мнение населения о текущем материальном положении / Росстат: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_831.htm

²² По данным Мониторинга социального самочувствия населения, выпускаемого Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС начиная с 2015 г. В течение каждого года, по репрезентативной для взрослого населения России сопоставимой выборке, методом личного анкетного интервью проводятся по 8 волн социологического опроса. Объем выборки — 1600 респондентов в каждой волне.

отрицательно влиянии уже говорили 20–25% респондентов.) Оценки влияния кризисных явлений на жизнедеятельность населения мало менялись на протяжении наблюдений – за тем исключением, что доля тех, кто этого влияния не почувствовал на себе и при этом уверен, что не почувствует и в будущем, вновь превысила 10%, как в сентябре-ноябре 2015 г.²³ и в сентябре 2016 г.

По сравнению с мартом 2016 г. несколько снизились риски в сфере занятости – по каждой фиксируемой позиции сократилась численность тех, для кого соответствующий риск актуален или ожидаем. (См. табл. 2.)

Вместе с тем четверть занятых ощущают себя в высокорисковой зоне, что, впрочем, меньше, чем было год назад. Не подвержены рискам в сфере занятости 37% опрошенных, и этот показатель вырос по сравнению с прошлым годом. (См. рис. 4.)

Большинство тех, кто не подвержен рискам, составляют люди, имеющие высшее образование, что подтверждает роль образования как фактора, способствующего попаданию в относительно высокооплачиваемые и стабильные сегменты рынка труда. Вместе с тем ни среднее профессиональное, ни высшее профессиональное образование не гаран-

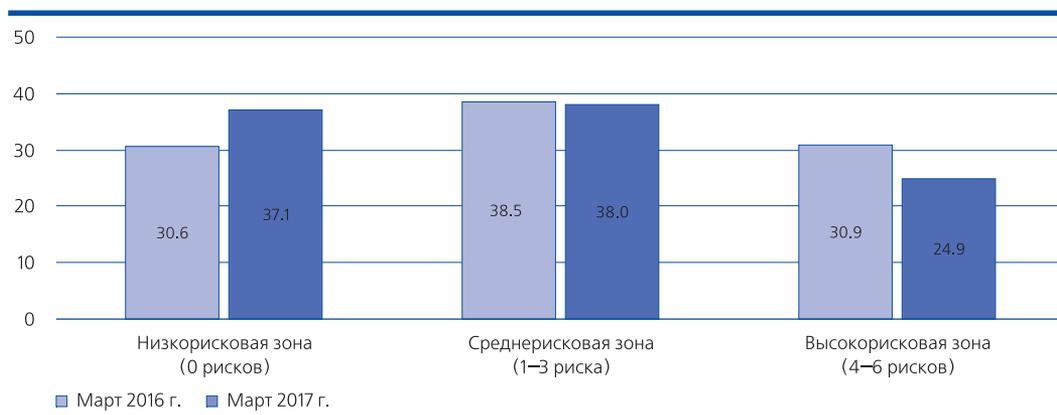
Таблица 2

Доля респондентов, подверженных актуальным или потенциальным рискам в сфере занятости (по субъективной оценке), в марте 2015–2017 гг., в % от работающих

Риски в сфере занятости	Март 2015 г.	Март 2016 г.	Март 2017 г.
Потеря работы	30,5	37,6	35,5
Снижение заработной платы	49,3	53,2	44,3
Переход на неполную рабочую неделю	26,9	33,9	25,6
Уход в неоплачиваемый отпуск	24,8	29,0	23,5
Задержки выплаты заработной платы	*	43,9	39,0
Переход к неформальным формам оплаты труда	25,0	27,2	25,8

* – Вопрос не задавался.

Рис. 4. Концентрация рисков занятости в марте 2016 и 2017 гг., в % от работающих

²³ Авраамова Е., Бурдяк А. и др. Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. – май 2016 г. / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; под ред. Т.М. Малевой. М., 2016: <http://www.ranepa.ru/social/informatsionno-analiticheskij-byulleten>

тируют защиты от того, чтобы оказаться в высокорисковой зоне.

В сфере потребления отмечается пока небольшое снижение рисков, выразившееся в том, что на 8% по сравнению с мартом 2016 г. снизилась доля сокративших расходы на под-

держание здоровья и на 5,4% — на рекреационные услуги. Не зафиксировано активизации каких-либо трудовых стратегий адаптации — в противоположность увеличению доли тех, кто для этой цели использует личное подсобное хозяйство. ■

Региональные проблемы

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГАХ В 2016 г.

Ольга ИЗРЯДНОВА

Заведующий лабораторией структурных проблем экономики Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. E-mail: izryad@iep.ru

Развитие российской экономики в 2016 г. характеризовалось постепенной адаптацией к новым условиям функционирования — низким ценам на углеводороды и минерально-сырьевые ресурсы, изменению динамики и структуры внешнеэкономической деятельности, режимам санкций и контрсанкций. Сравнительный анализ изменения основных макропоказателей по федеральным округам в целом указывает на постепенное уменьшение глубины спада и по параметрам промышленного производства, и по индикаторам рынка труда, но одновременно — и на сохранение между федеральными округами РФ существенной дифференциации темпов сжатия инвестиционного и потребительского спроса, а также показателей уровня жизни населения.

Ключевые слова: ВРП, промышленное производство, добыча полезных ископаемых, добывающие производства, оборот розничной торговли, инвестиции в основной капитал, уровень безработицы, федеральные округа.

Сравнительный анализ динамики основных показателей экономического развития российских федеральных округов (ФО) позволяет выявить его (развития) специфические особенности. Тенденции, сложившиеся в экономике большинства регионов РФ, приобрели устойчивый характер и определяются влиянием следующих факторов: 1) внешнего спроса, обусловленного изменением конъюнктуры на мировом рынке топливно-энергетических и сырьевых ресурсов; 2) внутреннего спроса на инвестиционные ресурсы и 3) ситуацией на потребительском рынке на фоне изменения параметров социальной политики. Вклад отдельных федеральных округов и субъектов РФ в динамику общероссийских экономических показателей в 2014–2016 гг. варьировался в довольно широком диапазоне и определялся структурными особенностями и конкурентными преимуществами макрорегионов.

В период до кризиса 2008–2009 гг. усилилась концентрация экономического потенциала страны на территориях крупнейших агломераций, а также на территориях с высоким

сосредоточением экспортно-сырьевых производств. Более половины объема ВРП, почти 3/5 экспорта и поступлений в бюджетную систему, а также почти 1/2 промышленного производства и 2/5 инвестиций в основной капитал приходились на Центральный и Уральский федеральные округа. Специфика внешнеторгового оборота определялась доминирующим влиянием на экспортную составляющую Сибирского, Приволжского и Уральского округов. На совокупную долю Центрального и Северо-Западного округов приходилось более 3/4 импортных поставок в Российскую Федерацию. При низкой относительно среднероссийского уровня доле собственного производства потребительских товаров, в регионах Урала, Поволжья и Сибири наблюдались исключительно высокие темпы оборота розничной торговли, что свидетельствовало об интенсивном развитии их обмена с территориями, в высокой степени обеспеченными и собственными товарами, и импортной продукцией. В результате на локальных рынках Сибирского, Приволжского и Уральского федеральных ок-

ругов усилилось влияние ввоза продукции и импортной составляющей в формировании ресурсов оборота розничной торговли.

Динамика внутреннего спроса и особенности инфраструктуры рынка определяли опережающие относительно средних по России темпы роста в Центральном и Северо-Западном округах. Высокий уровень федеральной поддержки регионов и низкая база стали факторами роста в Южном и Северо-Кавказском округах. Сдержанные темпы роста в Приволжском ФО по сравнению с общероссийскими показателями были связаны с особенностями сложившейся на этой территории структуры производства. Высокая доля сектора товаров в структуре ВРП и неустойчивость динамики развития обрабатывающих производств, характерные для Приволжского ФО, не поддерживались здесь адекватным расширением сектора услуг.

В целом пространственная структура экономики изменилась в пользу ресурсно-экспортных регионов и приобрела устойчивость. Опережающее развитие наиболее сильных регионов способствовало росту экономики страны, но и одновременно увеличивало территориальные диспропорции, а выравнивание уровней развития разных субъектов РФ путем перераспределения ресурсов от сильных регионов к слабым замедляло рост и снижало эффективность хозяйственной деятельности. Непродуктивность взаимодействия регионов в сложившейся пространственной конфигурации выражалась в усилении разрыва в темпах экономического роста между отдельными субъектами Федерации.

Кризис 2008–2009 гг. кардинально изменил ситуацию и выявил основные проблемы, обусловленные неустойчивостью территориального развития в стране. Реакция регионов на него оказалась существенно дифференцирована. В макрорегионах с высоким удельным весом неконкурентоспособных видов экономической деятельности, в частности машиностроения, отмечался всплеск безработицы (Приволжский, Сибирский федеральные окру-

га), в макрорегионах с развитой и диверсифицированной экономикой (Центральный, Северо-Западный округа) фиксировалось более глубокое и резкое падение потребительского спроса при более низком уровне безработицы. Реализация антикризисных мер в региональном аспекте привела к сдерживанию роста безработицы и плавному изменению уровня потребления в Северо-Кавказском, Южном, Дальневосточном федеральных округах по сравнению с другими территориями.

К 2012 г. ключевые макропоказатели восстановились на докризисном уровне, но инерционное развитие, основанное на экстенсивном использовании основных факторов производства, снижало конкурентоспособность российской экономики и негативно влияло на темпы развития в территориальном разрезе. Рост инвестиций в основной капитал, наблюдавшийся до 2013 г., не приводил к повышению отдачи на единицу вложенных средств и труда. Расширение внутреннего потребительского спроса до 2014 г. поддерживалось ростом заработной платы, значительно превышающим динамику производительности труда. Торможение экономического развития на протяжении последних трех лет сопровождалось замедлением темпов роста промышленного производства, оборота розничной торговли и строительно-инвестиционной деятельности.

В 2014–2016 гг. резкие изменения в геополитической ситуации усилили негативное воздействие внутренних ограничений развития на отечественную экономику. Если до 2014 г. неустойчивость показателей инвестиционной деятельности частично компенсировалась сохранением положительной динамики оборота розничной торговли, промышленного и сельскохозяйственного производства, то в 2015–2016 гг. положение осложнилось одновременным сокращением масштабов потребительского и инвестиционного спроса при усилении спада промышленного производства. (См. табл. 1.)

Беспрецедентные масштабы и фронтальный характер сокращения строительно-инве-

стиционной деятельности, наблюдавшиеся в федеральных округах, определили длительность инвестиционной паузы в большинстве регионов и негативно отразились на экономической динамике. Характерными чертами инвестиционной паузы стали сужение внутреннего рынка при падении доходов экономики и населения, снижение поставок импортных товаров инвестиционного назначения в условиях санкций, изменение структуры формирования инвестиционных ресурсов с одновременным сокращением иностранных инвестиций в российскую экономику. В 2016 г. на накопленный отложенный спрос инвестиционно-строительный комплекс отреагировал постепенным уменьшением глубины спада до 0,9% (10,1% годом ранее).

Напряженность на инвестиционном рынке в 2016 г. сохранялась во всех федеральных округах, кроме Северо-Западного, где темпы инвестирования в основной капитал вышли в область положительных значений – главным образом за счет г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, на долю которых пришлось более 1/2 объема инвестиций, осуществленных в экономику округа. В индустриально развитых Сибирском и Приволжском федераль-

ных округах ситуация в строительно-инвестиционном комплексе в 2016 г. обострилась.

Специфической особенностью 2015–2016 гг. стало более глубокое падение конечного потребления домашних хозяйств по сравнению с уровнем инвестиций в основной капитал. Сокращение реальных доходов населения при резком ослаблении рубля и всплеск инфляции привели к существенному сжатию потребительского спроса и к соответствующему снижению оборота розничной торговли, а также к ослаблению кредитной активности физических лиц. Наиболее заметное падение потребительского спроса и реальных доходов населения в 2015–2016 гг. фиксировалось в Уральском, Приволжском и Сибирском федеральных округах. (См. табл. 2.)

На фоне общей тенденции к слабому росту номинальной и реальной заработной платы в структуре доходов населения на отмечалось снижения доли оплаты труда, доходов от собственности и предпринимательской деятельности при увеличении доли социальных выплат. Доля оплаты труда в денежных доходах населения в 2016 г. находилась на минимальном уровне за последние пять лет и составила 64,8%, доля социальных выплат

Таблица 1
Динамика ВРП, инвестиций в основной капитал и оборота розничной торговли в федеральных округах Российской Федерации в 2013–2016 гг., в % к предыдущему году

	ВРП		Инвестиции в основной капитал			Оборот розничной торговли		
	2013-2014 гг.*	2015 г.	2013-2014 гг.*	2015 г.	2016 г.	2013-2014 гг.*	2015 г.	2016 г.
Российская Федерация	101,5	99,4	99	89,9	99,1	103,3	90	94,8
Центральный ФО	101,2	99,3	102	96,7	98,7	103,8	88,1	99,4
Северо-Западный ФО	100,6	101,5	91,5	90,9	108,3	102,8	93	96,9
Южный ФО	103	99,5	97,6	82,1	83,6	104,6	92,4	97,6
Северо-Кавказский ФО	104,1	99,8	108,4	93,3	96,3	104,6	96,2	97,1
Приволжский ФО	102,2	98,7	102,8	92,5	92,3	104,6	87,3	95,8
Уральский ФО	100,6	98,8	101,3	95,7	98,8	102,1	88,3	92,7
Сибирский ФО	101,8	98,8	95,2	83,3	95,8	101	88,6	94,6
Дальневосточный ФО	100,5	101,0	88,8	96,6	97,2	105,4	98,5	97,5

* – Среднегодовые темпы.

Источник: Росстат.

повысилась до 19,1% при сохранении вклада доходов от собственности и предпринимательской деятельности. Ситуация в социальной сфере осложнялась наблюдавшейся в январе-сентябре 2016 г. тенденцией к росту численности населения с доходами ниже прожиточного минимума.

Сопоставление показателей уровня жизни населения по территориям показывает, что только в Центральном, Северо-Западном, Уральском и Дальневосточном федеральных округах среднедушевые доходы и средняя номинальная заработная плата существенно превышают среднероссийский уровень, что связано с особенностями в этих макрорегионах структуры экономики, занятости и уровня оплаты по видам экономической деятельности. В Центральном ФО дифференциация доходов и зарплат определяется влиянием Московской агломерации с развитым сектором услуг, в Уральском и Дальневосточном округах – присутствием в них регионов добычи углеводородов и природного сырья. При этом следует отметить, что если в Центральном ФО на уровень материального благополучия населения существенно влияет доля доходов от собственности и предпринимательской деятельности, а социальные трансферты остаются ниже среднероссийского уровня за счет

Московской агломерации, то в Уральском, Сибирском и Дальневосточном округах влияние социальных выплат возрастает. Сочетание высоких социальных выплат и заработной платы определяет сохранение уровня жизни населения в Северо-Западном ФО в положительной области – в отличие от общероссийских показателей, хотя внутри округа региональные различия довольно значительны.

Общими для Южного, Приволжского, Северо-Кавказского и Сибирского федеральных округов являются показатели уровня жизни ниже средних по России значений. Для этих округов характерны пониженная доля оплаты труда, которая частично компенсируется увеличением вклада в материальное благополучие населения доходов от собственности и предпринимательской деятельности.

Особенности развития российской экономики в федеральных округах отражают его (развития) снижающийся потенциал, что подтверждается высокой загрузкой производственных мощностей, отсутствием масштабных инвестиций, низким уровнем безработицы.

Достигнув предкризисного уровня, российская экономика с 2012 г. начала демонстрировать признаки замедления роста. В этой ситуации решающее влияние на ее состояние оказывали внутренние ограничения, связанные

Таблица 2

Динамика реальных располагаемых доходов населения в федеральных округах Российской Федерации в 2009–2016 гг., в % к предыдущему году

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Российская Федерация	103,0	105,9	100,5	104,6	104,0	99,3	96,8	94,1
Центральный ФО	103	106,7	98,7	105,9	105,3	101,4	96,7	94,0
Северо-Западный ФО	102,2	109,2	101	107	108,7	103,3	94	95,9
Южный ФО	101,2	110	104,9	109	104,1	103,6	96,5	97,3
Северо-Кавказский ФО	101,2	105,9	99,9	108	104,1	102,1	95,5	96,7
Приволжский ФО	96,1	101,3	100,7	105	103,8	98,4	94,9	92,1
Уральский ФО	94	102,9	102,1	105,2	103,8	98,2	93,9	91,5
Сибирский ФО	103,2	103,5	101,5	104,9	106,2	102,8	95,5	93,3
Дальневосточный ФО	101	105,4	101,2	105,8	104,8	99,5	99,2	93,5

Источник: Росстат.

с тем, что структура экономики не претерпела существенных изменений, а потенциал воздействия факторов, способствовавших до этого ее росту, фактически оказался исчерпанным.

Кризис в отечественной экономике в 2015–2016 гг. характеризовался более глубоким спадом обрабатывающих производств при относительно слабой положительной динамике добычи полезных ископаемых. Изменение структуры обрабатывающего сектора в 2013–2016 гг. определялось увеличением доли химического и нефтехимического комплекса в Центральном, Сибирском, Приволжском округах, что дало импульс к формированию предпосылок для стабилизации динамики промышленного производства в российской экономике в целом. Другой особенностью этого периода стало повышение доли машиностроительного комплекса, особенно в Северо-Западном и Дальневосточном округах. (См. табл. 3.)

Характер кризисных явлений по видам экономической деятельности свидетельствовал об отсутствии процессов реструктуризации бизнеса, направленных на формирование новых конкурентоспособных рынков отечественной

продукции. В 2016 г., с ускорением темпов добычи полезных ископаемых до 2,5% и стабилизацией динамики обрабатывающих производств, индекс промышленного производства составил 101,1% к показателю предыдущего года.

Безусловно позитивный вклад в состояние добывающего сектора в 2016 г. внесли регионы Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, но сохранение в этих макрорегионах кризисной ситуации в обрабатывающем секторе негативно отразилось на общероссийском показателе. В шести их восьми федеральных округов в 2016 г. динамика обрабатывающих производств вышла в область положительных значений, свидетельствуя об адаптации промышленности к новым условиям функционирования – низким ценам на углеводороды и минерально-сырьевые ресурсы, изменению динамики и структуры внешнеэкономической деятельности, режимам санкций и контрсанкций. Динамичный рост обрабатывающих производств, при доминирующей доле производства пищевых продуктов в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах, иллюстрирует эффективность реструкту-

Таблица 3
Структура обрабатывающих производств в федеральных округах Российской Федерации в 2016 г., в % к итогу

	Российская Федерация	Федеральные округа							
		Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Комплексы:									
Пищевой	16,1	18,5	17,4	25,5	39,3	12	7,2	13,9	30,1
Потребительский	1,0	1,5	1,1	1,7	1,3	0,8	0,3	0,4	0,4
Лесопромышленный	4,0	4,6	7,6	2,0	2,1	2,8	1,3	4,4	4,1
Химический и нефтехимический	33,5	35	27,4	35,4	22,6	47,3	28,6	30,6	11,1
Строительный	4,2	4,2	3,1	6,1	10,2	3,9	4,5	3,6	5,4
Металлургический	15,2	9,5	10,9	13,9	6,4	8,6	39	29,1	5,5
Машиностроительный	20,9	20,3	29,6	12,4	15,8	26,6	12,8	13,7	38,7

Источник: Росстат.

ризации отечественного бизнеса и указывает на формирование новых конкурентоспособных рынков в условиях санкций. (См. табл. 4.)

Отличительной чертой экономического развития в 2010–2016 гг. стало снижение уровня безработицы до исторически низкого уровня в 5,4% от общей численности трудовых ресурсов. Практически во всех федеральных округах уровень безработицы оставался существенно ниже показателей кризисного 2009 г.; вместе с тем положение на рынках труда в Северо-Кавказском, Южном и Сибирском округах было хуже общероссийского показателя.

Состояние региональных и локальных рынков труда определяется соотношением двух основных компонент: предложения рабочей силы (численности экономически активного населения, его образования, возрастной и профессиональной структуры, территориального размещения и мобильности) и спроса на рабочую силу, т.е. существующего количества рабочих мест. В 2016 г. общим для рынков труда федеральных округов стало увеличение по-

требности в рабочей силе, заявленной в государственные учреждения службы занятости. (См. табл. 5.)

На макроэкономическую ситуацию 2015–2016 гг. негативное влияние оказывало действовавшее с 2014 г. сужение внешнего спроса. И если в целом положение в экономике в указанный период характеризовалось меньшей глубиной спада в промышленном производстве, инвестициях в основной капитал, внешнеторговом обороте по сравнению с показателями 2009 г., то уровень дифференциации в темпах сокращения экспорта, наблюдавшийся в федеральных округах, был существенно выше. При снижении цен и спроса на традиционные природно-сырьевые товары в особенно сложной ситуации оказались Уральский, Дальневосточный и Приволжский федеральные округа. На общее сокращение внешнеторгового оборота заметнее других реагировали территории с развитой транспортно-логистической инфраструктурой международной торговли в Северо-Западном, Централь-

Таблица 4

Индексы промышленного производства по видам экономической деятельности в федеральных округах Российской Федерации в 2013–2016 гг., в %

	Промышленность			Добыча полезных ископаемых			Обрабатывающие производства		
	2013-2014 гг.*	2015 г.	2016 г.	2013-2014 гг.*	2015 г.	2016 г.	2013-2014 гг.*	2015 г.	2016 г.
Российская Федерация	101,0	96,6	101,1	101,2	100,3	102,5	101,3	94,6	100,1
Центральный ФО	101,4	97,2	104,6	100,6	100,8	101,7	102,0	98,2	105,3
Северо-Западный ФО	98,8	96,0	101,3	100,0	106,0	100,5	98,4	94,4	102,0
Южный ФО	104,8	109,5	106,4	108,0	100,4	106,6	104,5	110,1	105,2
Северо-Кавказский ФО	103,3	102,3	107,5	96,2	95,7	93,9	104,9	104,1	108,0
Приволжский ФО	102,1	96,4	100,8	101,3	101,5	102,3	103,1	96,3	101,5
Уральский ФО	100,9	98,2	101,6	99,4	98,2	101,9	103,8	98,9	101,3
Сибирский ФО	103,7	100,2	100,4	106,3	101,9	105,0	102,8	97,5	97,0
Дальневосточный ФО	105,0	101,0	101,0	105,7	107,7	103,8	103,8	90,0	100,0

* – Среднегодовые темпы.

Источник: Росстат.

ном, Южном и Дальневосточном округах: уменьшение глубины падения импорта относительно экспорта в 2016 г. позитивно отразилось на макроэкономических характеристиках этих макрорегионов.

Изменение структуры импорта под влиянием сокращения внешних поставок потребительских и промежуточных товаров и увеличения ввоза товаров инвестиционного назна-

чения поддержало внутренний инвестиционный рынок и дало дополнительный импульс, в частности, для преодоления рецессии в промышленности Уральского ФО за счет роста регионального импорта относительно 2015 г. почти в 1,5 раза. (См. табл. 6.)

Сопоставление макроэкономических характеристик федеральных округов иллюстрирует особенности формирования и использо-

Таблица 5

Среднегодовые индексы занятых в экономике и уровень общей безработицы в федеральных округах Российской Федерации в 1990–2016 гг., в %

	Среднегодовые индексы занятых в экономике			Уровень общей безработицы				
	1990-2000 гг.	2000-2008 гг.	2008-2016 гг.	2000 г.	2008 г.	2009 г.	2015 г.	2016 г.
	Российская Федерация	98,4	100,9	99,8	10,8	6,3	8,4	5,6
Центральный ФО	98,9	101,0	99,7	7,8	4,1	4,8	3,5	3,4
Северо-Западный ФО	98,2	100,5	99,8	9,6	5,2	7,0	4,7	4,3
Южный ФО	98,6	101,0	100,0	12,9	6,5	8,6	6,6	6,3
Северо-Кавказский ФО	98,3	102,9	101,2	20,4	16,2	16,5	11,1	12,2
Приволжский ФО	98,5	100,5	99,4	9,8	6,3	8,6	4,8	4,9
Уральский ФО	98,5	101,0	99,8	10,1	5,5	8,1	6,2	6,3
Сибирский ФО	98,0	100,7	100,0	12,8	8,3	10,5	7,7	7,8
Дальневосточный ФО	97,3	100,7	99,9	12,8	7,9	9,7	6,3	5,8

Источник: Росстат.

Таблица 6

Динамика экспорта и импорта в федеральных округах Российской Федерации в 2013–2016 гг., в % к предыдущему году

Год	Российская Федерация	Федеральные округа							
		Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
Экспорт									
2013	100,2	107,8	94,1	93,0	99,0	99,5	81,1	101,5	108,6
2014	94,6	99,7	106,6	105,2	100,5	92,6	59,0	97,0	101,8
2015	69,0	66,7	70,0	66,6	85,9	65,1	71,5	86,4	71,9
2016*	77,2	74,8	75,3	89,3	90,3	68,6	91,0	80,2	87,8
Импорт									
2013	99,4	99,9	98,9	103,6	108,5	115,7	99,8	88,3	114,8
2014	90,9	90,1	95,5	90,0	95,0	93,1	83,4	87,0	88,0
2015	63,7	34,7	61,8	67,4	51,4	63,2	74,4	55,6	55,2
2016*	96,5	97,6	90,8	93,1	92,8	86,4	149,3	77,8	94,7

* – Январь-сентябрь.

Источник: Росстат.

вания их ВРП и позволяет выявить некоторые проблемы взаимодействия макрорегионов и интеграции их рынков, а также влияние этих проблем на общероссийскую динамику. Вклад Центрального ФО в конечное потребление превышает его долю в структуре ВРП по макрорегионам, а вклад валового накопления, напротив, оказывается ниже. Во всех остальных округах доля валового накопления превышает их вклад в ВРП, а вклад конечного потребления примерно соответствует структуре распределения ВРП (исключением является только Южный ФО).

В трех федеральных округах – Северо-Западном, Уральском и Дальневосточном – вклад внутренней торговли в ВРП был ниже характеристик конечного потребления домашних хозяйств в ВРП, а в Сибирском федеральном округе – примерно равен им. Разительным оказался контраст между округами по показателям экспорта и импорта. Специфика формирования в стране товаропроводящих структур привела к доминированию по параметрам внешнеэкономической деятельности Центрального ФО. Превышение доли экспорта над показателем структуры ВРП наиболее

заметно у Уральского, а доли импорта – у Северо-Западного ФО. (См. табл. 7.)

Доля валового накопления в структуре ВРП варьируется по федеральным округам в довольно широком диапазоне. При всем несовершенстве определения этого показателя в рамках действующей статистической базы и методологии расчетов можно отметить его связь со структурой инвестиций в основной капитал по источникам финансирования. В Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральных округах высокая доля валового накопления поддерживается за счет доминирования в источниках финансирования средств федерального бюджета, в Южном и Приволжском – за счет кредитов банков, а в Уральском – за счет собственных средств.

Асимметрия производства, конечного потребления домашних хозяйств и инвестиционной и внешнеэкономической деятельности является отражением сложных межрегиональных и финансовых потоков, существующих в стране. Оценка пространственных взаимодействий в рамках методов моделирования межрегиональных связей показывает, что Центральный ФО, обладающий мощным органи-

Таблица 7

Вклад федеральных округов в ВРП Российской Федерации в 2015 г., в % от общероссийского показателя

	ВРП – всего	в том числе		Торговля	Экспорт	Импорт
		Валовое накопление основного капитала	Конечное потребление домашних хозяйств			
Российская Федерация	100	100	100	100	100	100
Центральный ФО	35,1	25,7	38,5	34,2	51,3	60,6
Северо-Западный ФО	10,3	10,6	10,3	9,0	11,2	19,0
Южный ФО	6,5	10,8	5,0	9,1	4,1	3,9
Северо-Кавказский ФО	2,5	3,2	2,3	5,1	0,3	0,7
Приволжский ФО	15,9	16,6	15,6	18,4	12,8	6,2
Уральский ФО	14,2	16,1	13,5	9,2	17,1	3,9
Сибирский ФО	10,2	10,7	10,1	10,2	10,8	2,8
Дальневосточный ФО	5,2	6,2	4,8	4,0	5,8	3,7

Источник: рассчитано по данным Росстата.

зационно-управляющим потенциалом, высококвалифицированными кадрами и исключительно емким рынком товаров и услуг, компенсирует разрыв между спросом и предложением активным привлечением ресурсов из других макрорегионов.

Основными донорами в системе макрорегионов являются Уральский, Сибирский и Северо-Западный федеральные округа. У Сибирского ФО, при достаточно диверсифицированной структуре экономики, а у Северо-Западного – при гармоничном развитии внутреннего и внешнего потенциалов, отмечаются довольно высокий уровень самообеспечения и активное сальдо взаимодействия с другими макрорегионами. Уральский ФО в большей степени зависит от синергетического влияния системы межрегиональных взаимодействий. При этом, учитывая структуру его экономики и емкий рынок, взаимоотношения данного макрорегиона с контрагентами имеют положительный вектор. Это же относится и к Дальневосточному округу. Неустойчивость

оценок межрегиональных взаимодействий характерна для Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, сальдо взаимоотношений которых с другими макрорегионами традиционно отрицательно. Результаты межотраслевых и межрегиональных взаимодействий Приволжского ФО, находящегося в исключительно высокой зависимости от конъюнктуры внутреннего рынка, изменяются в довольно широком диапазоне, но в ситуации последних лет остаются отрицательными.

Нынешняя российская экономика характеризуется кардинальным изменением системы межрегиональных связей, роли и места отдельных федеральных округов, регионов и территорий в национальном хозяйстве. Приоритетным направлением регионального развития становится разработка комплекса инструментов, обеспечивающих мотивацию к мобилизации внутренних ресурсов и наращиванию собственного экономического потенциала территорий и межрегиональных взаимодействий. ■

РЕГИОНЫ В 2016 г.: ПОЛОЖЕНИЕ УЛУЧШИЛОСЬ ЗА СЧЕТ СТОЛИЦЫ***Наталья ЗУБАРЕВИЧ**

Главный научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, д-р геогр. наук, профессор. E-mail: zubarevich-nv@ganepa.ru

В 2016 г. ряд основных экономических показателей — динамика инвестиций, доходы населения и потребление (розничная торговля) — в российских регионах снижались. Показатели сбалансированности бюджетов, напротив, заметно улучшились, но в основном за счет Москвы. Промышленность в 2016 г. незначительно выросла, уровень безработицы оставался низким. Однако региональная динамика, как и прежде, заметно различалась.

Ключевые слова: российские регионы, бюджеты регионов, региональная промышленность, строительство и ввод жилья в регионах, инвестиции, рынок труда, социальные показатели регионов.

Российская промышленность адаптировалась к ухудшившимся условиям и по итогам 2016 г. показала небольшой рост — на 1,1%. Спад в этот период наблюдался только в 20 регионах, при том что их совокупная доля в промышленном производстве значительна — чуть более 18%. Темпы спада были невелики: в Вологодской, Самарской областях, Пермском и Красноярском краях они составили 1–2%, во Владимирской, Омской, Челябинской областях, Республике Коми — 3–4%, в Оренбургской области — 6%.

Спад в промышленности в основном связан со снижением переработки нефти из-за невыгодного для НПЗ «налогового маневра» и с неблагоприятной конъюнктурой цен в металлургии. Рост оказался более динамичным: среди крупных индустриальных регионов быстрее всего росла промышленность в Московской, Тульской и Ростовской областях (на 13–14%), в Калужской, Ярославской, Свердловской областях, Ставропольском крае, Удмуртии и на Сахалине (на 6–9%). В целом лучшая динамика промышленности сохраняется в регионах со специализацией на АПК, оборонной промышленности и в новых регионах нефтедобычи; начал выходить из спада калужский автопром. В обрабатывающей промышленности число регионов с падающим выпуском со-

кратилось в 2016 г. до 31 (в 2015 г. — 43), но оно все еще значительно.

Инвестиции

Инвестиционный спад также близок к завершению (-0,9% в 2016 г. к 2015 г.), но за период с 2013 по 2016 гг. инвестиции сократились очень сильно — почти на 12%. В 2016 г. спад инвестиций продолжался в 47 регионах. Регионы с самым большим объемом инвестиций (федеральные города и нефтегазодобывающие округа Тюменской области) в целом сохраняли позитивную динамику — их конкурентные преимущества проявляются и в кризисных условиях. (См. табл. 1.) Инвестиции в нефтегазодобычу обеспечили устойчивый рост этого показателя в Якутии. Среди других субъектов РФ со значительным объемом инвестиций позитивная динамика наблюдалась в Татарстане, Башкортостане, Воронежской и Тюменской областях.

Прирост инвестиций в Дагестане, в ряде других республик Северного Кавказа (Чечня — на 43% за 2013–2016 гг., Кабардино-Балкария — на 67%), а также в Республике Крым (на 28% в 2016 г.) был обеспечен инвестициями из федерального бюджета. Самый сильный инвестиционный спад сохранялся в Краснодарском крае (эффект «высокой базы» в период Олим-

* — Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» № 5 (43) (март 2017 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

пиады-2014 уже не может служить достаточным тому объяснением). Сильный инвестиционный спад продолжался также в Кемеровской, Новосибирской, Нижегородской областях и в других развитых регионах Поволжья и Урала.

Кризисный спад инвестиций с двухлетним лагом проявился в показателях ввода жилья: спад здесь начался в 2015 г. и пока продолжается (-6,5% в 2016 г.). Ввод жилья снизился в 48 регионах, особенно значительно – в Тюменской (-21%), Новосибирской и Белгородской (-13 – -15%) областях. В агломерациях федеральных городов динамика была разной: в Московской области спад продолжался два года подряд (-8% в 2016 г. и -14% в 2015 г.), в Ленинградской он был меньше (-6% в 2016 г.) и однолетний, в Москве после роста ввода жилья в 2015 г. в 2016 г. был зафиксирован спад (-14%), а в С.-Петербурге, наоборот, наблю-

далась небольшая положительная динамика (+3%) после спада в 2015 г.

Рынки жилья крупнейших агломераций страны все еще лихорадит. Среди регионов с высокими душевыми показателями ввода жилья положительная динамика (+1–3%) сохранялась только в Ульяновской, Липецкой, Воронежской и Тамбовской областях, чему способствовали программы строительства жилья для северных переселенцев, которые финансируются крупными компаниями. На Дальнем Востоке и в Забайкалье, где и так вводится мало жилья, спад продолжался второй год и охватил почти все регионы, за исключением Сахалина.

Доходы населения и рынки труда

Динамика доходов населения в 2016 г. была также негативной: их падение по сравнению с

Таблица 1

Динамика инвестиций в регионах с большим их объемом (свыше 1% от общероссийских инвестиций)

	Темпы прироста, в %		Доля в 2016 г., в %		Темпы прироста, в %		Доля в 2016 г., в %
	2016 г. к 2013 г.	2016 г. к 2015 г.			2016 г. к 2013 г.	2016 г. к 2015 г.	
РФ	-11,7	-0,9	100	СЗФО	-9,0	8,3	11,3
ЦФО	-5,6	-1,3	25,9	г. С.-Петербург	1,8	12,4	4,0
г. Москва	2,4	0,7	11,6	Ленинградская обл.	-19,1	11,6	1,8
Московская обл.	-14,5	-2,8	4,3	Респ. Коми	-12,8	12,8	1,4
Воронежская обл.	8,4	0,1	1,9	СФО	-23,2	-4,2	9,6
УФО	5,5	8,8	18,7	Красноярский край	-15,0	0,9	2,9
Ямало-Ненецкий АО	20,0	22,5	7,5	Иркутская обл.	-4,4	17,5	1,8
Ханты-Мансийский АО	4,9	2,6	5,5	Кемеровская обл.	-43,0	-13,4	1,1
Свердловская обл.	-20,0	-8,9	2,4	Новосибирская обл.	-44,2	-18,9	1,0
Тюменская обл.*	1,7	14,5	1,8	ЮФО	-42,9	-16,4	7,6
Челябинская обл.	-29,4	-15,3	1,3	Краснодарский край	-62,6	-29,3	2,9
ПФО	-15,6	-7,7	16,6	Ростовская обл.	-12,7	-12,2	2,0
Респ. Татарстан	0,0	0,0	4,4	Волгоградская обл.	4,5	-9,1	1,2
Респ. Башкортостан	8,7	4,2	2,5	ДВФО	-11,1	-2,9	6,7
Самарская обл.	-27,2	-21,7	1,8	Респ. Саха (Якутия)	32,3	28,8	1,9
Пермский край	-27,1	-3,3	1,6	Сахалинская обл.	-5,8	-18,8	1,7
Нижегородская обл.	-38,6	-14,2	1,5	СКФО	-2,0	-3,7	3,3
Оренбургская обл.	-11,6	-10,4	1,1	Респ. Дагестан	13,2	0,8	1,4

* - Без автономных округов.

2015 г. усилилось (-5,6 и -4,1% соответственно). Достоверность данных о росте доходов населения республик Дагестан и Ингушетия вызывает сомнения, так же как и в Московской и Ленинградской областях. По данным статистики, доходы населения в 2016 г. быстрее всего росли в Республике Крым (+9%) и в г. Севастополе (+4%).

Из-за снижения доходов сокращался объем розничной торговли, но все же темпы ее спада замедлились вдвое по сравнению с 2015 г. (-5,2 и -10% соответственно). По данным статистики, наименьший спад розничной торговли был зафиксирован на Дальнем Востоке и в республиках Северного Кавказа, при этом в Дагестане и Чечне розничная торговля росла в течение двух последних лет (скорее всего, речь здесь идет о неточной дооценке объемов торговли на открытых рынках).

Региональные рынки труда в целом были стабильны: уровень безработицы, измеряемой по методологии МОТ, практически не изменился и в большинстве регионов остается очень низким. В 2016 г. почти во всех субъектах РФ сократилась неполная занятость, что

также указывает на стабилизацию региональных рынков труда.

Доходы, расходы и долги

В 2016 г. доходы бюджетов регионов увеличились относительно предыдущего года почти на 7%. Быстрее всего росли акцизы (+36%), на 8% выросли наиболее важные для регионов поступления НДС и налога на прибыль, компенсировав сокращение трансфертов (См. табл. 2.) Из всех трансфертов регионам сильнее всего сократились субсидии на капитальные расходы (-26%), что сказалось на динамике инвестиций.

Доходы бюджета снизились только в 10 регионах, наиболее значительно – на Сахалине (-30%), в Ненецком АО (-21%) и в Ханты-Мансийском АО (-11%), поскольку их бюджеты зависят от цен на нефть. По масштабу роста доходов выделялась Москва: ее бюджет увеличился почти на 200 млрд. руб. (до 1,86 трлн. руб.) благодаря росту поступлений налога на прибыль (+18%) и НДС (+8%). Прирост доходов столичного бюджета сопоставим со всем объемом доходов бюджета

Таблица 2
Динамика доходов и расходов консолидированных бюджетов регионов

Доходы	Темпы прироста: 2016 г. к 2015 г., в %	Расходы	Темпы прироста: 2016 г. к 2015 г., в %	Число регионов, у которых сократились доходы	
				2016 г.	2015 г.
Доходы – всего	7	Расходы – всего	4,8	21	31
в том числе:		в том числе:			
Акцизы	36	Национальная экономика	7,3	24	31
Налог на совокупный доход	12	ЖКХ	9,5	37	51
Налог на прибыль	8	без г. Москвы	3,0		
НДС	8	Культура и кинематография	9,8	34	54
Налог на имущество	5	без г. Москвы	4,5		
Трансферты	-3	Образование	3	22	48
в том числе:	1	Здравоохранение	-5,5	53	20
дотации		Здравоохранение вместе с расходами ТФОМС	-1,4	44	0
субвенции	-1	Социальная политика	10,5	14	16
субсидии	-11				

Ростовской области с населением в 4,2 млн. человек.

Расходы бюджетов регионов в 2016 г. росли быстрее по сравнению с 2015 г. (+4,8 и +1,4% соответственно) – в год федеральных выборов трудно экономить. На треть сократилось число регионов с отрицательной динамикой расходов. Доля расходов на социальные цели за три последних года уменьшилась с 61 до 58%. Если в 2015 г. практически не росли расходы на образование и снизились расходы на культуру, то в 2016 г. сократились расходы на здравоохранение, даже с учетом расходов территориальных фондов обязательного медицинского страхования (ТФОМС). Значительное увеличение расходов на культуру в 2016 г. объяснялось вкладом Москвы, увеличившей ассигнования по этой статье на 41% (!). Расходы на социальную политику (соцзащиту) устойчиво повышались в большинстве регионов, поскольку сокращать их в год выборов политически опасно.

На динамику несоциальных расходов бюджетов субъектов РФ в 2016 г. также повлияла Москва. Значительное увеличение расходов регионов на национальную экономику (поддержка агросектора, транспорт, дорожное хозяйство и др.) во многом было обусловлено ростом расходов по этой статье столичного бюджета на 18%, тогда как в остальных регионах они выросли суммарно только на 4%. Быстрое увеличение расходов на ЖКХ имеет ту же причину: в московском бюджете они повысились на 28%; без учета столицы рост по этой статье в остальных регионах составил 3%. Москва в 2016 г. поставила здесь рекорд: доля расходов на благоустройство, которые относятся к ЖКХ, достигла 10,8% всех расходов

огромного столичного бюджета. На благоустройство столицы было потрачено 188,7 млрд. руб. (по этой статье финансировалась и программа обновления центра «Моя улица»); это больше, чем расходы на общее образование – 161,6 млрд. руб. Все остальные регионы страны израсходовали на благоустройство 127 млрд. руб.

Проблема разбалансированности доходов и расходов бюджетов регионов в 2016 г. немного смягчилась – дефицит был минимальным (-0,1% от доходов), но в основном за счет огромного профицита бюджета Москвы (115,6 млрд. руб.). Количество регионов с дефицитом сократилось с 75 в 2015 г. до 55 в 2016 г., но их все еще большинство (См. рисунок.) Наиболее значительный дефицит бюджета был зафиксирован у субъектов РФ с неэффективной бюджетной политикой (республики Хакасия, Мордовия, Удмуртия, Крым, г. Севастополь, Костромская, Орловская области) и у Ненецкого АО, где резко снизились доходы.

Объем долга регионов за 2016 г. вырос только на 2%. Его структура стала более комфортной: доля сверхдешевых бюджетных кредитов (38%) почти сравнялась с долей дорожных кредитов банков (40%), поэтому расходы региональных бюджетов на обслуживание долга выросли только на 1,5%. Большой объем бюджетных кредитов, выделенных федеральными властями, сыграл при этом стабилизирующую роль, но проблема не решена: в наиболее «закредитованных» регионах (Ивановская, Костромская, Ярославская, Астраханская области, республики Хакасия, Мордовия, Марий Эл и Удмуртия) расходы на обслуживание долга достигают 5–6% всех расходов их бюджетов. ■

Summary

Why the RF Central Bank Pursues a Cautious Policy

Alexandra Bozhechkova — Head of Monetary Policy Department of the Center for Macroeconomics and Finance of the Gaidar Institute, Candidate of Economic Sciences. E-mail: bozhechkova@iep.ru

Pavel Trunin — Leading Research fellow of the Center for the Study of Central Banks, Institute for Applied Economic Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences. E-mail: pt@iep.ru

On March 24, the Bank of Russia decided to reduce its key rate by 0.25 pp to 9.75%. The Bank of Russia's intention to continue its moderately rigid monetary policy, in spite of the significant slowdown in real inflation, can be explained by the inertia of inflation expectations, as well as the persistent risks of potential worsening of the balance of payments as a result of a plunge of prices of energy carriers followed by considerable capital outflow.

Key words: inflation, monetary policy, key rate.

Risks of the New Stage of the Reform of Budget-Funded Entities

Anna Zolotareva — Head of Examination of the Legislation Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of Scientific Direction «Legal Research» of the Gaidar Institute, Candidate of Legal Sciences. E-mail: zolot@ranepa.ru

The reform to switch over from budget financing of state-financed entities to payment of their services on the basis of unified cost standards was declared more than a decade ago, but actually launched only in 2016. At the new stage of the reform, it is planned to give up the practice of financing budget-funded entities and switch over to a state order for social services being placed on a tender basis. The above plans entail serious risks of the budget-funded institution network shrinking unchecked, state property dilapidating and the quality of social services getting worse. To reduce these risks, it is necessary to turn down the entire range of measures envisaged by the reform.

Key words: budget expenditures, financing of budget institutions, estimated financing, basic standard costs for service provision.

Road Infrastructure as a Determinant of Productivity in Russia

Julia Litvinova — Research fellow of Industrial Markets and Infrastructure Department, Institute for Applied Economic Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: litvinova@ranepa.ru

Yury Ponomarev — Senior Research fellow of Industrial Markets and Infrastructure Department of the Gaidar Institute; Senior Research fellow of Industrial Markets and Infrastructure Department, Institute for Applied Economic Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences. E-mail: ponomarev@iep.ru

The development of transport infrastructure is described in economics literature as an instrument to increase total factor productivity (TFP). The buildup of the former in current crisis circumstances can become one of the drivers for Russian economy recovery and achievement of sustainable economic growth. Lagging behind many developed countries, Russia has a significant potential in the development of transport infrastructure.

We carried out analysis of the impact of the road infrastructure, which is the main component of the transport complex, on the total factor productivity change. The analysis demonstrated that this impact is observed with a certain lag and is more prominent in those Russian regions that have a higher level of road network development.

Key words: total factor productivity, transport infrastructure, road infrastructure.

Russian Economy's Dependence on Imports

Olga Berezinskaya — Research fellow of the Center of Structural Research, Institute for Applied Economic Studies, Russian Presidential Academy of National

Economy and Public Administration. E-mail: berezinskaya@ranepa.ru

Alexey Vedev – Head of the Center of Structural Research, Institute for Applied Economic Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences. E-mail: vedev-al@ranepa.ru

The article deals with the dynamics of the goods of the Russian Federation in General and by imports of consumer, investment and intermediate goods in 2006–2016 Gg. Special attention is given to change the import dependence of the Russian economy. The focus of the article is investment import dependence and production processes. The analysis of dynamics and actual levels of import dependence, defined causes its amplification, described its limits and stimulating effect on the development of the Russian economy.

Key words: imports of goods in the Russian Federation, consumer goods, capital goods, intermediate goods, dependence on Imports, technological dependence of the economy on import, investments in fixed capital.

Trump's Economic Plan: The Estimated Future Effects

Anna Kiyutsevskaya – Senior Research fellow of the Center for the Study of Central Banks, Institute for Applied Economic Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Expert of Monetary Policy Department of the Gaidar Institute, Candidate of Economic Sciences. E-mail: kiu2003@mail.ru

Pavel Trunin – Leading Research fellow of the Center for the Study of Central Banks, Institute for Applied Economic Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences. E-mail: pt@iep.ru
It was during his election campaign that US President Donald Trump put forth a number of domestic economic policy proposals, which, once implemented, may not only alter the rules of game in the US economy, but also significantly influence the entire global economy.

Key words: Donald Trump, Trump's economic plan, US economic policy.

Trump's Foreign Policy and Multilateral Institutions of Collective Governance

Marina Larionova – Director of the Center for International Institutions Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Philological Sciences, Doctor of Political Sciences. E-mail: larionova-mv@ranepa.ru

Andrey Sakharov – Research fellow of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: sakharov-ag@ranepa.ru

Andrey Shelepov – Research fellow of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: shelepov-av@ranepa.ru

Mark Rakhmangulov – Research fellow of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: rakhmangulov-mr@ranepa.ru

Less than a hundred days passed from inauguration of Donald Trump but it is already clear: the 45th president of the United States does not plan to stop using diplomatic tools and global institutions for the implementation of his foreign policy, whose priorities are American interests and the US national security.

Despite the harsh rhetoric in the UN, cooperation with the Organization on key areas of its activities: promotion of development, peacekeeping and humanitarian affairs would continue. The Group of seven and the G20 leaders have much more common priorities and common objectives than differences. A detailed plan of the country's participation in the work of the various WTO bodies suggests that talk of revising United States policy with regard to WTO prematurely. D. Trampe continue United States leadership in NATO, and the requirement of increasing defence budgets partners doesn't mean the reduction of military expenditures, United States.

Key words: global governance, multilateral institutions, foreign policy, USA, G20, G7, WTO, NAFTA, Transpacific partnership, EU, NATO.

Russian Industry in 2015–2016: Was There Any Crisis?

Sergey Tsukhlo – Head of Business Surveys Department, Center for Real Sector of the Gaidar Institute,

Candidate of Economic Sciences. E-mail: tsukhlo@iep.ru

The monitoring of a representative set of indicators of business surveys carried out by the Gaidar Institute permits to identify the specifics of the 2015–2016 crisis in Russian industry. Firstly, within the two crisis years the dynamics of the main indicators (demand, output and prices) were rather weak which situation was quite an unexpected one for observers and different from the previous crises. Secondly, one could get psychologically prepared to the 2015 crisis several years in advance when the thesis of “the second wave of the crisis” was introduced. The above factors formed the third specifics of 2015 – Russian enterprises went through that crisis rather smoothly. Fourthly, the only manifestations of the 2015–2016 crisis for Russian industry were a dramatic surge in the interest rate on bank loans and a collapse of investment plans.

Key words: Russian industry, demand, output, employment, stocks of finished goods, crediting of manufacturing, actual trends and expectations.

Survey of Current Business

Sergey Aukutsionek – Head of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences. E-mail: reb@imemo.ru

Andrey Yegorov – Research fellow of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences Candidate of Economic, Sciences. E-mail: andrese@mail.ru

Inessa Bachirova – Senior Research fellow of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. E-mail: bachirova@imemo.ru

Tatyana Serzhantova – Senior Research fellow of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. E-mail: serzhantova@imemo.ru

The most notable changes in January 2017 occurred in

the field of interaction with the banking sector. The share of enterprises that do not have and are not expected in the next 3 months to have debts to banks amounted to 63% – an increase of 16 points compared with last month and a record for the entire 25-year history of the observation of this issue. The share of enterprises not going to borrow new loans from banks in the next 3 months increased by 14 percentage points compared to the previous month and amounted to 65%. Such values were last recorded in 1998–1999. The diffusion index of indebtedness to banks expected in 3 months has noticeably decreased (-13 pp).

Key words: industry, industrial enterprises, price level, wages, employment, output, investment, indebtedness to banks, order-book level, stocks of finished products, capacity utilization rate, risk of bankruptcy, economic policy, crisis duration.

Bank Liabilities are on the Rise Due to Increasing Individual Deposits

Michael Khromov – Head of the Department for Financial Studies of the Gaidar Institute; Senior Research fellow, Center of Structural Research of the Institute for Applied Economic Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: khromov@iep.ru

Growth of non-cash monies has been sustained in the main by that of individual ruble-denominated bank deposits. The deposits and monies kept on their bank accounts by organizations have been growing at a slower pace, thus corresponding to the movement of their turnover in nominal terms. At the same time, the relative share of term deposits in the total amount of organizations’ funds held in the banking system has been shrinking. This may be a sign of reviving interest in investing in real production.

Key words: Russian banking sector, deposits, current accounts and deposits the organizations, bank liabilities.

Disbalances of the Russian Financial System and the Possibility of Their Overcoming

Yury Danilov – Leading Research fellow of the Russian Presidential Academy of National Economy and

Public Administration, Candidate of Economic Sciences. E-mail: danilov-ya@ranepa.ru

The article examines the imbalances of the Russian financial system, which resulted from the national peculiarities of the process of financialization. Three major imbalances have been identified, the decisive role of the excessive development of the banking sector (in relation to the non-banking financial sector) is shown. Analyzed in the foreign literature approaches to the resolution of these imbalances, an original approach is proposed, which consists in the rejection of «repressive measures» with respect to the banking sector, which is replaced by an alternative stimulus to the outstripping development of the non-banking financial sector.

Key words: financial market, financialization, banking sector, non-banking financial sector, long-term investments, economic growth, leverage, equity financing, debt financing, imbalances in the financial sector.

How to Calculate Tax Burden on Russian Economy

Svetlana Shatalova – Head of Studies Tax Policy Department, Institute for Applied Economic Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: shatalova@ranepa.ru

Vladimir Gromov – Senior Research fellow of the Center for Macroeconomics and Finance of the Gaidar Institute, Candidate of Economic Sciences. E-mail: gromov@iep.ru

Tax burden as a quantitative indicator serves as an important source of information about the quality of tax regulation and proper tax system. Its importance considerably increases during the discussion, planning and implementation of tax reforms. That said, so far, there is no methodology for calculating tax burden on Russian economy. Whereas in the context of prevention of tax burden growth it plays an important role. The article describes special aspects of tax burden calculation for Russian economy on the assumption of a priority for data comparability between countries.

Key words: taxes, tax burden, fiscal policy, tax system, non-tax payments.

Calculation of Tax Burden and Its Impact on Profitability in Sectors of the Economy

Andrey Korytin – Research fellow of the Studies Tax Policy Department, Institute for Applied Economic Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: korytin-av@ranepa.ru

Svetlana Shatalova – Head of Studies Tax Policy Department, Institute for Applied Economic Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: shatalova@ranepa.ru

This article presents the results of the search of an applicable measure of the tax burden on enterprises as well as the calculations of the average tax rate for businesses by industries based on statistical data. The authors compare obtained averages tax rates among industries as well as the average tax rates with the rates of return in respective industries and estimate the reduction of the rate of return after taxation.

Key words: tax burden, average tax rate, rate of return.

Current Trends in Social Development

Aleksandra Burdyak – Senior Research fellow, Institute of Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: aleksandra.burdyak@gmail.com

Dmitry Loginov – Senior Research fellow, Institute for Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences. E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Tatiana Maleva – Director of Institute for Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences, Doctor of Business Administration. E-mail: maleva-tm@ranepa.ru

Aleksandra Polyakova – Leading Research fellow of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Economic Sciences. E-mail: polyakova-ag@ranepa.ru
When the same level of unemployment, the labour

force in February, 2017. decreased compared to January-equally by reducing the number of people employed and unemployed. Outcome of 2016 was a further increase in the share of employed in the informal sector as a continuation of the trend, the situation on the Russian labour market after the crisis 2008–2010 Gg.

Real disposable money incomes of the population in February, 2017. decreased by 4.1%, the actual size of pensions-by 0.6% and real gross wages grew by 1.3% compared to February 2016 g. as in the previous month, inflation continued to be low, especially for food. Compared with March previous year decreased the concentration of risks in the sphere of employment, which include workers' fears about the decline and delay payment, working time reductions and layoffs. Stable just feel into the labour market workers with higher education.

Key words: standard of living, income, labour market, social well-being.

Real Economy: Especially Development of Federal Districts in 2016

Olga Izryadnova – Head of Structural Policy Department, Center for Real Sector of the Gaidar Institute; Leading Research fellow of the Center for Macroeconomic Research, Institute for Applied Economic Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: izryad@iep.ru

Development of Russian economy in 2016 was marked by gradual adaptability to new conditions: low prices on oil and gas, and on mineral and raw materials,

change of dynamics and structure of foreign economic activity, sanctions and countersanctions. Comparative analysis of the main indicators changes across federal districts as a whole highlights gradual alleviation of recession regarding industrial production, indicators of labor market. However, it highlights retention of considerable differentiation of investment and consumer demand contraction well as standards of living indicators among federal districts.

Key words: GDP, industrial production, extraction of mineral resources, manufacturing industry output, retail trade, investments in capital assets, federal districts.

Regions in 2016: Indexes Have Improved at the Capital's Expense

Natalia Zubarevich – Main Research fellow of the Demography, Migration and Research Laboratory, Institute for Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Geographic Sciences, Professor. E-mail: zubarevich-nv@ranepa.ru

In 2016, the number of major indexes-investment dynamics, population income, and consumption (retail trade)-was declining. Indexes of the budgets balance significantly improved but mainly at the Moscow budget's expense. In 2016, industry demonstrated weak growth and the unemployment level remained low. However, regional dynamics as before differ noticeably.

Key words: Russian regions, crisis in regions, regional budgets, regional industry, construction and commissioning of housing in regions, social indices in regions.